

26 января 1916 года. Печатать дозволяется. Ректоръ Императорской
Петроградской Духовной Академіи, Епископъ *Анастасій*.

С л о в о

при постригѣ студента III курса Императорской Петроградской духовной Академіи Вячеслава Егорова въ иноки, сказанное въ храмѣ Академіи, 4 декабря 1915 г., во время Божественной литургіи.

Возлюбленный о Христѣ братъ Гурій!

ГЕЙЧАСТЬ сподобилъ тебя Господь пріятія ангельскаго образа и исполненія давняго твоего горячаго желанія. Душевно тебя привѣтствую. Душа твоя теперь полна высокою радости, сердце твое горитъ свѣтлымъ огнемъ горячей любви къ Господу: ты получилъ великое блаженство, — види въ свѣтѣ Христовѣ, просвѣщающемъ всякаго человѣка. Съ юныхъ лѣтъ стремился Ты къ этому, — былъ скромнень, глубоко-религіозенъ, проявлялъ живой и серьезный интересъ къ вопросамъ вѣры, и твое стремленіе отказаться отъ всего мірскаго, чтобы пріобрѣсти Христа (Фил. 3, 8), теперь осуществилось Божиимъ благословеніемъ.

А лице скромнаго подражаетъ смиренію любимаго, говорить авва Исаакъ Сиріянинъ (Слово 68). Ты возлюбилъ всѣмъ сердцемъ Христа и, слѣдуя за Нимъ, стяжай, брате, Христово смиреніе. Смиреніе же есть отрѣшеніе отъ всего видимаго, чувственнаго, и невидимаго, мысленнаго, оставленіе заботы объ этомъ и всецѣлое удаленіе въ міръ духовнаго житія и преуспѣянія. Чѣмъ выше человекъ стоитъ на лѣстницѣ духовнаго и нравственнаго совершенства, тѣмъ онъ смиреннѣе, — отдаленъ отъ всего земнаго, весь пребываетъ въ небесномъ, въ святости Божества, у своего Владыки — Христа,

искренно уповая на Него и молясь Ему: по волѣ Твоей, Господи, да будетъ все со мною; и *сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19).

Отдай и ты, друже, себя всецѣло Господу, памятуя твоего святаго небеснаго покровителя, Казанскаго святителя Гурія, великаго проповѣдника Христовой Истины невѣрнымъ и язычникамъ, отдавшаго себя всего ихъ спасенію по указанію Господню.

Се и икона св. Гурія предъ тобою—отъ меня, грѣшнаго, тебѣ въ благословеніе. Молись ему. А по его предстательству да благославить Господь твое вхожденіе въ объятія отча и пребываніе со Христомъ. Свѣтъ Христовой Правды носи всюду, служа вѣрно Церкви Святой, какъ въ дни ея радостей, такъ и во дни скорбей. Будь добръ воинъ Христовъ, какъ и святитель твой Гурій, и на томъ святомъ миссіонерскомъ послушаніи, къ которому лежитъ твое сердце, по милости Божіей.

Благословенъ грядый во имя Господне!

Епископъ Анастасій.

Историческая роль болгарскаго духовенства въ народной и политической жизни Болгаріи ¹⁾.

ИЗМѢНА Болгаріи Россіи и славянскому дѣлу, завершившая собою то двусмысленное поведеніе по отношенію къ Россіи болгарскихъ правящихъ круговъ, которое проявлялось съ самаго начала настоящей великой войны, глубоко взволновала русское общество. Естественно, конечно, было недоумѣніе, какимъ образомъ страна, освобожденная Россіей, единоплеменная и единовѣрная ей, оказалась въ лагерьъ нашихъ враговъ. Но задача моя сейчасъ не въ томъ, чтобы объяснять причины, приведшія къ столь печальному и ненормальному положенію. Безпристрасно и всесторонне выяснить эти причины въ настоящее время очень трудно, если не невозможно. Скажу только, что онѣ кроются въ области крайне обострившихся со времени второй балканской войны (1913 года) болгаро-сербскихъ взаимоотношеній. Я хочу теперь только больше подчеркнуть ненормальность создавшагося положенія, его противорѣчіе исторически сложившемуся направленію болгарской народной жизни. Фердинандъ Кобургскій, начиная теперешнюю братоубійственную войну съ сербами, заявилъ, что Болгарія отнынѣ отрѣшается отъ своей прежней, исторической и національной, политики и начинаетъ повую—государственно-династическую ²⁾. Такъ можетъ, конечно, представляться дѣло въ воображеніи Фердинанда Кобургскаго, въ зна-

¹⁾ Докладъ, читанный въ Славянскомъ Благотв. Обществѣ 2 поября и въ Обществѣ бывшихъ питомцевъ Имп. Петрогр. Дух. Академіи—27 ноября 1915 г.

²⁾ Изъ русскихъ газетъ.

чительной степени одержимаго маніей величія, но труднѣе осуществить это намѣреніе въ дѣйствительности. Какъ для отдѣльнаго организма существуютъ извѣстные законы развитія и роста, нарушать которые нельзя безнаказанно, такъ и для собранныхъ организмовъ, именуемыхъ народностями и государствами, тоже существуютъ свои законы. Всякій народъ, если онъ желаетъ оставаться самимъ собою, долженъ развиваться, не отрываясь отъ своихъ историческихъ корней. Иначе онъ долженъ погибнуть. Такъ и Болгарія: она или погибнетъ, какъ самостоятельная народность, оторвавшись отъ остального православно-славянскаго міра, или же должна вернуться на прежній, традиціонный путь. А такъ какъ намѣренно-сознательное и длительное самоубійство цѣлой народности невозможно, то, мнѣ кажется, что скорѣе осуществится второе предположеніе. Тотъ своего рода психозъ, или то «преступное безуміе», какъ назвалъ его одинъ болгарскій политическій дѣятель (Гешовъ), которымъ объято болгарское общество въ настоящее время, не можетъ быть слишкомъ длительнымъ.

Исторія болгарскаго народа со времени турецкаго ига указываетъ намъ слѣдующее: 1) болгарскій народъ сохранилъ свое національное бытіе только благодаря своей народно-православной церкви и своему народно-православному духовенству; 2) духовные вожди народа, въ лицѣ своихъ лучшихъ и главныхъ представителей, всегда тяготѣли къ Россіи и въ ней находили для себя опору. Эти основныя положенія болгарской исторіи я и постараюсь развить въ сегодняшнемъ докладѣ.

Отмѣтить эти положенія въ настоящую минуту мнѣ представляется особенно желательнымъ. Если крайне ненормальна вражда Болгаріи къ намъ въ области политическихъ отношеній, то было-бы просто чудовищнымъ, если-бы она простиралась и на церковныя взаимоотношенія. Нелишне здѣсь напомнить, что эти культурно-церковныя взаимоотношенія связывали насъ съ Болгаріей искони вѣковъ. Напомню сейчасъ слѣдующіе важнѣйшіе факты. Одна изъ женъ св. Владимира, еще язычника въ то время, мать свв. князей-мучениковъ Бориса и Глѣба, была болгаркой по происхожденію ¹⁾. Болгары были посредниками въ передачѣ намъ православно-славянскаго Кирилло-Меоодіевскаго наслѣдія, на почвѣ котораго развилась

¹⁾ См. объ этомъ въ житіи свв. Бориса и Глѣба, изд. Моск. Синод. типогр., кн 9-я.

вся наша самостоятельная русская культура. Известно, что послѣ смерти св. Меодія († 885 г.) ученики его, изгнанные изъ Моравіи, предавшейся латинству, нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи, у св. князя Бориса, единственнаго въ то время самостоятельнаго славянскаго государя ¹⁾. Здѣсь, въ Болгаріи, также въ Македоніи, принадлежавшей въ то время Болгаріи, трудились на поприщѣ славянскаго просвѣщенія ученики свв. братьевъ и между ними — первый въ собственномъ смыслѣ славянскій епископъ Климентъ, тысячелѣтіе со дня блаж. кончины котораго исполняется въ 1916 году ²⁾. Когда русскіе приняли христіанство, болгарскіе священники были ихъ учителями въ вѣрѣ. Славянское богослуженіе и славянскія книги, понятныя народу, сразу же къ намъ перешли изъ Болгаріи ³⁾. Вотъ этимъ и объясняется въ значительной степени то обстоятельство, что христіанство такъ легко и безпрепятственно распространялось среди нашего народа.

Эти духовно-культурныя взаимоотношенія продолжались и въ послѣдующее время. Известно, что русскіе митрополиты—Киприанъ и Григорій Цамблакъ (XIV в.)—были болгарами и родственниками знаменитаго и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго терновскаго патріарха Евѳимія. Они были посредниками въ передачѣ на Русь того литературно-церковнаго наслѣдія, которымъ Болгарія особенно славилась во время Евѳимія ⁴⁾. И дѣйствительно, южно-славянская письменность, преимущественно болгарскаго происхожденія, оказала весьма важное вліяніе на судьбы нашего просвѣщенія въ XIV—XV вв. ⁵⁾.

Послѣ этихъ краткихъ вступительныхъ замѣчаній я приступаю къ самому докладу.

Со времени подпаденія Болгаріи турецкой власти (1393 г.) и до второй половины XIX в. (до 1872 г.) болгары, какъ известно, не имѣли своей самостоятельной церкви. Въ цер-

¹⁾ См. объ этомъ, напр., въ изслѣдов. М. Соколова: „Изъ древней ист. Болгарь“, Спб., 1879.

²⁾ См. объ этомъ, напр., въ изслѣдов. г. Туницкаго: „Св. Климентъ, еп. Словенскій“ Серг. Пос., 1913.

³⁾ Голубинскій. Ист. рус. церкви, т. I, ч. I, стр. 167, 2 изд.

⁴⁾ См. напр. изслѣдованіе Сырку: „Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.“, Спб. 1899, стр. X и XVI.

⁵⁾ См. объ этомъ въ изслѣдованіи акад. А. И. Соболевскаго: „Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.“. Петроградъ, 1909. Также—въ его рѣчи: „Южно-славянское вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV вв.“, Спб. 1894.

ковномъ отношеніи они были подчинены константинопольскому патріарху, какъ въ политическомъ—турецкому султану.

Болгары въ это время не имѣли своихъ національныхъ епископовъ. Они имѣли только священниковъ. При такихъ условіяхъ не могло быть, конечно, и рѣчи о какомъ-либо политическомъ вліяніи болгарскаго духовенства на народную жизнь.

Да и въ собственно церковномъ, даже чисто богослужебномъ, отношеніи вліяніе болгарскаго духовенства въ турецкое время было весьма стѣснено.

Церкви, напр., тогда можно было строить только по особому султанскому разрѣшенію—фирману. Въ этомъ фирманѣ точно обозначалась длина, ширина, высота строимой церкви. Но въ тѣхъ городахъ, гдѣ было достаточно турокъ, и султанскіе фирманы оказывались недостаточно дѣйствительными. Церковь должна была строиться иногда больше, чѣмъ на половину въ землѣ, чтобы она была какъ можно менѣе замѣтна для глаза. Строить ее приходилось въ опредѣленный, весьма короткій срокъ, напр., 18 дней или даже 7 дней, и то больше по ночамъ. При заколачиваніи гроздей въ дерево приходилось подкладывать овчину на гвозди, чтобы постройка церкви не обезпокоивала турокъ. Церковный звонъ безусловно запрещался. Вечеромъ церковный сторожъ обходилъ дома и приглашалъ: «заповѣдайте на вечерня». Утромъ-же, приглашая къ утрени, онъ хлопалъ слегка по воротамъ болгарскихъ домовъ—такъ, чтобы только могло слышать семейство. Потомъ позволено было ввести клепала, сначала — деревянные, а затѣмъ и желѣзные ¹⁾).

Турки не дѣлали различія между народностями. Магометъ II, завоеватель Константинополя (1453 г.), далъ особый берать (грамоту) константинопольскому патріарху, предоставившій ему автономію въ церковномъ управленіи и вообще большія права и преимущества.

Но не одни греки бератомъ Магомета II подчинялись духовной и судебной власти вселенскаго патріарха, а всѣ вообще православныя народности, входившія въ составъ обширной оттоманской имперіи. Слѣдствіемъ такого порядка вещей было развитіе эллинизации среди православныхъ народовъ, завоеванныхъ турками, и ближайшимъ образомъ—среди

¹⁾ Димитровъ. „Княжество Бѣлгарія“. Ч. I. София, 1894, стр. 54—59.

болгарь, уже по своему географическому положенію непосредственно сосѣдившихъ съ Цареградомъ. На епископскія мѣста, какъ было уже замѣчено, стали назначаться почти исключительно греки-фанариоты; изъ болгарь могли достигнуть епископскаго сана только эллинизированные болгары. Славянское богослуженіе по городамъ замѣнилось греческимъ. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были открыты эллинскія училища. Преподаваніе болгарскаго языка повсемѣстно преслѣдовалось. Образованные болгары стали стыдиться своей народности, называли себя греками и говорили по-гречески. Болгарская народность подвергалась опасности полного вымиранія ¹⁾).

И если этого не случилось, то только потому, что среди болгарь существовали очаги, гдѣ поддерживалась слабо тлѣвшая искра національнаго самосознанія. Такими очагами были болгарскіе монастыри. Здѣсь совершалось славянское богослуженіе, здѣсь переписывались славянскія книги, составлялись духовно-назидательные сборники, т. н. «дамаскины». Въ своей народно-просвѣтительной дѣятельности эти центры болгарскаго просвѣщенія опирались на родственную Сербію, гдѣ дольше сохранялась политическая самостоятельность, гдѣ, вслѣдствіе большей отдаленности отъ Константинополя, слабѣе сказывалось турецкое и греческое вліяніе, гдѣ въ болѣе сильной степени сохранялось и національное самосознаніе и развивалось славянское просвѣщеніе ²⁾. Главнѣйшими просвѣтительными центрами для болгарь въ турецкую эпоху были преимущественно два мѣста—Аѳонъ и Рыльскій монастырь. Отсюда выходили монахи-духовники, которые ходили для исповѣди народа по Болгаріи, проповѣдывали ему слово Божіе на родномъ языкѣ и распространяли среди него славянскія религіозно-нравственныя книги. До насъ дошло имя одного изъ такихъ монаховъ-духовниковъ Рыльскаго монастыря, который одинъ изъ первыхъ началъ вводить въ употребленіе въ проповѣди и въ книгѣ, вмѣсто господствовавшаго до сихъ поръ «ресавскаго»—сербскаго нарѣчія, простонародный болгарскій

¹⁾ См. объ этомъ: 1) Иречка „Исторія Болгарь“, Одесса, 1878, гл. XXIX. 2) Теплова „Греко-болгар. вопр.“, 1879, стр. 15 и слѣд., а также 3) „Исторію христ. церкви“ въ XIX в., изд. А. П. Лоухина, т. II, стр. 342.

²⁾ См. объ этомъ Сырку „Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгарь и сербовъ въ XIV—XVII вв.“ СПб. 1901 г. стр. ССХVI и слѣд.

языкъ. Это былъ Іосифъ Брадатый, жившій въ періодъ времени между 1690—1750 гг. ¹⁾).

Вотъ подобныя-то лица и поддерживали въ болгарскомъ народѣ слабо тлѣвшую искру національнаго самосознанія въ тяжелыя времена тяготѣвшаго надъ болгарами двойного ига: политическаго—турецкаго и духовнаго—греческаго.

Болѣе же замѣтнымъ толчкомъ къ пробужденію національнаго самосознанія среди болгаръ послужило ознакомленіе ихъ съ отечественной исторіей. Въ 1762 г. аѳонскій-хиландарскій монахъ Паисій окончилъ свою маленькую книжку: «Исторія славяно-болгарска и народѣхъ и о царѣхъ и о святыхъ болгарскихъ», съ появленіемъ которой въ свѣтъ началось болгарское національное движеніе ²⁾).

О. Паисій, тоже (въ качествѣ духовника) путешествовавшій и распространявшій свою исторію, имѣлъ цѣлый рядъ учениковъ. Къ числу ихъ принадлежалъ, напр., о. Спиридонъ, авторъ другой болгарской исторіи, дополняющей исторію о. Паисія (1792 г.). ³⁾ Къ ихъ же числу принадлежалъ и знаменитый дѣятель болгарскаго просвѣщенія к. XVIII—нач. XIX в. епископъ Софроній Вратчанскій ⁴⁾).

Софроній оставилъ намъ свое жизнеописаніе («Житіе и страданія грѣшнаго Софронія»), ярко и картинно изображаю-

¹⁾ См. о немъ Д. Маринова „Іеромонахъ Іосифъ Брадати“. Мсб., кв. 13, отд. 1, стр. 99 и слѣд.

²⁾ О Паисіи и его „Исторіи“ см. А. Теодорова; „Трѣмъ на бѣгарската словесность, свезка 1“. Пловдивъ 1898; М. С. Дринова: „Отець Паисій, неговото време, неговата история и училищитѣ му.“ Съчинения, т. I. София, 1909, стр. 113—137; его-же: „Още нѣколко бѣлѣжки за Паисія и за неговата история“, Ibid., стр. 549—562; Попруженко: „Очерки по ист. возрод. болг. нар.“—Ж. М. Н. Пр. 1903, октябрь; Иречекъ, Ист. Бол., Од. 1878, гл. XXX.

³⁾ См. Попруженко. „Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа“. Ж. М. Н. Пр. 1903 г., октябрь, стр. 327 и слѣд.: „Историческія работы“.

⁴⁾ О Софроніи Вратчанскомъ см. А. Теодоровъ Балавъ „Софрони Врачански. За стогодишницата на новата бѣгарска печатна книга (1806—1906)“. София, 1906. Здѣсь напечатано и „Житіе“ Софронія. Болѣе новое и научное изданіе этого житія сдѣлано въ послѣднее время д-ромъ П. Н. Орѣшковымъ. София, 1914. Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть подъ руками этого изданія. О Софроніи также см. М. С. Дринова: „Нѣколко забравени списанія на Софронія Врачанскаго“, Съчинения, т. II. София, 1911, стр. 321—330; А. И. Соболевскаго: „Неизвѣстные труды Софронія Врачанскаго“. („Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. XIII, 1908, кв. 6). Также: „Период. Спис.“, год. I, кн. 5 и 6, Браила, 1872.

щее состояніе болгарскаго народа и въ частности духовенства надъ турецкимъ гнетомъ. Въ мірѣ Стойко Владиславовъ (род. въ 1739 г., въ г. Котлѣ), Софроній болѣе 20 лѣтъ былъ болгарскимъ священникомъ. Онъ былъ человѣкомъ выдающимся изъ ряда современныхъ ему священнослужителей по своей любознательности и любви къ самообразованію. Встрѣча съ Паисіемъ, который, путешествуя по Болгаріи, посѣтилъ и Котель (1765 г.), не прошла даромъ для Софронія. Объ этомъ свидѣтельствуесть одинъ изъ самыхъ раннихъ списковъ «Исторія Паисія»—т. п. «Котленскій списокъ» (1765 г.); происхожденіе котораго обязано «іерею Стойко». Немудрено, что горячій призывъ Паисія не стыдиться своего рода и языка и учиться на своемъ языкѣ нашель живой откликъ во впечатлительномъ іереѣ Стойкѣ и побудилъ его сдѣлаться учителемъ своего народа въ церкви и школѣ, черезъ посредство устной проповѣди и книги на живомъ, простонародномъ болгарскомъ языкѣ. Стойко въ послѣдствіи и самъ побывалъ на Аѳонѣ, этомъ источникѣ просвѣщенія у болгаръ въ турецкій періодъ, и вообще ревностно работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Какъ священникъ и учитель народа, жившій съ нимъ одной жизнью, Стойко-Софроній подвергался одинаково съ нимъ всѣмъ невздамъ ужаснаго турецкаго режима. Онъ терпѣлъ отъ турокъ такого рода мученія и издѣвательства, что даже описаніе всего этого приводитъ въ ужасъ. Ему на каждомъ шагу грозили пытками, его били, у него рвали бороду, грозили повѣсить, и даже дѣйствительно вѣшали, грозили отрубить голову! Вотъ одинъ случай, рассказываемый Софроніемъ: «Въ 1768 г. началась война турокъ съ московцами. Что тутъ говорить: какъ пошла (на войну) лютые и свирѣпые агаряне, какого зла не причинили они христіанамъ!.. Сколько людей избили! А наше село (Котель) было на четырехъ дорогахъ, а домъ мой былъ очень далеко отъ церкви. А по обычаю нашему мнѣ нужно было каждый день быть въ церкви къ вечернѣ и утрени. Сколько улицъ мнѣ нужно было обойти, чтобы дойти до церкви и потомъ снова возвратиться домой. И сколько разъ меня хватали, били меня и голову мнѣ пробили, и хотѣли убить меня... Но Богъ меня сохранилъ» ¹⁾.

Въ довершеніе бѣдствій, и сослуживцы Софронія и его паства остались неблагодарными за его труды и съ головой

¹⁾ Теодоровъ, 9—10.

выдали его туркамъ. «Все это, говорить онъ въ своемъ жизнеописаніи, я долженъ былъ переносить за мою службу общественнымъ интересамъ! Сколько разъ ходилъ я въ визирскій диванъ и защищалъ общіе интересы! 20 лѣтъ училъ дѣтей ихъ грамотѣ («учихъ дѣцата имъ книжное ученіе») и каждое воскресенье, каждый праздникъ поучалъ ихъ въ церкви («сказувахъ поученіе»). И за всѣ труды и добро, что я имъ сдѣлалъ и желалъ сдѣлать, они выдали меня, наконецъ, бо-станджи-баши, чтобы онъ убилъ меня!»¹⁾

Подъ конецъ жизни, когда Софроній былъ уже 54-лѣтнимъ старцемъ, въ 1794 г., ему предложили Вратчанскую епископскую кафедру. Охотниковъ изъ грековъ пойти сюда не нашлось. Вся западная Болгарія въ то время была театромъ гражданской войны, охвачена была движеніемъ кирджалиевъ. Кирджалии нашли себѣ прочную опору въ лицѣ Османа Пасваноглу (иначе Пасванджія), который въ 1794 г. овладѣлъ всѣмъ пространствомъ Виддинскаго пашалыка. А Вратца какъ разъ входила въ предѣлы этого пашалыка.

При такихъ условіяхъ Софронію, какъ епископу, все время приходилось проводить въ скитаніяхъ, скрываться въ разныхъ мѣстахъ отъ преслѣдователей, одинъ разъ—даже въ турецкомъ гаремѣ!

Такая жизнь была невыносима. Въ 1803 г. Софроній переселился въ Бухарестъ, къ своимъ дѣтямъ, отказался отъ епархіи и всецѣло предался книжнымъ занятіямъ на пользу своего народа.

«Поэтому, я тружусь и днемъ и ночью, заключаетъ онъ свою скорбную автобіографію, желая написать нѣсколько книгъ на нашемъ болгарскомъ языкѣ, и такъ какъ у меня нѣтъ возможности лично говорить предъ ними какое-либо полезное поученіе, и имъ невозможно слушать меня, грѣшнаго, то пусть хоть прочтутъ писаніе мое и изъ него научатся чему-нибудь полезному»...²⁾

Софроній былъ авторомъ первой печатной болгарской книги. Его «Кириакодроміонъ», сборникъ поученій (изд. въ первый разъ въ 1806 г., въ Бухарестѣ), былъ очень долгое время любимѣйшей книгой для простого болгарскаго народа и даже еще въ настоящее время встрѣчается въ обращеніи среди него.

Находясь въ Бухарестѣ, Софроній, первый изъ болгаръ,

¹⁾ Теодоровъ. 17.

²⁾ Теодоровъ. 39.

выступилъ и на политическомъ поприщѣ, содѣйствуя болгарскому освобожденію изъ польтурецкаго гнета. Съ 1806—1812 гг. происходила русско-турецкая война. Въ 1810 г. русскія войска перешли черезъ Дунай. Популярный болгарскій епископъ явился посредникомъ между русскими и болгарамн. По словамъ Раковского, онъ находился среди русскихъ войскъ и призывалъ народъ оказывать радушіе и довѣріе къ освободителямъ. Имъ было составлено воззваніе на болгарскомъ языкѣ, въ печатномъ видѣ распространявшееся въ то время среди болгаръ. Вотъ полный текстъ этого воззванія въ русскомъ переводѣ:

«Воззваніе къ болгарскому народу.

Милостію Божіею Софроній, архіерей Болгарскій.

Отечески молитствую о васъ, любезныя чада мои, роде болгарскій! Христіане, что живете въ Болгарской землѣ, здравствуйте! Радуйтесь, ибо вотъ теперь приходитъ радость общая для всей Болгаріи, вотъ приближаются теперь спасеніе и избавленіе ваши. Вотъ мы видимъ и наблюдаемъ теперь, какъ изливается милость Божія на бѣдный родъ нашъ,—какъ внушилъ Богъ на сердце благочестивѣйшему и великому Государю Императору Александру Павловичу и подвинулъ его избавить насъ отъ такового турецкаго варварскаго мучительства. И вотъ приближается къ вамъ крестоносное его воинство—ваши братья христіане, чтобы избавить васъ отъ столь великаго несчастія; вотъ наступаетъ тотъ свѣтлый день, котораго вы ожидаете болѣе 400 лѣтъ!

Но, о роде храбрый, болгары и вѣрные христіане! Стойте, крѣпитесь и не бойтесь, любезно и усердно примите этихъ христіанъ, вашихъ братьевъ, которые идутъ по волѣ Божіей избавить васъ. Не бойтесь: воинство христолюбивое. Не бѣгайте отъ нихъ и не перемѣщайте изъ городовъ и изъ домовъ вашихъ, но смотрите и потрудитесь, чтобы приготовить продовольствіе: хлѣбъ, ямень, сѣно,—сколько можете, чтобы вамъ принять и угостить ихъ по должности христіанской. И не считайте ихъ за чужихъ, но за единовѣрныхъ братьевъ вашихъ. Непритворно послужите имъ съ вѣрностью и любовью, ибо и они проливаютъ свою кровь за вѣру христіанскую, за отечество свое и за святую Церковь Божію, и за братьевъ и за сестеръ своихъ, чтобы сохранить и уберечь ихъ, какъ бы и они не впади въ рабство, въ какое впади вы отъ несогласія и отъ ненависти другъ къ другу и вслѣдствіе этого оказались

въ такомъ бѣдственномъ состояніи. Поэтому, всякій христіанинъ, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, пусть удѣлитъ отъ устъ своихъ хлѣба своего и пусть угоститъ ихъ, а не бѣгаетъ къ врагамъ туркамъ.

Но, о чада христіане наши! Притеките и прилѣпите къ этому христіанскому воинству, ибо оно не бьетъ и не убиваетъ, какъ проклятые агаряне. И вамъ не будетъ никакой потери—ни въ хозяйствѣ, ни въ имѣніи, не будетъ никакого безчестія; и что дадите—ячмень, сѣно, домашній скоть,—все будетъ оплачено вамъ отъ Государя. Онъ желаетъ покровительствовать вамъ и защищать васъ.

Ахъ, христіане! Развѣ вы не знаете, какъ жгли васъ мучители турки раскаленнымъ желѣзомъ, какъ пекли въ огнѣ дѣтей вашихъ предъ вашими глазами; сколько разграбили хозяйствъ и имѣній вашихъ; сколько взяли сыновей и дочерей вашихъ и сдѣлали ихъ невѣрными? А развѣ и теперь не причиняютъ вамъ этого мучительства? Зачѣмъ-же вамъ бѣжать къ такимъ врагамъ христіанскимъ? Вотъ ваши страданія дошли до слуха благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича, и онъ пожалѣлъ васъ и захотѣлъ избавить васъ отъ такого мучительства. Спросите-ка, есть-ли гдѣ въ другихъ государствахъ такое мучительство. Ваши страданія по всей Европѣ стали извѣстными и во всѣхъ газетахъ упомянуто и написано о вашихъ мученіяхъ. Неужели-же ваше сердце позволить вамъ стать на сторону враговъ вашихъ и лютыхъ мучителей? Бѣгайте отъ нихъ, любезные христіане, какъ отъ лютой и ядовитой змѣи, и имѣйте общеніе съ этимъ христіанскимъ воинствомъ россійскимъ. И имѣйте ихъ, какъ едиnorodныхъ братьевъ вашихъ, вѣрно и любезно послужите имъ и примите ихъ въ дома ваши, угостите и почтите ихъ, и куда они захотятъ идти, вѣрно и безъ обмана указывайте имъ путь. А въ особенности, христіане, берегитесь отъ Іудинаго предательства, какъ отъ огня геенскаго. Сохрани Богъ, чтобы какой-либо христіанинъ впалъ въ такой тяжкій грѣхъ, за который онъ будетъ наказанъ и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ, ибо такой человекъ вѣру свою христіанскую предаль-бы врагу христіанскому.

Вотъ если вѣрно послужите, надѣмся, что при помощи Божіей черезъ короткое время будете имѣть радость и веселіе и поживете мирно и тихо, чего мы всѣ и желаемъ вамъ. Аминь.

Софроній, архіерей Болгарскій » ¹⁾.

¹⁾ Теодоровъ, стр. 53—55.

Сохранилось съ именемъ Софронія еще одно письмо отъ 10 янв. 1808 г., писанное изъ Бухареста въ Спб. царскому адъютанту Ивану Аван. Замбину, вратчанцу по происхожденію, съ просьбой, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ русскимъ Государемъ объ освобожденіи Болгаріи. (Письмо это напечатано въ Мсб., кн. хх). Но подлинность его подвергается сомнѣнію ¹⁾).

Софроній Вратчанскій оставилъ цѣлый рядъ учениковъ. Изъ нихъ извѣстны: Хаджи Иоакимъ, даскалъ Кърчовскій или Кичевскій (Битольскаго санджака), Кирилль Пейчиновичъ Тетовець, архимандритъ Θεодосій, основатель первой болгарской типографіи въ Солуни. Всѣ они жили въ 1-й пол. XIX в. и были авторами различныхъ духовно-нравственныхъ книгъ на болгарскомъ языкѣ, сѣятелями національно-болгарскаго просвѣщенія и будителями народнаго самосознанія. Всѣ они, какъ и самъ Софроній, находились до нѣкоторой степени надъ вліяніемъ сербскаго просвѣщенія. До открытія болгарской типографіи въ Солуни болгарскія книги печатались внѣ предѣловъ болгарской территоріи: въ Валахіи (Бухарестъ), въ Венгріи (Буда-Пешть, Брашовъ) и въ Сербіи. Это объяснялось тѣмъ, что тамъ жило много болгарскихъ торговцевъ и эмигрантовъ, содѣйствовавшихъ просвѣщенію своего народа ²⁾).

Между тѣмъ, въ особенности со времени Адрианопольскаго мира (1829 г.), въ Болгарію все болѣе и болѣе начинаетъ проникать русское вліяніе. Болгарскіе купцы, жившіе въ Россіи (въ Одессѣ)—Априловъ и Палаузовъ изъ Габрова, возбужденные къ патріотической дѣятельности преимущественно чрезъ чтеніе сочиненій историка Венелина, открываютъ въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи болгарскія школы, которыя потомъ начинаютъ все болѣе и болѣе умножаться.

Въ связи съ этой школьной и просвѣтительной дѣятельностью стоятъ имена двухъ замѣчательныхъ болгарскихъ дѣятелей, двухъ Неофитовъ: іеромонаха Рыльского (род. въ 1793 г.; † 1881 г.), учителя Габровской школы, игумена Рыль-

¹⁾ См. Теодоровъ, 55.

²⁾ Объ ученикахъ Софронія см. слѣдующіе труды: М. С. Дринова— „Нѣколко бѣлѣжки за Хаджи Иоакима, даскала Кърчовскаго“. Съчинения, т. II, София, 1911, стр. 478—482. Его же: „Първата българска типография въ Солунъ и нѣкои отъ напечатаниѣ въ нея книги“. Ibid., стр. 425—450. А. Т.: „Първичето на Хаджи Иоакима“. Пер. Сп., LXI., 1900, мартъ, стр. 199—204. А. Шопова: „Изъ новата история на българитѣ въ Турция“, Пловдивъ, 1895 и др. его труды въ Мсб. и Пер. Сп.

скаго, переводчика Евангелія на болг. языкъ, автора болгарскаго лексикона и другихъ трудовъ, преимущественно въ области педагогики ¹⁾, и архимандрита Неофита Петрова Хиллендарскаго (Бозвели) († 1843 г.), автора школьной энциклопедіи для учащихся («Славено болгарское дѣтководство за малки тѣ дѣца») и другихъ сочиненій, а также одного изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ болгарской церковной независимости ²⁾.

Такъ постепенно подготовлялось и развивалось болгарское національное возрожденіе, приведшее сначала къ поднятію болгарскаго церковнаго вопроса, а потомъ и къ политическому освобожденію Болгаріи. Какъ видите, на челѣ всего этого движенія стояло болгарское духовенство.

Я не буду здѣсь говорить о постепенномъ развитіи болгарскаго церковнаго вопроса, приведшаго къ учрежденію независимой болгарской экзархіи (на основаніи султанскаго фирмана 1870 г.) и къ провозглашенію со стороны греческой церкви т. н. болгарской схизмы (1872 г.). Скажу только, что главными дѣятелями этого движенія были три болгарскихъ іерарха: Илларіонъ, епископъ Макаріопольскій, Авксентій Велесскій и Паисій Пловдивскій (хотя послѣдній былъ и грекъ по происхожденію, а также и другіе; всѣ они находились, правда, подъ сильнымъ давленіемъ болгарской чорбаджійской ³⁾ партіи (во главѣ съ Чомаковымъ), проникнутой духомъ крайней нетерпимости по отношенію къ греческой церкви ⁴⁾.

¹⁾ О немъ см. „Откъслекъ отъ исторіята на Рилскій мѣнастиръ“, София, 1895. Также у Попруженко—„Очерки по исторія възрожд. болг. нар.“—Ж. М. Н. Пр., 1902, ноябрь, стр. 14.

²⁾ О немъ см. проф. Шишманова: „Единъ непознатъ трудъ на Неофита Бозвели“—Мосб., XVIII; Стоянова—Пер. Сп., кн. 3. (Срѣдецъ, 1892); Попруженко—Ж. М. Н. Пр. 1902, ноябрь, стр. 32.

³⁾ „Чорбаджіи“—это своего рода болгарская буржуазія, зажиточный классъ въ Болгаріи. По политическимъ своимъ воззрѣніямъ чорбаджіи въ турецкую эпоху были по большей части туркофилами.

⁴⁾ О болгарскомъ церковномъ вопросѣ см. Т. Ст. Бурмова: „Българогърцката църковна распри“. София, 1902; В. Теплова: „Греко-болгарскій церковный вопросъ по неиаданнимъ источникамъ“. Историч. изслѣдованіе. СПб. 1889; Н. И. Петрова: „Начало греко-болгарской распри и возрожденія болгарской народности“. Кіевъ, 1886; Е. Е. Голубинскаго: „Краткій очеркъ исторіи правосл. церквей“, М. 1871, стр. 176—193 и 295—323; Ѳ. А. Курганова: „Историческій очеркъ греко-болгарской распри“ (Правосл. Собес. 1873 г., т. I—III) и др.

Несомнѣнно, что созданіе независимой болгарской церкви было только прелюдией къ полному—и политическому освобожденію Болгаріи. Такъ смотрѣлъ на это дѣло и простой болгарскій народъ ¹⁾. Также понимали это и даже представители русской дипломатіи. Замѣчательно, что еще въ 1867 г., въ самый разгаръ греко-болгарской распри, русскій консулъ въ Трапезундѣ Мошнинъ сказалъ преосвщ. Анѳиму, впоследствии болгарскому экзарху, въ то время еще не принявшему къ поборникамъ болгарской церковной независимости и временно прибывшему въ Трапезундѣ—по порученію констант. патріарха, въ качествѣ ревизора Неокесарійской епархіи: «Напрасно вы возитесь съ церковнымъ вопросомъ, сказалъ Мошнинъ Анѳиму, когда Россія васъ освободитъ, она дастъ вамъ князя, и все само собой уладится» ²⁾. И дѣйствительно, нетерпѣніе болгаръ и въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, повредило дѣлу, какъ оно и впоследствии неоднократно вредило имъ въ политикѣ. Потерпи они еще немного, и церковный вопросъ самъ собою разрѣшился-бы, такъ какъ въ автономномъ княжествѣ, какимъ скоро оказалась Болгарія, по церковнымъ канонамъ, должна быть и независимая церковь ³⁾. Схизма, т. о., была-бы избѣгнута...

Во всякомъ случаѣ, греко-болгарская распря, противорѣчивыя дѣйствія турецкой власти при осуществленіи султанскаго фирмана 1870 г. привели къ крайнему возбужденію умовъ и страстей въ Болгаріи, Это въ значительной степени содѣйствовало и появленію позднѣйшихъ частичныхъ болгарскихъ возмущеній 1875 и 1876 гг., что имѣло слѣдствіемъ турецкія звѣрства въ Болгаріи, вызвавшія русско-турецкую войну 1877—1878 гг. и освобожденіе Болгаріи ⁴⁾.

Первымъ болгарскимъ экзархомъ былъ избранъ (16 февр. 1872 г.) Анѳимъ, митрополитъ Виддинскій (въ мѣрѣ Атанасъ Бабинъ Генинъ, род. 1816 г.) ⁵⁾. Русскій воспитанникъ, окон-

¹⁾ См. Т. Милкова „Антимъ пръвъ, болг. экз.“ Пловд. 1899, стр. 71.

²⁾ Ibid. стр. 55.

³⁾ Гражданско-политическому значенію извѣстной мѣстности, по церковнымъ канонамъ, должно соответствовать и ея церковно-административное положеніе: см. 28 прав. IV Всел. Соб.

⁴⁾ Т. Милковъ, стр. 120—121, 124—125.

⁵⁾ О блаж. Анѳимѣ и его дѣятельности см. книгу Т. Милкова: „Антимъ, пръвъ български экзархъ. Животътъ и духовно-общественната му дѣятельность. Биографически очеркъ“. Пловдивъ, 1899. Книга 1872, съ

чившій Московскую Дух. Академію (въ 1856 г.), бывшій нѣкоторое время ея бакалавромъ, одинъ изъ весьма немногихъ въ то время архіереевъ на православномъ востокѣ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, выдававшійся изъ ряда своихъ современниковъ своимъ недюжиннымъ умомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ, Анѳимъ былъ весьма цѣннымъ среди греческой іерархіи. Онъ состоялъ нѣкоторое время профессоромъ, а потомъ ректоромъ Халкинской духовной семинаріи. Со стороны константинопольскихъ патріарховъ на него не разъ возлагались весьма отвѣтственные порученія,—напр., по части ревизіи разныхъ епархій, порученія миссіонерскаго характера—для противодѣйствія уніатской пропагандѣ, находившей благопріятную почву для распространенія среди болгаръ подъ вліяніемъ греко-болгарской церковной распри. Всѣ эти порученія преосвящ. Анѳимъ, благодаря своему такту, уму и убѣжденному краснорѣчивому слову, исполнялъ всегда усилъно и самымъ блестящимъ образомъ. На сторону поборниковъ болгарской независимой церкви, отказавшихся отъ патріархіи, Анѳимъ сталъ уже въ самый послѣдній моментъ, когда греко-болгарскій церковный вопросъ вступилъ въ свой послѣдній фазисъ, когда уже было ясно, что примиренія между двумя сторонами быть не можетъ, когда это создало и турецкое правительство, взявши на себя инициативу дѣйствій въ этомъ вопросѣ, дѣйствій, клонившихся къ созданію болгарской самостоятельной церкви. Рѣшеніе это у Анѳима состоялось 5 декабря 1868 г., о чемъ онъ тогда же и извѣстилъ свою Виддинскую паству, подъ вліяніемъ настойчивыхъ просьбъ которой у него состоялось и самое рѣшеніе. 6 декабря онъ отправился въ Константинополь, гдѣ 26 декабря вмѣстѣ съ другими болгарскими архіереями подавъ формальную отставку константинопольскому патріарху. Между тѣмъ, 28 февраля 1870 г. былъ изданъ турецкій фирманъ объ учрежденіи болгарскаго экзархата. Приведенъ въ дѣйствіе онъ былъ не сразу, послѣ долгихъ треній, препирательствъ и послѣднихъ безуспѣшныхъ попытокъ къ примиренію. Наконецъ, 16 февраля 1872 г. состоялось избраніе болгарскаго экзарха, и избраніе это пало на Анѳима.

. Новоизбранный экзархъ, послѣ значительныхъ колебаній,

нѣкоторыми только дополненіями, воспроизводитъ очеркъ г-жи Муромцевой—въ Русскомъ Вѣстникѣ 1882 г.

побуждаемый къ тому и русскимъ посланникомъ, графъ. Игнатьевымъ, еще разъ рѣшился было обратиться къ конст. патріарху (Анѳиму VI) съ просьбой о примиреніи. «Желаю, писалъ онъ патріарху, тебя видѣть, желаю, какъ сынъ, поцѣловать твою десницу и поговорить съ тобою о случившемся». Но отъ патріарха не послѣдовало благопріятнаго отвѣта. Тогда Анѳимъ рѣшился дѣйствовать самостоятельно.

11 мая 1872 г., на праздникъ свв. славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія, Анѳимъ, въ сослуженіи уже съ низложенными ранѣе патріархомъ митрополитами—Папартетомъ Пловдивскимъ, Иларіономъ Макаріопольскимъ и Иларіономъ Ловченскимъ, совершилъ торжественную литургію, за которой не было помянуто имя патріарха и былъ прочитанъ актъ, провозглашавшій возобновленіе независимой болгарской церкви.

Слѣдствіемъ этого было низверженіе экзарха со стороны константиноп. патріарха и его синода и отлученіе отъ церкви прочихъ болгарскихъ архіереевъ (13 мая 1872 г.). А черезъ нѣкоторое время, 16 сентября 1872 г., была провозглашена т. н. болгарская схизма.

На актъ провозглашенія схизмы блаж. Анѳимъ за литургіей 24 сентября отвѣтилъ прекраснымъ словомъ, въ которомъ каноническими неопровержимыми данными доказалъ незаконность этого акта.

Однако, положеніе экзарха со времени провозглашенія схизмы сдѣлалось весьма затруднительнымъ. Турецкое правительство захотѣло воспользоваться схизмой въ своихъ интересахъ. Побуждаемое отчасти патріархомъ, оно потребовало, чтобы для болгарскаго народа была измѣнена форма одежды. Черезъ это болгары какъ бы сами признали бы себя схизматиками. вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ это они отдѣлили бы себя не только отъ православной церкви, но и отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи. Последнее-то обстоятельство и было важно для турецкаго правительства, почему оно такъ энергично и поддерживало этотъ греческій проектъ. На сторонѣ проекта была и болгарская чорбаджійская партія, группировавшаяся около Чомакова. Проникнутая руссофобскимъ настроеніемъ, она не прочь была пожертвовать не только духовнымъ костюмомъ, но и самыми догматами вѣры, чтобы только совсѣмъ отдѣлаться отъ грековъ и осуществить національную болгарскую идею, а вмѣстѣ съ тѣмъ подалеже стагъ и отъ казавшейся опасной ей Россіи.

Блаж. Анѳимъ со всей энергіей воспротивился осуществленію этого проекта. «Мы всегда были и будемъ православными, говорилъ онъ...; съ патриархомъ мы можемъ помириться; онъ, какъ отецъ, сердится на насъ, но мы можемъ подождать годъ, два, три, даже десять, и всетаки помиримся...»¹⁾ Защита православія своей церкви у блаж. Анѳима стояла въ неразрывной связи съ его непреклоннымъ желаніемъ поддерживать самое живое общеніе съ Россіей, на которую онъ возлагалъ всѣ свои надежды въ переживаемыхъ имъ трудныхъ обстоятельствахъ для своей церкви и своего народа. Въ этомъ онъ находилъ вообще полную поддержку у русскаго посланника, гр. Игнатьева.

Между тѣмъ, враждебная экзарху болгарская партія открыто обвиняла его въ панславизмъ, называла орудіемъ русскаго посольства. Однажды между нимъ и Чомаковымъ въ официальномъ засѣданіи болгарскаго собора, созваннаго правительствомъ для обсужденія вопроса объ измѣненіи султанскаго фирмана, произошелъ очень крупный разговоръ по этому вопросу. «Ти си Руснакъ и дѣйствувашь подъ Руско влиянье», бросилъ экзарху Чомаковъ. Экзархъ тогда въ негодованіи выгналъ его изъ собранія, заявивши ему, что онъ напрасно беретъ непринадлежащую ему роль диктатора въ церковныхъ дѣлахъ²⁾.

Нескрываемая экзархомъ привязанность къ Россіи очень была неприятной и для австрійскаго посланника въ Константинополь (Людольфа). Желая привлечь его на свою сторону, онъ предлагалъ ему и нравственную и матеріальную поддержку, но блаж. Анѳимъ деликатно отклонилъ отъ себя это предложеніе.

Осуществленіе фирмана вызывало большіе безпорядки въ епархіяхъ и массу недоразумѣній между болгарами и греками. Чомаковъ открыто во всемъ винилъ экзарха, который, молъ, не пожелалъ измѣнить фирмана въ смыслѣ полного обособленія отъ грековъ.

Между тѣмъ, наступили страшные 1875 и 1876 годы. По мѣстамъ вспыхнули возстанія среди болгаръ. Начались массовыя избіенія беззащитнаго болгарскаго населенія, безъ различія пола и возраста. Экзархъ мужественно защищалъ его передъ турецкимъ правительствомъ. Естественно, что на него

¹⁾ Милковъ, стр. 116.

²⁾ Милковъ, 114.

смотрѣли враждебно. «Плохо твое положеніе, сказали однажды Аноиму армянскій патріархъ, худо говорятъ относительно тебя въ министерствѣ; какъ-бы не дошло до веревки и висѣлицы».—«Дай, Боже, отвѣтилъ Аноимъ, чтобы сбылись Ваши слова, потому что когда повѣсили греческаго патріарха Григорія, создалось свободное греческое королевство, и теперь, если бы меня повѣсили, это могло бы создать свободное болгарское царство»¹⁾.

Зимой 1876—1877 г. открылись засѣданія извѣстной константинопольской конференціи. Гр. Игнатъевъ предложилъ болгарамъ подать въ конференцію мемуаръ съ выраженіемъ своихъ желаній для улучшенія участи своего народа. Мемуаръ былъ приготовленъ. Болгары выражали въ немъ желаніе имѣть гражданскую автономію. Турецкое правительство, узнавши о содержаніи мемуара, негодовало на экзарха. Негодованіе было тѣмъ сильнѣе, что одновременно греческій и армянскій патріархи подали свои мемуары; въ которыхъ восхваляли прекрасное управленіе Высокой Порты. Болгарскіе чорбаджіи неоднократно и настойчиво требовали отъ экзарха, чтобы и онъ представилъ въ конференцію подобный же мемуаръ. Честный экзархъ наотрѣзъ имъ отказалъ въ этомъ. Тогда они составили свой мемуаръ и просили Аноима подписаться. Но Аноимъ гнѣвно имъ отвѣтилъ: «правительство колетъ, вѣщаетъ, притѣсняетъ, а я буду ему выражать благодарность; нѣтъ, не могу подписаться!»—«Ты идешь противъ царства, ты бунтовщикъ!» кричали ему чорбаджіи. Однако, они не колебали благородной рѣшимости экзарха. Чорбаджіи рѣшились тогда подать мемуаръ за собственными только подписями, не болѣе 13. Но мемуаръ этотъ, послѣ того, какъ гр. Игнатъевъ объяснилъ исторію его происхожденія, не произвелъ въ конференціи никакого впечатлѣнія.

Турецкое правительство собрало совѣтъ для обсужденія постановленій конференціи, на которомъ присутствовали виднѣйшіе турецкіе сановники и представители всѣхъ вѣроисповѣданій и на которомъ были отвергнуты постановленія конференціи. Блаж. Аноимъ, предвидя это, отказался явиться на совѣтъ. Ему дано было понять, что простятъ его отсутствіе, если онъ офиціально сообщитъ, что отсутствовалъ по болѣзни. Блаж. Аноимъ отказался это сдѣлать.

¹⁾ Милковъ, 128.

Тогда была окончательно рѣшена его отставка. Чорбаджіи начали агитацію. Сначала попробовали было воздѣйствовать на народъ и духовенство, стараясь возбудить недовольство экзархомъ. Но отовсюду они слышали ствѣтъ: «экзархъ для насъ хорошъ; если у него и есть нѣкоторые недостатки, не время теперь мѣнять его». Не успѣвши въ этомъ направленіи, Чомаковъ и его партія прибѣгли къ печати. Они доказывали, что экзархъ—русское орудіе и можетъ стать причиною гибели болгаръ.

Экзархъ отвѣчалъ и смѣло обвинялъ правительство въ несправедливомъ и жестокомъ обращеніи съ болгарами. Съ его также одобренія состоялась поѣздка Цанкова и Балабанова по европейскимъ столицамъ съ жалобами на турецкое правительство. Въ то же время онъ отправилъ письмо на имя С.-Петербургскаго митрополита Исидора съ просьбою о помощи. Экзархъ описалъ митрополиту турецкіе ужасы и звѣрства въ Болгаріи и заключалъ письмо такими словами: «Если Его Величество, Всероссійскій Императоръ, не обратитъ вниманія на положеніе болгаръ, не защититъ ихъ теперь, то пусть лучше они будутъ вычеркнуты изъ списка славянъ и православныхъ, потому что всѣхъ охватило отчаяніе: одни потурчиваются, другіе дѣлаются католиками или протестантами». Говорятъ, что это письмо, показанное митр. Исидоромъ Импер. Александру II, окончательно побудило его принять мѣры къ освобожденію Болгаріи ¹⁾.

Рѣшивши во что бы то ни стало низложить экзарха, турецкое правительство, призвало къ себѣ болгарскихъ архіереевъ (кромѣ Симеона Прѣславскаго, наиболѣе преданнаго экзарху) и убѣждало ихъ побудить экзарха добровольно подать прошеніе объ отставкѣ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовали и чорбаджіи, подавшіе извѣстный мемуаръ конференціи. Но блаж. Аноимъ, предполагая, что его отставка повлечетъ за собой только вредъ для болгарской церкви и народа, категорически отказался исполнить предъявленное ему требованіе. Тогда, подъ давленіемъ правительства, былъ составленъ протоколъ, подъ которымъ подписалось нѣсколько архіереевъ и до 15 челов. мірянъ, съ измышленными обвиненіями на блаж. Аноима. Послѣдній сразу же (17 апрѣля 1877 г.) былъ низ-

¹⁾ Милковъ, 141.

ложенъ, и было дано разрѣшеніе на выборъ другого экзарха; этотъ выборъ и состоялся 24 апрѣля 1877 г.

Между тѣмъ, 12 апрѣля 1877 года Россія объявила войну Турціи. Естественно было ожидать, что вся ярость турокъ обрушится теперь на низложеннаго экзарха, главнаго виновника несчастій, постигшихъ Турцію. Боясь за него, графъ Игнатъевъ предупредилъ турецкое правительство, что оно будетъ отвѣтственнымъ за неприкосновенность личности бывшаго экзарха.

Политическая роль блаж. Анеѣма теперь была почти окончена. На время войны онъ былъ сосланъ въ Малую Азію, въ Ангору. Здѣсь онъ вмѣстѣ съ другими болгарскими изгнанниками, подвергавшимися ужаснымъ лишеніямъ, переносилъ всѣ невзгоды заточенія и старался по мѣрѣ возможности облегчить ихъ участь. Одна надежда была у него на Россію. „Мучили насъ, думалъ онъ, убивали, вѣшали, притѣсняли, инословныя пропаганды раздѣляли насъ и сѣяли раздоръ въ нашихъ семействахъ; но всему этому будетъ конецъ. Россія освободитъ нашъ народъ и вспомнитъ и о насъ, заточенныхъ»¹⁾. Дѣйствительно, заточеніе узниковъ было непродолжительно. 19 февраля 1878 г. война была окончена, и былъ заключенъ С.-Стефанскій миръ. Болгарскіе узники были освобождены, но относительно экзарха въ правительственной телеграммѣ было сказано: «экзархъ причинилъ столько зла царству, что не долженъ возвращаться» (т. е. изъ ссылки). И только по распоряженію Верховнаго Главнокомандующаго, Вел. кн. Николая Николаевича, онъ былъ освобожденъ изъ заточенія.

Блаж. Анеѣмъ болѣе не возвращался къ дѣламъ правленія экзархіей²⁾ и до самой своей кончины, послѣдовавшей 1 декабря 1888 г., оставался въ отставкѣ, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ своего замѣстителя, блаж. Іосифа I, онъ нашелъ себѣ достойнаго преемника. Ему принадлежала теперь только представительная роль въ важнѣйшіе моменты начальной политической жизни болгаръ. Такъ, онъ единогласно былъ избранъ предсѣдателемъ Терновскаго Учредительнаго Собранія, открывшагося 10 февраля 1879 г. Въ юлѣ того же 1879 г. блаж.

¹⁾ Милковъ, 152.

²⁾ Митрополіей Виддинской онъ управлялъ до своей кончины, съ помощью викарнаго епископа.

Аноимъ во главѣ депутаціи, избранной собраніемъ, ѣздилъ въ Россію—въ Царское Село—благодарить Царя Освободителя отъ лица болгарскаго народа. Государь пожаловалъ ему брилліантовый крестъ на клобукъ, а Государыня—драгоценную панагію.

На обратномъ пути (въ августѣ мѣсяцѣ) блаж. Аноимъ торжественно былъ встрѣченъ на вокзалѣ въ Москвѣ московскими славянофилами, во главѣ съ И. С. Аксаковымъ.

Преемникомъ блаж. Аноима въ санѣ болгарскаго экзарха былъ блаж. Іосифъ I, митр. Ловченскій (въ мѣрѣ Лазарь Іовчевъ, род. въ 1840 г., † 20 іюня 1915 г.). Онъ такъ недавно еще сошелъ въ могилу, что теперь трудно настоящимъ образомъ разобраться въ его жизни и по достоинству оцѣнить его дѣятельность. Постараемся сдѣлать это въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ ¹⁾.

Получивъ свѣтское французское образованіе (онъ окончилъ въ 1870 г. юридическій факультетъ въ Парижѣ), Лазарь Іовчевъ занялся было сначала у себя на родинѣ свѣтской юридической и литературной дѣятельностью. Но событія и интересы времени (это вѣдь было время образованія самостоятельной болгарской экзархійской церкви) невольно вдвинули его въ церковное русло. Онъ сначала сдѣлался экзархійскимъ секретаремъ, а потомъ, по совѣту блаж. Аноима, замѣтившаго въ лицѣ Іовчева крупную силу и желавшаго эту силу навсегда пріобрѣсти для церкви, онъ принялъ (23 сент. 1872 г.) монашество, открывавшее ему широкій путь для народно-общественной дѣятельности. Поэтому, не безъ основанія Іосифа называютъ ученикомъ Аноима ²⁾.

24 апрѣля 1877 г. состоялось избраніе Іосифа въ экзархи—въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ жизни болгарскаго народа. Началась война Россіи съ Турціей за освобожденіе Болгаріи. Новозбранный экзархъ на первыхъ же порахъ оказался въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи. Порта хотѣла употребить его въ качествѣ своего орудія: потребовала отъ него нѣлаго ряда такихъ распоряженій, внутренній смыслъ которыхъ заключался въ протестъ противъ освободительной войны. Однако, блаж. Іосифъ имѣлъ муже-

¹⁾ О блаж. Іосифѣ см. мою статью въ „Богосл. Энциклоп.“ А. П. Лоухина, а также—въ „Церк. Вѣстн.“ 1915 г., № 27.

²⁾ См. Милковъ, „Антимъ“., стр. 147.

ство отклонить эти требованія. Нечего уже и говорить о томъ, что во время самой войны положеніе экзарха въ Константинополѣ было чрезвычайно тяжелымъ. Но вотъ, наконецъ, война была окончена. Болгарія должна была сдѣлаться свободной. Однако, берлинскій конгрессъ помѣшалъ осуществленію проектировавшейся по Санъ Стефанскому договору идеи созданія «цѣлокупной» Болгаріи. Болгарія была разорвана на части, при чемъ Македонія и адрианопольскій вилайетъ по прежнему остались за Турціей. Почти всѣ болгарскіе дѣятели того времени держались того мнѣнія, что мѣстопробываніе экзарха должно находиться въ предѣлахъ Болгаріи—въ Софіи или въ Филиппополѣ. Но самъ блаж. Іосифъ пожелалъ остаться въ Константинополѣ, не желая разставаться со своей паствой, оставшейся въ предѣлахъ Турціи. Онъ только временно пріѣзжалъ въ Болгарію (дважды, въ теченіе 1878—1879 гг.) для устроенія болгарскихъ церковныхъ дѣлъ. Между тѣмъ, Порта послѣ войны не хотѣла признавать церковныхъ правъ экзарха въ Македоніи и адрианопольскомъ вилайетѣ и отказывалась назначать епископовъ въ болгарскія епархіи. Тогда блаж. Іосифъ постарался воздѣйствовать на турецкое правительство черезъ посредство европейской комиссіи, собравшейся въ Константинополѣ для выработки проекта реформъ въ Македоніи. Комиссія признала права болгарской народности и церкви въ предѣлахъ турецкой имперіи. Вслѣдъ за нею (въ 1883 г.) эти права признала и Порта. Такимъ образомъ, болгарскій экзархъ остался въ Константинополѣ. Вслѣдъ затѣмъ были восстановлены и болгарскія епархіи въ турецкой имперіи: въ 1890 г.—скопская и охридская, въ 1894 г.—неврокопская и велеская, въ 1897 г.—непагонійская, струмицкая и дебърская. Сказаннымъ не ограничивается значеніе дѣятельности блаж. Іосифа въ трудную минуту жизни болгарской церкви. Онъ не только восстановилъ ея права въ предѣлахъ Турецкой имперіи, но своимъ вліяніемъ удержалъ болгарское населеніе Турціи отъ соблазна увлечься римско-католической пропагандой, агенты которой, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, не преминули предложить свои услуги для полученія независимости болгарской церкви. Не мало было сдѣлано блаж. Іосифомъ и для развитія церковно-просвѣтительнаго дѣла среди болгарскаго населенія тогдашней Турціи. Въ 1882—83 учебномъ году болгары имѣли въ предѣлахъ турецкой имперіи 237 училищъ, 351 учителя и 16.063 ученика, а

въ 1899—1900 г.—947 училищъ, 1.481 учителя и 48.874 ученика; къ самому же послѣднему времени (къ 1913 г.) эти цифры восходили до слѣдующихъ размѣровъ: 1.373 училища, 2.266 учителей и 78 854 ученика. Въ числѣ училищъ считалось 13 гимназій, 87 прогимназій и одна 6-ти классная духовная семинарія въ Константинополѣ. Конечно, блаж. Іосифъ не оставлялъ безъ вниманія церковныхъ дѣлъ и собственно болгарскаго княжества—боролся съ деспотическимъ режимомъ Стамбулова, вступался за права Церкви, въ частности—принималъ горячее участіе въ дѣлѣ тернов. митр. Климента, но преимущественныя его заботы были направлены въ сторону болгарскаго населенія, оставшагося подвластнымъ Турціи. Для лучшаго управленія этимъ населеніемъ онъ въ послѣднее время учредилъ въ Константинополѣ свой синодъ, по образцу существующаго въ предѣлахъ Болгаріи (въ Софіи).

Послѣ всего сказаннаго становится понятнымъ, какое впечатлѣніе должны были произвести на блаж. Іосифа послѣдствія второй братоубійственной балканской войны. Большая и лучшая часть Македоніи досталась теперь сербамъ и грекамъ; большая часть турецкой Фракіи осталась по прежнему за турками; только сравнительно незначительная часть бывшихъ турецкихъ владѣній, населенныхъ болгарами, досталась Болгаріи. Болгарскія епархіи въ таперешнихъ сербскихъ и греческихъ владѣніяхъ были закрыты, архіереи и священники изгнаны, болгарскія школы уничтожены; болгарское населеніе, оставшееся въ Турціи (около Адрианополя), подверглось истребленію. Дѣло всей жизни блаж. Іосифа было теперь, казалось, совсѣмъ потеряно. Самъ онъ, разбитый и больной, долженъ былъ переселиться на жительство изъ Константинополя въ Софію. При томъ въ самой Болгаріи ему пришлось пережить массу непріятностей. Со стороны нѣкоторой части болгарскаго общества, ошеломленной постигшими Болгарію несчастіями, посыпались упреки на него, зачѣмъ онъ, молъ, оставилъ Македонію, что ему нужно было тамъ «сложить кости»; со стороны оказавшагося у власти т. н. «австрофильскаго» правительства стали дѣлаться энергичныя посягательства на хозяйственную независимость болгарской церкви. Въ болгарскомъ обществѣ началось движеніе въ сторону уніи съ Римомъ; въ газетахъ правительственнаго пошиба стали дѣлаться неприличные выпады противъ Россіи. Но и въ эти самыя тяжелыя минуты своей жизни больной, прикованный

къ постели, экзархъ не палъ духомъ. За его подписью (а также и всѣхъ синодальныхъ владыкъ Болгаріи) было издано исполненное глубокаго христіанскаго чувства окружное посланіе противъ уніональныхъ затѣй извѣстной части болгарскаго общества. «Возлюбленныя чада наши о Господѣ! писаль, между прочимъ, въ этомъ посланіи экзархъ. Спасеніе благочестиваго болгарскаго народа въ православіи и славянствѣ, въ томъ православіи и славянствѣ, какъ они опредѣляются ихъ идейными представителями, въ православіи, которое имѣетъ своимъ сокровищемъ неповрежденное и чистое ученіе Спасителя и своей основой—любовь и самоотверженіе ради ближняго, и въ славянствѣ, которое имѣетъ евангельско-культурной задачей,—чтобы ни одинъ славянскій народъ не притѣснялъ другого. Въ 1912 г. болгарскій народъ поставилъ себѣ знаменемъ эти идеи и отдалъ за нихъ своихъ лучшихъ сыновъ, и эти идеи восторжествовали. Если его чистыя и высокія идеи не были поняты другими и даже если и нѣкоторые изъ его сыновъ ихъ не поняли и сдѣлали въ отношеніи ихъ ошибки, онъ не разстанется съ ними, потому что идеи эти—долгъ, и не только его, а и всего славянства, на челѣ котораго стоитъ великая Россія». . (См. «Церк. Вѣстн.» 1915 г., № 5). При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, когда только ему это было возможно, почившій экзархъ указывалъ, что единственный правильный путь для Болгаріи—это находиться въ единеніи съ Россіей. Блаж. Іосифъ не дожилъ до теперешнихъ «черныхъ дней», когда освобожденная Россіей Болгарія оказывается состоящей въ войнѣ со своей Освободительницей. Но онъ видѣлъ уже ненормальное направленіе политики Болгаріи. Онъ видѣлъ истинную причину и истинныхъ виновниковъ ея несчастій, еще при жизни его уже поставившихъ страну на краю гибели. Эта причина и эти виновники—грандоманія и грандоманы. И экзархъ сознавалъ и видѣлъ неизбежность крушенія ихъ политики. Замѣчательенъ разговоръ, который имѣлъ почившій экзархъ въ 1913 г. съ П. Н. Милюковымъ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Константинополя въ Софію. О немъ г. Милюковъ передаетъ намъ въ своей замѣткѣ по поводу кончины блаж. Іосифа («Рѣчь», 1915 г., 21 іюня). Онъ называетъ этотъ разговоръ «своего рода политическимъ завѣщаніемъ» экзарха. У болгаръ собственно нѣтъ интеллигенціи, говорилъ экзархъ, нѣтъ ни настоящихъ учителей, ни опытныхъ дипломатовъ, ни политическихъ дѣя-

телей. Болгарія—это простой народъ, крестьяне. Можетъ быть, они только лѣтъ черезъ сто созрѣютъ для конституціи. Болгарія пужается въ сильной власти. Новое поколѣніе слишкомъ распущено. Пусть Россія присоединитъ къ себѣ Болгарію на подобіе Финляндіи, пусть она возьметъ себѣ руководство внѣшней политикой и военнымъ управленіемъ Болгаріи, но только пусть она спасетъ ей ея племенное единство. Нужно спасти народъ, спасти его этнографическое единство. Это главное, остальное все стоитъ на второмъ планѣ. Все, что стоитъ на пути къ достиженію этой цѣли,—грандоманія и грандоманы, все это должно быть уничтожено.

Таковы были политическія воззрѣнія блаж. Іосифа, этого, какъ назвалъ его болгарскій поэтъ, «великаго болгарина».

Не намъ судить, насколько пріемлемы его взгляды. Для насъ интересно только въ данномъ случаѣ отмѣтить ихъ.

Вообще почившій экзархъ, всю свою жизнь посвятившій на осуществленіе національныхъ болгарскихъ идеаловъ, самъ былъ какъ-бы ихъ нагляднымъ воплощеніемъ. И онъ вѣрилъ въ ихъ осуществленіе до конца своей жизни.

Второй, наиболѣе завѣтной мечтой почившаго святителя въ послѣдніе годы его жизни была мысль объ уничтоженіи злополучной болгарской схизмы. Онъ говорилъ объ этомъ, писалъ, принималъ мѣры къ осуществленію своей мысли и надѣялся на ея осуществленіе. Но и до этого ему не удалось дожить.

Говоря о политической роли болгарскаго духовенства, намъ нельзя не остановиться на наиболѣе яркой и замѣчательной въ этомъ отношеніи личности терновскаго митрополита Климента (въ мірѣ Василій Друмевъ, род. ок. 1838 г. † 1901 г.)¹⁾. Воспитанникъ Одесской духовной семинаріи и Кіевской дух. академіи, человекъ весьма крупнаго ума, блестящихъ дарованій и благороднѣйшаго сердца, одинаково горячо любившаго и свою родину—Болгарію и общеславянскую родину—Россію, Климентъ проявилъ себя преимущественно какъ поборникъ въ Болгаріи за русскую идею и какъ мученикъ за нее во времена мрачнаго Стамбуловскаго режима.

По окончаніи Кіевской Духовной Академіи, молодой Дру-

¹⁾ О Климентѣ тернов. см. мою статью въ Богосл. Энцикл. А. П. Лопухана и въ особенности соч. Иванова В. „Тырновскій мигр. Климентъ (Друмевъ) и его значеніе въ церк.-политич. судьбахъ болг. нар.“ 1912 г.

мевъ уѣхалъ въ Румынію, жилъ зѣсь довольно долгое время въ качествѣ эмигранта и вмѣстѣ со своимъ товарищемъ дѣтства В. Д. Стояновымъ, при содѣйствіи знаменитаго ученаго М. С. Дринова, много работалъ надъ созданіемъ болгарскаго литературно-научнаго общества «Българско Книжовно Дружество» (основ. въ 1869 г.) и надъ его издачіемъ «Периодическо Списание». Уже въ этотъ періодъ жизни онъ сдѣлался человѣкомъ весьма популярнымъ въ Болгаріи—главнымъ образомъ своей блестящей дѣятельностью и преимущественно пьесой изъ болгарской исторіи «Иванко, убійца Асѣня».

Монашество онъ принялъ уже въ зрѣломъ возрастѣ (въ 1873 г.), опять-таки въ значительной степени подъ воздѣйствіемъ экзарха блаж. Аноима. Да и вообще его привлекало духовное служеніе, отвѣчавшее его воспитанію и глубоко-религіозному нравственному складу. Воплощеніе своего духовнаго идеала онъ видѣлъ въ двухъ русскихъ архипастыряхъ, борцахъ за правду: св. Филиппѣ, митр. Московскомъ и св. Ермогенѣ, патр. Всероссійскомъ. Скоро, въ слѣдующемъ-же 1874 г., Климентъ получилъ и санъ епископа (съ титуломъ Браницкаго). Освобожденіе Болгаріи и неотложныя требованія жизни заставили Климента принять ближайшее участіе въ политикѣ вновь созданнаго княжества. Въ 1878 г. онъ избирается представителемъ Рушукскаго округа для поднесенія благодарственнаго адреса Царю-Освободителю (правда, не состоявшагося); въ 1879 г. избирается членомъ Учредительнаго Терновскаго Собранія и отправляется въ Россію въ числѣ членовъ депутаціи для поднесенія благодарственнаго адреса Царю—Освободителю въ Царскомъ Селѣ; въ качествѣ члена Учредительнаго собранія принимаетъ живѣйшее участіе въ выборѣ князя. Въ своей рѣчи, обращенной къ Собранію, Климентъ говорилъ: «...Для насъ самымъ лучшимъ княземъ былъ-бы тотъ, который состоитъ членомъ великаго русскаго народа, того народа, который доказалъ намъ свою безграничную любовь, проливая кровь за нашу свободу. Такой князь сдѣлалъ-бы еще болѣе неразрывными братскія узы между нами и дорогимъ русскимъ народомъ. Но существуетъ воля высокая, воля священная, которая стоитъ выше нашихъ чувствъ и желаній, предъ которой мы должны съ покорностью и благоговѣніемъ преклонить головы. Эта воля—воля Нашея Великаго Царя Освободителя. Воля-же Царя Освободителя, чтобы не избирать въ князя болгарскаго княжества подданнаго русскаго государ-

ства»... Дальше въ своей рѣчи Климентъ указываетъ на преимущества избранія принца Александра Баттенбергскаго, какъ кандидата, угоднаго Россіи. Въ одно мгновеніе всѣ члены собранія поднялись и единодушно провозгласили: «Да живетъ первый болгарскій князь Александръ I Баттенбергъ!».

Въ томъ-же 1879 г., по предложенію князя, Климентъ занимаетъ постъ министра-президента и министра народ. просвѣщенія. Въ 1880 г., во время отъѣзда Александра Баттенбергскаго въ СПБ. для присутствованія на 25-лѣтнемъ юбилеѣ царствованія Александра II, Климентъ остается ненадолго намѣстникомъ князя.

Когда Баттенбергъ, послѣ Свищовскаго Великаго Народнаго Собранія (1881 г.) и политическаго переворота, начинаетъ вести нѣмецкую политику, Климентъ начинаетъ вести съ нимъ борьбу и возвращаетъ ему полученные отъ него ордена. Когда Баттенбергъ возстановляетъ конституцію, Климентъ входитъ въ комиссію для ея пересмотра. Послѣ румелійскаго переворота (1885 г.) Климентъ отправляется во главѣ депутаціи къ Имп. Александру III, чтобы просить его защиты и согласія на присоединеніе къ Болгаріи Восточной Румелии. Послѣ низложенія Баттенберга (1886 г.) Климентъ дѣлается ненадолго (всего только на нѣсколько дней) предсѣдателемъ временнаго правительства.

Но тутъ начинается новая волна въ политической жизни Болгаріи, выбросившая на ея поверхность и поставившая на цѣлые 8 лѣтъ во главѣ народной жизни извѣстнаго Ст. Стамбулова, съ его деспотическимъ, антинароднымъ, руссофобскимъ режимомъ. Тутъ-же начинается и наиболѣе важный періодъ въ политической дѣятельности Климента, начинается его мученичество за русскую идею.

Въ то время, какъ всѣ народные дѣятели, запуганные, молчали, одинъ только Климентъ безстрашно обличалъ въ своихъ проповѣдяхъ преступную политику Стамбулова. Климентъ со времени официальнаго своего избранія на терновскую митрополию (1884 г.), по порученію блаж. Іосифа, былъ назначенъ делегатомъ экзарха и жилъ въ Софіи. Подъ давленіемъ правительства, онъ вынужденъ былъ теперь оставить этотъ постъ и переселиться въ Терново.

3-е такъ называемое великое народное собраніе, составленное Стамбуловымъ, вмѣсто отрешагося отъ престола Александра Баттенбергскаго, выбрало болгарскимъ княземъ Фер-

динанда Кобургскаго (1887 г.). Ни Россія, ни другія великія державы, кромѣ Австріи, его не признали. Когда Фердинандъ (на Пасхѣ 1888 г.) пріѣхалъ въ Терново, Климентъ его не встрѣтилъ. Когда-же, въ іюнѣ, онъ снова туда пріѣхалъ, Клименту было приказано встрѣтить князя. Климентъ исполнилъ требованіе. Онъ вышелъ съ крестомъ въ рукахъ и привѣтствовалъ Фердинанда такими словами: «Я привѣтствую лишь друга Россіи и Царя». Фердинандъ, чтобы прервать его дальнѣйшія слова, приближается поцѣловать крестъ. Климентъ же отступаетъ немного и продолжаетъ: «Лишь приверженцамъ Царя и Россіи этотъ святой крестъ приноситъ благодать и благословеніе». Фердинандъ тогда отошелъ и скрылся въ толпѣ.

Климентъ аккуратно продолжалъ говорить свои проповѣди и, по заведенному въ Болгаріи обычаю, поминалъ Русскаго Царя за богослуженіемъ. Оффиціальнымъ конфиденціальнымъ отношеніемъ Стамбулова отъ 20 сент. 1888 г. ему было запрещено то и другое подъ предлогомъ, что будто-бы населеніе жаловалось на него министру. На это Климентъ отвѣтилъ, что «онъ поминаетъ Русскаго Царя, какъ покровителя Болгаріи, какъ и раньше поминалъ покойнаго Александра II, какъ Освободителя. Православное болгарское населеніе не можетъ жаловаться на это поминаеніе, такъ какъ послѣднее есть ничто иное, какъ смиренное и благочестивое изъявленіе той глубокой признательности, которую болгарскій народъ не можетъ не питать къ великому русскому народу. Болгарскій народъ не можетъ отказаться отъ своего прошлаго, онъ не можетъ забыть, у кого находилъ опору и ободреніе въ борьбѣ за свое историческое существованіе во время тяжелыхъ вѣковъ рабства, не можетъ забыть и тѣхъ великихъ жертвъ, которыя великій русскій народъ принесъ для его умственнаго пробужденія и политическаго освобожденія. Болгарскій народъ имѣетъ достаточно благородства, чтобы быть признательнымъ за сдѣланное ему добро, да и здравый смыслъ говорить, что для сохраненія его существованія и его настоящей свободы и независимости, для его свѣтлаго будущаго, для укрѣпленія державнаго престола и короны ему необходимо быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ тѣми, кто помогъ въ его пробужденіи и освобожденіи, а такія высоконравственныя и историческія отношенія, которыя связываютъ два братскіе народа, не могутъ быть никогда уничтожены» ¹⁾).

¹⁾ Отношеніе Климента отъ 12 октября 1888 г.

Что же касается проповѣдей, то Климентъ отвѣчалъ: «Нашъ долгъ, отъ котораго мы никогда не откажемся, проповѣдывать слово Божіе, поучать добру, благочестію и терпѣнію, утѣшать и ободрять въ несчастіяхъ, обличать лжецовъ, клеветниковъ, безчестныхъ, развратниковъ, бичевать неустанно пороки. Кто бы ихъ ни совершалъ; такъ мы дѣлали до сихъ поръ, такъ будемъ продолжать и впредь. Не мы виноваты, если нѣкоторымъ не нравятся наши проповѣди, а другіе ихъ толкуютъ по своему усмотрѣнію, а третьи ихъ принимаюъ на свой счетъ. Церковныя проповѣди не могутъ совершаться въ угоду того или другаго».

Правительство, между тѣмъ, усиливало свои терроръ и насилия. Для обсужденія создавшагося положенія собрался Св. Синодъ. Но изъ членовъ его рѣшились явиться только трое: Симеонъ Варненскій, Константинъ Вратчанскій и Климентъ Терновскій. На очередь было поставлено отношеніе правительства къ православной вѣрѣ и поведеніе князя. Правительство открыто покровительствовало католическимъ и протестантскимъ пропагандистамъ, а православнымъ священникамъ на каждомъ шагу ставило всевозможныя препятствія и вообще третировало ихъ. Фердинандъ явно пренебрежительно относился къ православной церкви. Такъ, напр., въ іюнѣ 1888 г. онъ останавливался въ Калоферскомъ женскомъ монастырѣ. Во дворѣ монастыря поставлена была палатка, въ которой католическій ксендзъ совершалъ для него мессу. По его настоянію были отслужены въ православныхъ храмахъ княжества молебны въ дни католическихъ святыхъ Фердинанда и Клементины¹⁾. Извѣстно было объ его намѣреніи выстроить въ Болгаріи католическій женскій монастырь, для чего онъ уже купилъ одинъ монастырскій лугъ, несмотря на то, что по закону монастырскія земли не подлежатъ отчужденію. Все это вмѣстѣ взятое заставляло синодальныхъ старцевъ беспокоиться за будущую судьбу православной церкви въ Болгаріи. Озлобленное правительство рѣшило тогда освободиться отъ Синода. Синодальнымъ старцамъ было приказано прекратить засѣданія и ѣхать въ свои епархіи. Но тѣ отказались исполнить незаконное требованіе. Тогда въ 3 часа ночи на 30 декабря 1888 г. явилась полиція и арестовала синодальныхъ старцевъ. Каждый изъ нихъ былъ высланъ въ свою епархію.

¹⁾ Имя Клементины носила мать Фердинанда, ярая католичка.

Въ концѣ 1892 г. стало извѣстнымъ о предстоявшей помолвкѣ князя съ княжной Маріей Луизой Бурбонской—католичкой. Стамбуловъ намѣревался даже измѣнить соответствующій § конституціи въ такомъ смыслѣ, что и первый престолонаслѣдникъ можетъ быть неправославнымъ. Болгарскіе іерархи—блаж. экзархъ Іосифъ, митрополиты—Варненскій Симеонъ, Вратчанскій Константинъ и Терновскій Климентъ протестовали. Правительство тогда пріостанавливаетъ жалованье экзарху и угрожаетъ вышеуказаннымъ митрополитамъ отстраненіемъ отъ должности и арестомъ. Къ Клименту, сильнѣе другихъ обличавшему намѣренія правительства, были посланы тайные агенты, угрожавшіе ему смертью, если онъ не замолчитъ. Но Климентъ не молчалъ. Тогда правительство воспользовалось ближайшимъ поводомъ, чтобы отъ него отдѣлаться. Такимъ поводомъ послужила проповѣдь Климента, сказанная имъ въ недѣлю Православія, 14 февраля 1893 г. въ терновскомъ кафедр. соборѣ, на тему изъ посл. къ Евр., гл. XI, ст. 24—25: «Вѣрю Моисей, великъ былъ, отвержеся нарицатися сынъ дщере фараонова: паче же изволи страдати съ людьми Божиими, нежели имѣти временную грѣха сладость». Проповѣдь эта была горячій призывъ къ народу отстаивать свою вѣру отъ разныхъ на нее посягательствъ. Правительство усмотрѣло въ этой проповѣди возбужденіе населенія противъ князя и правительства. Противъ Климента полицейскимъ приставомъ составленъ былъ обвинительный актъ и начато было судебное дѣло. На другой день образованная правительствомъ толпа изъ полунынныхъ оборванцевъ съ криками и ругательствами явилась къ дому Климента. Климента вытащили на парадную лѣстницу. Когда онъ собрался усовѣщевать толпу, ему зажали ротъ и кричали: «не желаемъ слушать твоихъ проповѣдей!». Потомъ связали Климента, и, нанося ему побои и плюя въ лицо, съ непристойными ругательствами, бросили въ приготовленную повозку и отвезли въ Петропавловскій монастырь. Послѣ удаленія Климента толпа разграбила его домъ; многія цѣнныя рукописи были сожжены и расхищены. Экзархъ и митрополиты протестовали противъ этого вопіющаго насилія, но ихъ протестъ оставался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Начался чудовищный судебный процессъ по дѣлу Климента, начался вопреки закону, согласно которому для привлеченія къ суду архіерея нужно было соответствующее по-

становленіе его высшаго начальства. Набранъ былъ подходящій составъ членовъ суда. Долго никто не рѣшался взять на себя обязанности обвинителя-прокурора. Но, наконецъ, и для этой роли нашелся одинъ предатель, и притомъ изъ учениковъ Климента (нѣкто Чолаковъ). Климентъ обвинялся: 1) въ подстрекательствѣ населенія къ возстанію противъ правительства, 2) противъ особы Его Царскаго Высочества Князя, 3) въ пансеніи оскорбленія и въ устномъ распространеніи клеветы противъ особы Его Ц. В. Князя. Построено обвиненіе было крайне фальшиво. Дѣло назначено было къ слушанію на 8 іюня 1893 г. Открылось засѣданіе суда въ 10 ч. 20 м. утра при громадномъ стеченіи народа. Защитники пытаются прекратить дѣло. Это оказалось напраснымъ. Дѣло тянулось въ теченіе 3 дней (8, 9 и 10 іюля). «Подробности всего судебного процесса, говоритъ описатель, не поддаются никакому описанію: это былъ сплошной шумъ, глумленіе безъ конца. Публика съ напряженнымъ вниманіемъ ждала рѣшенія участи своего любимаго пастыря. При выводѣ и вводѣ Климента въ залъ, всѣ толпились вокругъ него, цѣловали ему руку, съ благоговѣніемъ принимали его благословеніе. Благословлялъ онъ и своихъ судей-обвинителей, которые отъ этого приходили въ смущеніе».

Послѣднее слово на судѣ предоставлено было Клименту, какъ обвиняемому. Съ своей убѣдительною трехчасовою рѣчи онъ представилъ въ истинномъ свѣтѣ свое поведеніе. Онъ доказывалъ, что онъ не преступленіе совершилъ, а исполнялъ только свой долгъ. Свою защитительную рѣчь онъ окончилъ такими словами: «Своего положенія — находиться на этой скамьѣ — не считаю позорнымъ. Оно составляетъ честь для меня, потому что я борюсь за паству, мое призваніе таково. Долгъ привелъ меня на это мѣсто, не позорное, а славное для меня. Вы развѣ не знаете, что происходило съ апостолами и съ самимъ Христомъ? Если, однако, существуетъ позоръ, то онъ для тѣхъ, которые привели меня сюда»...

Послѣ блестящихъ рѣчей защитниковъ Климента и послѣ его трогательнаго слова всѣ ожидали оправдательнаго вердикта. Но судъ рѣшилъ дѣло такъ, какъ того желало правительство. Климентъ былъ признанъ виновнымъ по всѣмъ пунктамъ. Народъ былъ возмущенъ. Начали устраивать бурныя демонстраціи, въ которыхъ принимали участіе и женщины и которыя полиціи не удавалось разгонять. Но все было безпо-

лезно. Климента снова увезли въ Петропавловскій монастырь и заперли въ прежній подвалъ, гдѣ его кормили только хлѣбомъ и водой. Чтобы доставить больше мученій страдальцу въ жаркіе южные июнскіе дни топили у него печку. Потомъ, чтобы удалить его отъ приверженной къ нему наставы, рѣшили перевезти его подальше отъ Терново—въ глухой монастырь с. Гложени, Ловченскаго округа, Тетевенскоѣ околинѣ.

«Въ ночь на 12-е августа, нѣтъ строжайшимъ секретомъ, Климента вывели изъ кельи, посадили на простую телѣгу, запряженную буйволами и покрывши сверху рогожею, повезли, не говоря ему ни слова, куда и зачѣмъ его везутъ. Чтобы не обращать вниманія на себя, конвой, сопровождавшій телѣгу, переодѣлся въ простыя деревенскія одежды, а за телѣгою Климента ѣхали еще четыре другихъ. Но дорогѣ отъѣхали любопытнымъ, что ѣдутъ въ Ловту за покупками, а отдыхать останавливались не въ селахъ, а въ безлюдныхъ мѣстахъ и лѣсахъ... Все это совершалось по приказанію правительства... Когда подъѣхали къ с. Гложени, и телѣги остановились на время, Климента, измученный голодомъ, попросилъ у лавочника въ долгъ, потому что не имѣлъ чѣмъ заплатить, на 1 грошъ (8 коп.) хлѣба и маслица. Когда тотъ ему принесъ, то жандармы выхватили у него изъ рукъ хлѣбъ и бросили, а его самого погнали палками, чтобы не смѣлъ подходить къ телѣгѣ».

Въ смрадной, грязной тюрьмѣ Гложенскаго монастыря Клименту суждено было томиться 9 мѣсяцевъ. Содержали его плохо, не позволяли ни съ кѣмъ встрѣчаться, издѣвались надъ нимъ, въ зимнія морозныя ночи не топили печи, не давали спать. Иногда ночью, когда измученный страдалецъ склонялъ голову на подушку и начиналъ засыпать, сторожъ подходилъ къ окну и стучалъ въ него, насмѣшливо спрашивая старца: «Дѣло Владыка, какъ ты себя чувствуешь? Посмотри-ка, который часъ, да вставай, а то скоро поѣдемъ въ Терново».

Наконецъ, 18 мая 1894 г. пало ненавистное народу правительство Стамбулова. Это былъ настоящий праздникъ для Болгаріи. Люди цѣловались на улицахъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Новое правительство первымъ своимъ долгомъ сочло освободить Гложенскаго узника (еще въ началѣ марта 1894 г. помилованнаго Фердинандомъ).

Какъ только разнеслась вѣсть о скоромъ возвращеніи Климента въ Терново, изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и селъ

началь стекаться сюда ликующій народъ. Жители разукрасили свои дома флагами и при въѣздѣ въ городъ устроили триумфальную арку съ надписью: «Добрѣ дошле, Ваше Високопреосвященство». Вотъ раздался звонъ церковныхъ колоколовъ. Показалась группа всадниковъ на лошадяхъ съ зелеными вѣтками въ рукахъ, а среди нихъ экипажъ, въ которомъ виднѣется многострадальная фигура терновскаго владыки; за этимъ экипажемъ тянется длинная вереница другихъ экипажей. Всѣ хотятъ быть ближе къ Клименту, увидѣть его: одни падаютъ передъ нимъ на колѣни, другіе цѣлуютъ ему руки, а онъ, растроганный, благословляетъ всѣхъ, и слезы не даютъ ему говорить... Шествіе направляется въ кафедральный соборъ. Здѣсь служатъ молебенъ. Климентъ пробуетъ сказать слово. Но при первыхъ словахъ: «Благочестивые христіане...» слезы давятъ его. Народъ тоже плачетъ...

Послѣднюю службу своему народу Климентъ хотѣлъ сослужить въ 1895 г. Онъ становится во главѣ депутаціи и отправляется въ Россію, чтобы возстановить примиреніе между Россіей и освобожденной ею Болгаріей. Депутація (въ составъ которой, кромѣ Климента, входили еще архимандритъ, нынѣ руцукскій митрополитъ, Василій, Тодоровъ, Молловъ и Вазовъ) прибыла въ Спб. 21 іюня 1895 г. 28 іюня она возложила вѣнки на гробницы въ Бозѣ почившихъ Императоровъ Александра II и Александра III. 30 іюня ее принимало въ своемъ помѣщеніи Славянское Благовѣ. Общество. 5 іюля она представлялась въ Петергофѣ Государю Императору.

Въ результатѣ—Фердинандъ былъ признанъ Россіей. Вслѣдъ за ней его признали и остальные европейскія государства.

Послѣ этого дѣятельность Климента почти прекращается. Здоровье его было совсѣмъ разстроено, силы надорваны. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ его жизни (1898—1901) съ нимъ произошло нѣсколько нервныхъ ударовъ, окончательно свалившихъ его въ постель.

Замѣчательно свидѣтельство лица, близко знавшаго Климента. «Самые близкіе приверженцы Климента, говоритъ оно, подтверждаютъ, что на его быстрое паденіе духомъ и тѣломъ подѣйствовало поведеніе Фердинанда, который, добившись признанія, повелъ Болгарію по старому пути, измѣнивъ своимъ обѣщаніямъ. Климентъ увидѣлъ, что сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ жертвой обмана и сказалъ своимъ: «Этого католика-принца Кобурга не надо было принимать совсѣмъ въ

Болгаріи. Въ Петергофѣ я забылъ, что «вълкътъ кожата си мѣнява, но характера си не измѣнява». Теперь онъ всёми намъ сказалъ: «истъкахъ си платното, ритамъ ви круското»...¹⁾. Совѣтую вамъ быть осторожными къ нему—къ его внутренней и внѣшней австрійской политикѣ».

11 июля 1901 г. Высокопр. Климентъ скончался въ Софій. Его смерть взволновала весь болгарскій народъ. При перевезеніи тѣла почившаго святителя въ Терново на всѣхъ станціяхъ толпился народъ, желавшій послѣдній разъ поклониться мужественному пастырю. Въ Терновѣ же поѣздъ съ останками ожидалъ весь городъ и множество депутацій изъ разныхъ городовъ и сель.

Отпѣваніе совершилось въ кафедральномъ терновскомъ соборѣ Рождества Пресв. Богородицы. Когда послѣ отпѣванія рушукскій митр. Василій началъ говорить надгробное слово: «Не хватаетъ лавровыхъ вѣнковъ, чтобы украсить мученичскій образъ...», его рѣчь была прервана рыданіями народа...

М. Г.! Я остановилъ ваше вниманіе только на самыхъ выдающихся представителяхъ болгарской церкви, которые являются наиболѣе яркими и типичными выразителями исконнаго, историческаго направленія болгарской народной жизни. Она не «рѣдкое исключеніе» изъ среди болгарскаго духовенства, напротивъ,—они общее правило, выразители общаго, основнаго историческаго теченія въ болгарскомъ духовенствѣ и народѣ. Можно бы было говорить и о другихъ весьма незаурядныхъ дѣятеляхъ—изъ высшаго и низшаго болгарскаго духовенства, бывшихъ выразителями того же основнаго направленія. Но въ виду того, что всѣ остальные дѣятели являются уже только второстепенными по сравненію съ тѣми, на которыхъ я остановилъ ваше вниманіе, говорить о нихъ я считаю сейчасъ излишнимъ. Достаточно сказать, что всѣ они вообще служили выразителями традиціоннаго народнаго настроенія, еще въ турецкія времена возлагавшаго всё свои надежды на Россію, на Русскаго Царя. Россію и Русскаго Царя простой болгарскій народъ боялся называть прямо въ тяжелыя времена турецкаго ига, и они были извѣстны у него подъ особымъ именемъ «Дѣдо Иванъ». «Освободимся отъ турецкаго ига, говорили простые болгары, но когда придетъ Дѣдо Иванъ»²⁾.

¹⁾ „Я выткалъ свое полотно, бросаю вамъ самый инструментъ“.

²⁾ См. объ этомъ, напр., у Милкова—„Антимъ“, стр. 12, прим., а также въ романѣ Вазова: „Педъ нгото“.

Чѣмъ же объяснить, спросите вы, что теперь, въ самую критическую минуту жизни болгарскаго народа, болгарская церковь ничѣмъ, повидимому, не проявляетъ своего вліянія? Постараюсь вкратцѣ отвѣтить и на этотъ вопросъ.

Во-первыхъ, до насъ не доходятъ сейчасъ почти никакія вѣсти, что происходитъ теперь въ Болгаріи и какъ ведутъ себя представители церкви. Одно только можно сказать, что они не могутъ быть солидарны съ Фердинандомъ Кобургскимъ и Радославовымъ.

И что дѣйствительно это такъ, вотъ тому нѣкоторыя, случайно промелькнувшія въ русскихъ газетахъ, доказательства. Въ вечернихъ газетахъ 2 ноября 1915 г. появилось слѣдующее сообщеніе:

«Газета «Дневникъ» (болгарская) нападаетъ на членовъ болгарскаго синода, обвиняя ихъ въ томъ, что они безучастно относятся къ настоящей войнѣ и не сдѣлали никакихъ пожертвованій въ пользу болгарскихъ воиновъ и раненыхъ въ то время, какъ они проявили большую щедрость по отношенію къ русскимъ солдатамъ¹⁾. Газета прибавляетъ: «Если старцы синода, заключенные въ своемъ дворцѣ, какъ въ оазисѣ среди пустыни, желаютъ оставаться чуждыми націи, то слѣдовало бы напомнить, что болгарская церковь національна и что нація можетъ себя спросить, зачѣмъ она поддерживаетъ эту церковь и даетъ этимъ старцамъ обогащаться».

Это сообщеніе безъ всякихъ комментариевъ само за себя прекрасно говорить.

Или вотъ, напр., сообщеніе, напечатанное на страницахъ «Правительственнаго Вѣстника» за 27 ноября:

«Nene Freie Presse» передаетъ, что секретарь болгарской миссіи въ Вѣнѣ Георгіевъ прочелъ докладъ «О настроеніяхъ въ Болгаріи», въ которомъ заявилъ, что болгары, подобно мадьярамъ,—выходцы съ далекаго Урала и, собственно говоря, вовсе не являются славянами: они—урало-алтайцы по крови, хотя и подчинившіеся культурному вліянію славянъ. Золотой вѣкъ болгарской исторіи относится къ временамъ царя Симеона, когда болгарскій народъ еще не усифъ по-

¹⁾ О пожертвованіяхъ болг. Св. Синода въ пользу русскихъ раненыхъ въ эту войну и о распоряженіяхъ его объ обязательномъ отчисленіи для той же цѣли нѣвѣстной суммы изъ монастырскихъ и церковныхъ средствъ см. „Церк. Вѣстн.“ 1915 г. № 4, стр. 122.

терять своего урало-алтайскаго облика. Что же касается славянства, то болгары много горя испытали отъ него, такъ какъ были вынуждены бороться съ сербскими своими соебдями.

Но еще болѣе зла, чѣмъ славянство, причинила болгарской націи Православная церковь. Византійская церковь всегда относилась къ національнымъ интересамъ болгарскаго народа съ крайнимъ недоброжелательствомъ. Эта церковь всегда стремилась къ денационализациі болгарской интеллигенціи. Когда Болгарія впервые приобрѣла свою политическую автономію, послѣ долгихъ вѣковъ турецкаго ига, то для нея представлялся весьма удобный случай присоединиться къ зонѣ римско-католической церкви. Однако же, подобнаго рода естественныя стремленія болгаръ натолкнулись на непреодолимыя препятствія въ лицѣ русскаго интригана—графа Игнатіева, который добился у султана Абдуль Азиза особаго ираде объ учрежденіи болгарскаго экзархата. Русская дипломатія воображала, что, учредивъ экзархатъ, она навсегда подчинитъ болгарскую церковь вліянію русской церкви. Но Россія ошиблась въ своихъ разчетахъ.

Болгарская нація не желаетъ имѣть ничего общаго съ Россіей и счастлива, что она наконецъ вырвалась изъ подъ позорной онеки.

(«Правительственный Вѣстникъ», 27 ноября 1915 года, № 275).

Совершенно очевидно, что для современнаго болгарскаго правительства, ведущаго антиславянскую политику и отрекающагося отъ своего славянскаго происхожденія, Православная Церковь стала, что называется, поперекъ горла. Очевидно, оно не встрѣбаетъ, да и не можетъ встрѣтить, въ ней сочувствія своей политикѣ. Совершенно ясно, что если для современныхъ болгарскихъ дѣльцовъ безразличны вѣроисповѣдныя и вообще религіозныя вопросы и они готовы ими пожертвовать изъ политическихъ разчетовъ, то это просто психологически невозможно для представителей Церкви—для болгарскаго духовенства, которое, по своей идеѣ, должно быть охранителемъ народнои вѣры. Исключенія, конечно, и здѣсь могутъ быть, но именно какъ исключеніе, какъ временное увлеченіе отдѣльных лицъ извѣстнымъ настроеніемъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ—напр., подъ вліяніемъ несчастій, постигшихъ болгарскую церковь въ Македоніи послѣ

балканской войны 1913 г. Но системы, организациі послѣдовательнаго, систематическаго антирусскаго теченія здѣсь быть не можетъ. Это, при современномъ стеченіи обстоятельствъ, равнялось бы самоубійству со стороны болгарскаго духовенства. Находясь сейчасъ на положеніи гонимаго элемента, оно можетъ быть стѣснено въ выраженіи своихъ симпатій, но быть солидарнымъ съ Фердинандомъ Кобургскимъ и Родославовымъ съ К^о оно органически быть не можетъ.

Во-вторыхъ, если среди современнаго болгарскаго духовенства нѣтъ Климентовъ, то вѣдь это объясняется тѣмъ, что Климентомъ нельзя сдѣлаться, а надо родиться, и такіе люди рождаются, быть можетъ, только съ поколѣніями.

Это прекрасно понимали и въ самой Болгаріи еще непосредственные современники Климента. Преемникъ его по терновской кафедрѣ, теперь тоже уже покойный († 1914 г.), Высокопр. Анѳимъ, человекъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма почтенный и высоко чтимый въ Болгаріи, тоже русскій воспитанникъ, при вступленіи на терновскую кафедру сказалъ: «Не ожидайте во мнѣ невозвратимаго и незамѣнимаго «Дѣда Климента». Воля Божія была мнѣ быть его преемникомъ, но не замѣстителемъ». А терновскій адвокатъ, когда-то защищавшій Владыку Климента въ судѣ, М. Гайдовъ на годовой панихидѣ по немъ сказалъ: «Дѣйствительно, терновскій митрополичій престолъ теперь занять достойнымъ архіереемъ, но мѣсто «Дѣда Климента» стоитъ пусто!».

Въ-третьихъ, если современное болгарское духовенство не проявляетъ своего вліянія на политическія дѣла, то нужно принять во вниманіе отношеніе къ нему современнаго болгарскаго общества и правительства. Наряду съ основнымъ и исконнымъ тяготѣніемъ къ Россіи, среди болгаръ, особенно въ чорбаджійскомъ обществѣ, издавна, еще во времена турецкаго господствъ, существовало т. н. руссофобское теченіе. Къ нему принадлежали, напр., Чомаковъ и др. чорбаджи, сторонники турецкаго режима, во время рѣшенія церковнаго вопроса. Боязнь передъ Россіей была свойственна также и другимъ болгарскимъ партіямъ.

Боялись, что Россія будетъ преслѣдовать на Балканахъ завоевательные планы. Эти опасенія проводились, напр., въ газетахъ, которыя издавались въ Константинополѣ передъ временемъ освобожденія Болгаріи—«Дунавски Лебедъ», «Знаме», «Македония», «Турция». И радикальные, и консервативные

органы въ этихъ опасеніяхъ сходились. Панславизмъ казался имъ страшнымъ, потому что онъ олицетворялся Россіей, поглощающей яко-бы отдѣльныя народности. Избавленіе для себя тогдашняя болгарская интеллигенція (въ особенности революціонно настроенная) склонна была искать скорѣе въ идеѣ федераціи балканскихъ государствъ, чѣмъ въ Россіи. «Мы (болгары, сербы, черногорцы, румыны, греки, армяне), писала газета «Сводола», органъ болг. революц. Любена Каравелова, въ 1870 г. (№ 50), желаемъ быть свободными, и потому намъ не нужно ничье покровительство... Наше спасеніе въ дунайской федераціи, а не въ Россіи». Мнѣнія этого держались и другіе болгарскіе революціонеры, напр., Раковскій.

Безкорыстная освободительная война, предпринятая Россіей, разсѣяла эти сомнѣнія. П. Р. Славейковъ, бывшій до 1872 г. редакторомъ газеты «Македония», въ мартѣ 1877 г. уже воспѣвалъ:

Рускый царь е на земята
 Най великъ, надъ всички прѣвъ;
 Руситѣ сѣ наши братя,
 Наша плътъ и наша кръвъ;
 Кат' Россия нѣма втора,
 Тѣя могуща на свѣта;
 Тя е нашата подпора,
 Тя е наш' та высота“.

Въ то же время и «Болг. центр. революц. комитетъ въ Бухарестѣ» издалъ «воззваніе гъ болгарскому народу», въ которомъ оповѣщалъ, что освободители русскіе «идутъ безкорыстно» ¹⁾.

Но т. н. руссофобское направленіе, ослабѣвшее въ періодъ освобожденія Болгаріи, не заглохло совсѣмъ. Оно питалось отчасти ошибками русской дипломатіи и русскихъ властей въ періодъ оккупации Болгаріи, не имѣвшихъ рѣшительно никакого плана въ своихъ дѣйствіяхъ, поддерживалось оно также и получившимъ широкое распространеніе среди болгаръ послѣ освобожденія западнымъ заграничнымъ воспитаніемъ, въ особенности—въ Австріи и Германіи, поддерживалось оно и придворнымъ въ Болгаріи нѣмецкимъ вліяніемъ. А событія послѣд-

¹⁾ Обо всемъ этомъ см. изслѣдованіе д-ра Б. Минцеса: „Държавно-политическитѣ и социално-стопанскитѣ идеи въ българската доосвободителна литература“, Мсб., кв. XVI—XVII, дѣлъ 2.

нихъ годовъ—обострившіяся до крайней степени изъ за македонскаго вопроса отношенія къ сербамъ, условія Бухарестскаго мира 1913 г. и т. п. усиливали развитіе руссофобскаго движенія въ Болгаріи. Последнее отразилось до нѣкоторой степени и на духовенствѣ, въ особенности—македонскомъ. бѣжавшемъ изъ Македоніи въ Болгарію. Но, конечно, эти отраженія не были типичны для всей массы болгар. духовенства и для его руководителей.

Въ параллель съ развитіемъ руссофобскаго движенія въ Болгаріи слѣдуетъ поставить и другого рода явленіе. Западное заграничное воспитаніе и отчасти наша, широко распространенная въ Болгаріи, отрицательная и анархическая литература развивали въ болгарскомъ интеллигентномъ обществѣ атеизмъ и отрицательное отношеніе къ Церкви. Большинство болгарскихъ революціонеровъ, боровшихся противъ турецкаго господства, были атеистами. Въ особенности же атеизмъ и отрицательное отношеніе къ церкви стали распространенными въ болгарскомъ обществѣ въ последнее время. Народные учителя въ подавляющемъ большинствѣ—атеисты. Педагогическія изданія рекомендуютъ даже распространеніе отрицательныхъ взглядовъ чрезъ школу. Слѣдствіемъ такого порядка вещей явился нравственный развалъ въ обществѣ. Официальный органъ болгарскаго Св. Синода «Църковень Вѣстникъ» въ особой статьѣ «Кадѣ вървимъ» («Куда идемъ»), незадолго до нынѣшней болгарской войны писалъ слѣдующее: «Теперь мы видимъ молодежь безъ вѣры, съ лѣнливой волей, съ ухищреннымъ умомъ, молодежь, которая готовится легкимъ путемъ, черезъ хитрость, обманъ, даже насилія получить дипломъ, чтобы устроиться потомъ на доходномъ мѣстѣ и предаться доходнымъ спекуляціямъ» («Ц. В.», 1915, № 30, отъ 25 іюня). То же подтверждаетъ и свѣтская болгарская литература. Укажу, для примѣра, на романъ Вазова: «Казаларската царица». Вотъ источникъ современной болгарской безпринципности въ политикѣ. Вотъ и причина отсутствія влияния на общество со стороны болгарскаго духовенства. Тѣмъ болѣе, что болгарское правительство, идя въ данномъ случаѣ въ полномъ согласіи съ обществомъ, замуrowало для духовенства всѣ пути къ общественной дѣятельности. Оно лишило духовенство не только избирательныхъ правъ въ Народное Собраніе, но даже устранило его и отъ законоучительства въ школахъ. А что духовенство не мирится съ такимъ пассивнымъ

положеніемъ и стремится къ общественной работѣ. доказательствомъ этому служить хотя бы разнообразныя сѣзды духовенства, передъ временемъ войны весьма участившіеся. Болгарское общество и правительство цѣнили духовенство и Церковь постольку, поскольку они помогали болгарскимъ политикамъ въ достиженіи національнаго идеала, работая въ церкви и школахъ въ Македоніи. А такъ какъ болгарское духовенство теперь изгнано изъ Македоніи, то оно потеряло поэтому всякій кредитъ среди интеллигентныхъ болгаръ. Этимъ равнодушіемъ къ дѣламъ Церкви со стороны болг. общества объясняется также и тотъ фактъ, что нѣкоторые лица среди него и въ бывшее время, и теперь такъ легко перекидывались изъ чисто политическихъ соображеній. изъ православія въ унию.

Въ-четвертыхъ, есть и еще одна причина, мѣшающая въ настоящее время болгарской церкви возвысить свой голосъ. Причина эта кроется во внутреннемъ ея состояніи въ настоящій моментъ. До послѣдняго времени болгарскій экзархъ жилъ въ Константинополѣ, внѣ Болгаріи. Поэтому, онъ былъ недосыгаемъ для болгарскихъ властей. Во время Стамбулова, напр., правительство насильно разгонило синодъ, но экзархъ оставался, и онъ непрежнему продолжалъ протестовать противъ насилій власти. И самые церковные дѣятели, — митр. Климентъ и др., находили опору и нравственную поддержку для себя въ независимомъ для свѣтской власти экзархѣ. Стамбуловъ лишилъ одно время блаж. Іосифа государственнаго жалованья. Но послѣдній имѣлъ и въ этомъ отношеніи для себя нѣкоторую поддержку — въ македонскихъ болгарскихъ епархіяхъ, входившихъ до 1912 г. въ составъ Турецкой имперіи. Теперь обстоятельства измѣнились. Болгарская церковь утратила свою прежнюю независимость отъ болгарскаго правительства. Экзархъ долженъ былъ выѣхать изъ Константинополя въ Софію. Вотъ почему мы видимъ, что даже такой крупный и вліятельный человекъ, какъ блаж. Іосифъ, оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ правительствомъ Радославова, посягавшимъ, какъ мы уже знаемъ на церковную автономію, и мечтаетъ объ эмиграціи въ Россію. Что мысль объ эмиграціи въ самое послѣднее время была у блаж. Іосифа, это намъ достоверно извѣстно.

Но не только внѣ черты Болгаріи теперь нѣтъ экзарха. Вообще теперь экзарха нѣтъ въ болгарской церкви. Послѣ не-

давной кончины блаж. Іосифа новые выборы не могли состояться. Болгарская церковь, поэтому, является теперь без главы и безъ инициативы. Въ этомъ тоже одна изъ немаловажныхъ причинъ ея теперешняго видимаго бездѣйствія.

Какіе же слѣдуютъ выводы изъ моего доклада? Они ясны сами собою.

1) Духовенству въ Болгаріи принадлежала первенствующая роль въ дѣлѣ духовнаго возрожденія болгарскаго народа, и самое это возрожденіе произошло на церковной почвѣ.

2) Всѣ вѣковыя, исконныя надежды болгаръ, въ лицѣ ихъ лучшихъ духовныхъ вождей, были устремлены на Россію, въ единеніи съ которой они видѣли залогъ благополучія Болгаріи.

3) Наряду съ этимъ исконнымъ, историческимъ теченіемъ въ болгарскихъ верхахъ еще съ турецкаго времени существовало другое, противоположное теченіе, враждебное Россіи.

4) Въ послѣднее время это теченіе проникло въ школу, въ общество, отчасти въ народъ и въ настоящее время господствуетъ въ болгарской политикѣ.

5) Надо думать, что эта зараза не успѣла еще проникнуть вглубь народа, попрежнему (несмотря на враждебное Россіи настроеніе правящихъ круговъ и значительной части общества) въ массѣ остающагося вмѣстѣ со своими духовными вождями на традиціонной церковной и руссофильской почвѣ.

6) Въ этомъ здоровомъ народномъ ядрѣ можно искать источникъ будущаго обновленія Болгаріи и изъ него черпать надежду на болѣе свѣтлое будущее.

Проф.-свящ. В. Верюжскій.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 гг.).

Въ Петроградской Духовной Академіи (1867—1896 г.г. *)

1. *Первый періодъ службы* (1867—1884 гг.) подѣ дѣйствіемъ стараго и новаго (1869 г.) академическаго устава.

Переходъ мой изъ Московской въ Петроградскую духовную Академію почти совпалъ съ наступленіемъ ректорства приснопамятнаго протоіерея о. Іоанна Леонтьевича Янышева, только за 7 мѣсяцевъ до моего возвращенія въ родную Академію сдѣлавшагося (съ 1866 г., ноября 27) ея ректоромъ, преемникомъ извѣстнаго Іоанна (Соколова † еп. смоленскаго). Болѣе половины моей здѣсь службы прошло подѣ начальствомъ этого весьма замѣчательнаго ректора, давшаго совершенно новое направленіе академіи. 17 лѣтъ его ректорства (съ 27 ноября 1866 г. по 19 октября 1883 г.) представляли по истинѣ блестящій, славный періодъ въ исторіи Петроградской Академіи, до сихъ поръ носящій названіе «Янышевскаго». Считаю себя счастливымъ, что пришлось мнѣ начать службу въ родной Alma Mater именно въ этотъ періодъ времени, послѣ серьезной подготовки въ дорогой Московской Академіи.

Переходъ мой въ Петроградскую Академію былъ довольно необыченъ. Слышно было, что онъ устроился по представленію ректора высшему начальству, безъ совѣщанія съ корпо-

*) См. „Христ. Чтен.“ за 1914 г. и отдѣльное изд. „Воспом. стар. проф. Первый выпускъ: годы 1847—1867“. Петрогр. 1914, ц. 1 р. (у книг. И. Л. Тузова и въ магаз. „Новаго Времени“).

раціею профессоровъ. Это было въ каникулярное время въ кониѣ іюня 1867 г. (переводъ мой состоялся 30 іюня того-же года), въ отсутствіе академическихъ преподавателей. По всей вѣроятности, ректоръ, прот. І. Л. Япышевъ, совѣтовался только съ тогдашнимъ о. инспекторомъ академіи, архим. Хрисаномъ (Ретивцевымъ), который, можно полагать, не только предложилъ мою кандидатуру, но посовѣтовалъ избрать и указанный выше способъ моего перевода, имѣя въ виду хорошее о мнѣ мнѣніе тогдашней корпораціи академическихъ наставниковъ и собственныя свои выгоды и цѣли. Ему выгодно было получить себѣ помощника по кафедрѣ основнаго и догматическаго богословія, которую онъ до того времени занималъ одинъ, да кромѣ того избравшемъ такимъ помощникомъ именно меня онъ достигалъ и нѣкоторыхъ другихъ цѣлей. Прежде всего онъ дѣлалъ нѣчто пріятное и ректору, моему по женѣ родственнику (жена моя приходилась родной племянницей супругѣ І. Л., А. Е. Япышевой) и моему тестю, прот. І. В. Васильеву, только что назначенному тогда предсѣдателемъ учебнаго при Св. Синодѣ Комитета, членомъ котораго состоялъ и самъ о. архим. Хрисанъ. Если же совѣтникъ ректора, далеко не лишенный тонкости и сообразительности, и предвидѣлъ неудовольствіе своихъ коллегъ, профессоровъ академіи отъ такого способа избранія и назначенія новаго преподавателя, то можетъ быть, былъ даже отчасти этому радъ, думая про себя, что дескать «попадетъ» за это отъ нихъ ректору—протоіерею, но существу же полагалъ, что академія отъ моего назначенія ничего не проиграетъ, да и коллеги ничего противъ меня имѣть не могутъ, скорѣе въ душѣ будутъ рады переходу къ нимъ бывшаго ихъ питомца, вѣкогда очень желаннаго (1863 г.) сочлена въ ихъ семьѣ (см. гл. III—о замѣщеніи кафедры первой церковной исторіи), и въ кониѣ конновъ все устронется къ общему благополучію. Такъ оно и случилось. Слышно было, что когда въ кониѣ августа 1867 г. съѣхались послѣ каникулъ профессоры, въ первомъ же засѣданіи конференціи, ректору пришлось выслушать отъ нихъ немало горячихъ и рѣзкихъ рѣчей по поводу незаконности (по формѣ) моего перевода, съ оговоркою, впрочемъ, что по существу она ничего противъ меня не имѣютъ и даже рады, что назначеніе состоялось, но почему сдѣлано не такъ, какъ бы слѣдовало по законамъ и академическимъ обычаямъ?

Дѣйствительно всѣ мои бывшіе наставники встрѣтили меня,

какъ давно желаннаго сослуживца, очень привѣтливо, а нѣкоторые даже рассказали о томъ, что было въ общемъ собраніи академическихъ преподавателей, по поводу моего перевода въ родную академію, прибавляя, что въ сущности ничего они противъ того не имѣютъ. Изъ визитовъ, которые сдѣланы были мною бывшимъ моимъ наставникамъ, а теперь сослуживцамъ, въ особенности памятенъ былъ одинъ, именно—проф. И. А. Чистовичу. «Вы, вѣроятно, замѣтилъ онъ, не останетесь на кафедрѣ догматическаго богословія. Вѣдь этотъ предметъ въ научномъ отношеніи совсѣмъ неинтересный. Онъ вѣдь—не наука: это не что иное, какъ распространенный катихизисъ. Полагаю, что вы займете кафедру философіи вмѣсто Василія Николаевича Карпова, дни котораго сочтены (недолго спустя послѣ этого разговора, онъ дѣйствительно и скончался—2 дек. того же 1867 г.), и я желалъ бы, чтобы вы были моимъ ближайшимъ сотрудникомъ по преподаванію философскихъ наукъ». Поблагодаривъ почтеннаго профессора за это лестное для меня предложеніе, я однако со всею рѣшительностью отклонилъ его,—заявивъ, что у меня образовалось совсѣмъ другое настроеніе, рѣшительное расположеніе къ занятіямъ богословскими предметами, что хотя у меня очень мало знаній изъ круга науки догматическаго богословія, но есть надежда поставить преподаваніе этого предмета болѣе или менѣе на научную почву, при этомъ, кажется, прибавилъ, что намеренъ придать своимъ чтеніямъ историко-догматическій характеръ, что дѣйствительно и сдѣлалъ.

Такой характеръ первыхъ моихъ чтеній по догматическому богословію объясняется какъ влияніемъ московской школы—приснопамятнаго великаго церковнаго историка о. А. В. Горскаго и совѣтами новаго моего ректора о. І. Л. Язышева, очень сочувствовавшаго такому именно методу преподаванія этого важнаго предмета, такъ наконецъ и моимъ скептическимъ взглядомъ на возможность создать систему догматическаго богословія. Казалось тогда, что послѣ трудовъ пр. Макарія (Булгакова) и Филарета (Гумилевскаго) сдѣлать что-либо въ этомъ направленіи достойное академической кафедры невозможно и что пришлось бы въ такомъ случаѣ повторять ихъ труды, въ особенности многотомный и уже прославленный трудъ пр. Макарія. Только черезъ 3—4 года (1872 г.) я приступилъ къ чтенію лекцій по системѣ догматическаго богословія, параллельно съ чтеніями по историческому изложенію

догматовъ. Вызванъ былъ къ тому самими моими слушателями, какъ увидимъ далѣе, а до того времени мои чтенія имѣли исключительно историко-догматическій характеръ.

Раздѣлили мы съ о. архим. Хрисанеомъ—онъ въ званіи экстр. проф., а я въ званіи бакалавра—преподаваніе предмета слѣдующимъ образомъ: онъ взялъ введеніе въ богословіе (основное богословіе) и первую часть догматическаго, т. е. ученіе о единствѣ Божіемъ, о Троичности Лиць въ Богѣ и о твореніи міра видимаго и невидимаго (Ангеловъ). Все остальное, т. е. вторая, большая часть догматики выпала на мою долю.

Такъ какъ первымъ предметомъ моихъ чтеній было Лице Христа Спасителя, а затѣмъ все то, что привнесено христіанствомъ въ область Богооткровенной вѣры, то, идя историко-догматическимъ путемъ, естественно было заняться прежде всего послѣдними временами, предъ пришествіемъ Спасителя, съ цѣлю прослѣдить, какимъ образомъ іудейскій міръ приготовлялся къ принятію Мессіи, какія въ то время существовали въ еврействѣ понятія относительно важнѣйшихъ вопросовъ вѣры и не было ли въ этихъ понятіяхъ подготовительныхъ элементовъ къ принятію христіанства. Порекомендованный мнѣ о. ректоромъ І. Л. Янышевымъ только что явившійся тогда очень интересный трудъ римскаго богослова, впоследствии старокатолика Лянгена ¹⁾, содержащій обстоятельное изложеніе и анализъ всего того, что явилось въ религіозной іудейской литературѣ въ промежутокъ времени между появленіемъ послѣднихъ книгъ Св. писанія Ветхаго Заветъа и Новозавѣтными писаніями Св. Апостоловъ, помогъ мнѣ осуществить эту задачу. Общій выводъ былъ тотъ, что въ іудейской литературѣ того времени болѣе или менѣе близко подходили къ чаянію того полнаго озаренія, которое явилось въ христіанствѣ, но что это были однако лишь слабые проблески, подобныя утренней предразсвѣтной зарѣ, предшествующей появленію солнца—Христа и что невозможно объяснить появленіе христіанства путемъ будто бы естественнаго развитія бродившихъ въ іудействѣ идей и представленій, какъ стремилась къ тому отрицательная нѣмецкая критика. Послѣ этихъ чтеній слѣдовало обратиться къ изложенію догматическихъ

¹⁾ Langen, Das Judentum zur Zeit Christi. Beitrag zur Offenbarung und Religionsgeschichte, als Einleitung in Theologie des N. T. Freiburg. 1866.

данныхъ, заключающихся въ Новозавѣтныхъ книгахъ Св. Писанія, или къ тому, что на Западѣ называется «Библейскимъ богословіемъ», какъ первой части историческаго изложенія догматовъ, и чѣмъ, какъ увидимъ далѣе, пришлось заняться въ послѣдствіи, не на сей разъ я началъ чтеніе прямо съ исторіи раскрытія догматовъ въ періодъ святоотеческій и средневѣковой. При этомъ руководствовался западными такъ называемыми «исторіями догматовъ» какъ римско-католическими ¹⁾, такъ и протестантскими и послѣдними преимущественно, въ особенности трудомъ Каниса ²⁾, весьма объективнаго, очень безпристрастнаго, даже въ конфессіональныхъ вопросахъ, строго ортодоксальнаго въ лютеранскомъ смыслѣ богослова. Нужно признаться, что эти чтенія на первыхъ порахъ почти совершенно лишены были самостоятельности и имѣли конспективный характеръ, заключаая массу довольно отрывочныхъ свѣдѣній и представляя бѣглый обзоръ богатой исторіи догматическихъ движеній въ святоотеческій и средневѣковый періодъ. Если въ чемъ проявлялась моя самодѣятельность, то почти только въ переработкѣ даваемого нѣмецкими пособіями матеріала, да въ исключеніи всего того, что отзывалось протестантствомъ, или католичествомъ. Въ общемъ же долгъ справедливости требуетъ признать, что въ этотъ первый періодъ моей дѣятельности на новой каѳедрѣ я состоялъ въ порядочномъ рабствѣ у нѣмцевъ и освободился отъ него только послѣ 1869 г., когда приступилъ къ болѣе или менѣе самостоятельной разработкѣ предмета и составленію новыхъ лекцій, прежнія же сдалъ въ архивъ. Такова судьба первыхъ лекцій, насколько намъ извѣстно, огромнаго большинства академическихъ преподавателей прежняго, по крайней мѣрѣ, времени, когда не существовало нынѣшней подготовки кандидатовъ на занятіе академическихъ каѳедръ.

¹⁾ *Klee*—Lehrbuch der Dogmengeschichte. Mainz. 1837—1838. *Schwane*—Dogmengeschichte der vornicänischen Zeit. Munster. 1862. *Dogmengeschichte der patristischen Zeit*. Munster. 1862. *Zobl*—Dogmengeschichte der katholischen Kirche. Insbruck. 1865.

²⁾ *Kahnis*—Die Kirchenglaube in seiner geschichtlichen Eptwicklung. Leipz. 1864—второй томъ трехтомнаго его труда, изъ которыхъ первый посвященъ лютеранской догматикѣ въ историческомъ ея развитіи (*Die luterische Dogmatik historisch genetisch dargestellt*. Leipz. 1861), а третій—системѣ лютеранской догматики (*System der lutherischen Dogmatik*. Leipz. 1868).

Тогдашній ректоръ Петроградской Академіи протоіерей Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ ¹⁾, какъ видно изъ предыдущаго, вполне одобрялъ принятый мною методъ чтеній. Богато одаренный отъ природы, сначала бакалавръ математики въ родной академіи, вскорѣ заграничный (въ Висбаденѣ) священникъ, потомъ блестящій профессоръ богословія въ Петроградскомъ Университетѣ, оставившій въ немъ по себѣ громкую славу ²⁾, далѣе снова заграничный священникъ и протоіерей (въ Берлинѣ и Висбаденѣ), въ 1864 г. преподаватель въ Копенгагенѣ закона Божія и русскаго языка принцессѣ Дагмарѣ, нынѣ вдовствующей Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ 1866 г., по Высочайшему повелѣнію, ректоръ Петроградской духовной Академіи, былъ человѣкъ философскаго склада ума, свѣтлыхъ, широкихъ взглядовъ, высоко ставившій научные интересы, прекрасно знакомый и съ родною академіею и съ постановкою преподаванія въ университетахъ какъ отечественныхъ, такъ и заграничныхъ нѣмецкихъ, энергичный, многоопытный, много видѣвшій и испытывшій на своемъ вѣку, несмотря на свои сравнительно небольшіе годы (40 лѣтъ—въ 1866 г.). Онъ составилъ себѣ идеалъ духовной академіи, во многомъ совершенно непохожій на тотъ, выраженіемъ котораго была тогда наша отечественная духовная академія. Идеаломъ его былъ богословскій факультетъ преимущественно нѣмецкихъ университетовъ.

Ректорство его совпало съ эпохою преобразованій въ духовно-учебной средѣ, и онъ оказался какъ нельзя болѣе

¹⁾ Протоіерей І. Л. Янышевъ, род. 1826 г., калужск., 1-й магистръ XVIII в. (1849 г.) Петр. Акад., оставленъ при акад. сначала помощ. эконома, потомъ вскорѣ (1850 г.) бакк. математики, въ 1851 г.—свящ. Висбаденской ц., въ 1856 г.—проф. богословія и филос. въ Петрогр. университетѣ, въ 1858 г.—снова заграничный свящ. и протоіерей сначала въ Берлинѣ, а съ 1859 г. въ Висбаденѣ, въ 1864 г.—препод. закона Божія и русскаго яз. принцессѣ Дагмарѣ въ Копенгагенѣ, а съ 1866 г. (28 ноября) ректоръ Петроградской Академіи.

²⁾ Какъ видно изъ „исторической записки“ проф. Григорьева, по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея Петрогр. Университета. „Число его (о. І. Л. Ян.) слушателей возрастало съ каждымъ днемъ. Нѣсколько разъ онъ долженъ былъ переходить изъ одной аудиторіи въ другую, болѣе обширную. Наконецъ, сталъ читать въ актовомъ университетскомъ залѣ, но и тотъ едва вмѣщалъ всѣхъ, стремившихся насладиться его увлекательною рѣчью“ (см. „Ист. Спб. Акад.“ И. А. Чистовича. 1889 г. стр. 24—25).

кстати на ректурѣ въ столичной академіи, зблизі той среды, гдѣ вырабатывались духовно-учебные планы и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ и вліятельныхъ руководящихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія, въ академіи же приобрѣлъ съ теченіемъ времени, большой авторитетъ. Не считаемъ, однако, нужнымъ скрывать, что первые его шаги на новомъ поприщѣ службы были неособенно удачны, въ чемъ онъ, впрочемъ, въ значительной степени былъ виноватъ самъ, благодаря своему увлекающемуся характеру. Дѣло въ томъ, что встрѣченный академическою корпораціею наставниковъ весьма привѣтливо, какъ желательный начальникъ, какъ славный питомецъ академіи, онъ, рассказывали, на самыхъ же первыхъ порахъ поставилъ своихъ сослуживцевъ въ оппозиціонное къ себѣ отношеніе. Въ своихъ рѣчахъ и особенно во вступительномъ своемъ словѣ, изъ текста: «на Моисеевомъ сѣдалищѣ сѣдоша книжницы и фарисеи», онъ обидѣлъ память старой Петроградской Академіи, какъ бы зачеркнулъ все ея прошлое. Между тѣмъ родная академія гордилась этимъ прошлымъ, въ особенности эпохою пр. Макарія (Булгакова), славнаго ея ректора и выдающагося духовнаго писателя, богослова и церковнаго историка. А пужно при этомъ замѣтить, что большинство преподавателей Петроградской Академіи того времени были питомцами именно Макарьевского періода. «Новый ректоръ, говорили тогда (мнѣ пришлось слышать это впоследствии отъ другихъ, такъ какъ при вступленіи о. І. Л. Янышева въ должность ректора я служилъ въ Московской Академіи), самъ еще ничего не сдѣлалъ, а между тѣмъ осмѣлился такъ отнестись ко многимъ славнымъ во всякомъ случаѣ именамъ, къ историческимъ традиціямъ академіи и установившемуся укладу ея жизни. Посмотримъ, что онъ самъ дастъ академіи». Вѣдноти и относительно академической дисциплины взгляды новаго ректора рѣзко расходились съ взглядами старѣйшихъ представителей академической преподавательской корпораціи. Для нихъ идеаломъ въ этомъ отношеніи были строгія Макарьевскія времена. Они вздыхали о строгомъ Макарьевскомъ режимѣ, распатанномъ при преемникахъ пр. Макарія—Ософанѣ (Говоровѣ), Нектаріѣ (Надеждинѣ), Іоанникіѣ (Рудневѣ) и Іоаннѣ (Соколовѣ), въ періодъ отъ 1857 до 1866 г., и мечтали объ его возстановленіи. Новый же ректоръ, самъ воспитанникъ тѣмъ же Макарьевскихъ временъ, далеко не былъ ихъ поклонникомъ и являлся побор-

ные (см. гл. III). Изъ новыхъ были только ректоръ, инспекторъ и 4 бакалавра (Л. А. Павловскій, Т. В. Барсовъ, А. Е. Свѣтилинъ и П. Ѳ. Комаровъ).

Ректоръ, ординарный профессоръ по кафедрѣ нравственнаго богословія, избралъ этотъ предметъ (а не догматическое богословіе, какъ дѣлали это его предшественники), потому что ему казалось легче и удобнѣе совмѣстить занятія этимъ предметомъ съ исполненіемъ многотрудныхъ ректорскихъ и другихъ (по придворной службѣ) обязанностей. Не разъ онъ говорилъ мнѣ, что догматическое богословіе требуетъ болѣе молодыхъ силъ, болѣе времени и болѣе безраздѣльной ему преданности, чѣмъ нравственное богословіе, почему онъ и рѣшился избрать послѣднее, а для перваго вызвать меня изъ Московской Академіи. Отъ себя прибавлю, что философскій складъ ума о. І. Л. Янышева наиболѣе подходилъ къ кафедрѣ нравственнаго богословія, серьезная научная постановка котораго требуетъ именно такого склада, что вѣроятно инстинктивно чувствовалось І. Л. и что въ концѣ концовъ повело къ появленію замѣчательнаго, капитальнаго его труда—системы нравственнаго богословія. Справедливость требуетъ замѣтить однако, что сильному уму І. Л. далеко не вдругъ удалось овладѣть своимъ предметомъ. Слышно было, что по временамъ онъ разочаровывался въ цѣнности своихъ лекцій, чего не скрывалъ отъ близкихъ ему людей. Въ лицѣ І. Л. академія получила несомнѣнно прекраснаго, блестящаго профессора, превосходнаго, заботливѣйшаго о всѣхъ сторонахъ ея жизни ректора, а корпорація наставниковъ—симпатичнаго деликатнѣйшаго главу, дружелюбно, въ высшей степени доброжелательно относившагося къ ея сочленамъ и терпѣливо—къ ихъ недостаткамъ, а подчасъ и несовсѣмъ корректнымъ выходкамъ. Къ сожалѣнію, наши тогдашніе сослуживцы, привыкшіе къ совершенно другому обращенію прежнихъ ректоровъ, не сумѣли оцѣнить, по крайней мѣрѣ въ первые годы его ректорства, изысканную его вѣжливость и деликатность его обращенія и несправедливо заподозрили его въ неискренности и даже въ іезуитствѣ. Слишкомъ уже рѣзокъ былъ контрастъ между нимъ и его предшественникомъ, грубо деспотичнымъ пр. Іоанномъ (Соколовымъ), да и другими болѣе ранними ректорами.

Впрочемъ, то, что сказано выше объ о. І. Л. Янышевѣ, какъ профессорѣ нравственнаго богословія, относится собственно къ періоду послѣ преобразования академіи (послѣ

1869 г.); до того же времени (1867—1868 гг.) онъ преподавалъ педагогику, а каѳедру нравственнаго богословія, съ 1866 г., занималъ, въ званіи и д. бакалавра, П. Ѳ. Комаровъ, бывшій мой слушатель по Московской Академіи ¹⁾, не представившій магистерской диссертациі, а поэтому оставленный въ 1869 г. за штатомъ (о немъ см. въ IV гл. моихъ «Воспом.»). Его мѣсто на каѳедрѣ нравственнаго богословія (соединеннаго съ педагогикой по уставу 1869 г.) и занялъ о. І. Л. Янышевъ.

Изъ новыхъ лицъ, кромѣ ректора, инспектора (о. Хрисанеа) и П. Ѳ. Комарова оказались моими сослуживцами мои сверстники по студенчеству—курсовъ: старшаго XXIV, моего XXV и младшаго XXVI, именно Л. А. Павловскій, бакалавръ патристики ²⁾, Т. В. Барсовъ, бакалавръ церковнаго законовѣдѣнія, мой сотоварищъ по студенчеству, и А. Е. Свѣтилинъ ³⁾, бакк. логики и психологіи. Первый—болѣе практическаго, чѣмъ научнаго склада ума, второй—не пользовался симпатіями большинства сослуживцевъ, вслѣдствіе особенностей его характера, третій отличался большою скромностью, застѣнчивостью, сосредоточенностью, глубокомысліемъ, во многомъ, и складомъ ума и характера, отчасти даже наружностью, напоминая бывшаго моего сослуживца по Московской Академіи, проф. В. Н. Потапова, также преподавателя логики и еще новой философіи.

Корпоративная жизнь преподавателей Петроградской Академіи во многомъ отличалась отъ Московско-посадской. Здѣсь

¹⁾ Говорили тогда, что онъ вызванъ былъ изъ Московской Академіи москвичами по академіи, ректоромъ, пр. Іоанномъ (Сокол.) и инспекторомъ, о. Хрисаномъ, съ цѣлію имѣть въ немъ монаха, но ихъ расчеты оказались ошибочными. П. Ѳ. Комаровъ монашества не принялъ, по всей вѣроятности отъ того, что переходъ его въ Петроградскую Академію совпалъ какъ разъ съ перемѣною въ ней ректора монаха на ректора протоіерея (кстати сказать, земляка Комарова, калужанина). П. Ѳ. Комарову о. архим. Хрисанеъ передалъ, въ окт. 1866 г., свою каѳедру нравственнаго богословія, самъ же занялъ каѳ. догматическаго. А 9 ноября того же 1866 г. пр. Іоаннъ получилъ назначеніе на смоленскую епископскую каѳедру.

²⁾ Леонидъ Андреевичъ Павловскій, спбург. 3-й маг. XXIV к. (1861 г.) спб. акад., 1861—препод. спб. семин., 1863—бакк. спб. акад., 1866—священникъ, 1872—оставилъ службу при акад., 1877—протоіерей, † 1895 г.

³⁾ А. Е. Свѣтилинъ, рязан., 8-й маг. XXVI (1865 г.) спб. акад., 1865—препод. смоленск. сем., 1867—бакк. спб. акад., 1875—экстр. проф., † 1887 г.

профессоры и бакалавры не жили въ такомъ близкомъ общеніи, какъ въ Сергіевомъ Посадѣ. Немногіе, человекъ 6-й (В. И. Долоцкій, Н. И. Глоріантовъ, А. И. Предтеченскій, И. Е. Троицкій, Т. В. Барсовъ, П. Ѳ. Комаровъ) имѣли казенныя квартиры въ зданіи академіи, остальные были разсѣяны по Петрограду, и если первые естественно часто видѣлись, то послѣдніе жили особняками какъ другъ отъ друга, такъ и отъ академическихъ насельниковъ, имѣя особый кругъ знакомыхъ и родныхъ, что представляло свои выгодныя и невыгодныя стороны.

Матеріальное положеніе преподавателей столичной академіи оказалось также нѣсколько инымъ, чѣмъ въ скромномъ Посадѣ. Правда, по примѣру Московской и вслѣдъ за нею, и въ Петроградской Академіи существовала такая же прибавка, отъ Александро-Невской Лавры, къ казенному жалованью: ординарному профессору (вмѣсто 858 р.) 1200 р., экстраординарному (вмѣсто 429 р.) 900 р., бакалавру (вмѣсто 429 р.) 700 р., но этихъ средствъ было недостаточно при дороговизнѣ столичной жизни, въ особенности для людей семейныхъ. Для примѣра возьму себя. Нанялъ я квартиру за 300 р. въ годъ (25 р. въ мѣсяцъ), осталось 400 р.—на все, про все; болѣе чѣмъ скромное содержаніе! Такъ прожили мы конецъ 1867 и весь 1868 годъ; къ концу 1868 и къ началу 1869 г., съ выходомъ инспектора архим. Хрисанеа на ректуру въ Петрогр. семинарію, я получилъ прибавку въ 200 р.; на меня перевели его окладъ—экстраорд. профессора (900 р.),—въ виду моего семейнаго положенія,—хотя я и не былъ возведенъ въ это званіе. Считалъ себя счастливымъ, располагая въ мѣсяцъ уже 75 р., а за исключеніемъ платы за квартиру,—50 р. Но это счастье было очень кратковременное; продолжалось оно мѣсяца два, три. Предъ преобразованиемъ академіи по новому уставу, мѣсяца за 3—4 до 30 мая 1869 г. (время утвержденія устава), Лавра отказалась давать прибавки къ нашему жалованью, въ виду будущихъ возвышенныхъ окладовъ содержанія, въ размѣрѣ университетскихъ. Случилось это совершенно неожиданно. Большое было разочарованіе, когда настроенные на ожиданіе близкаго улучшенія нашего быта, явились мы, въ январѣ или въ февралѣ этого года, къ эконому академіи и намъ объявили, что мы бакалавры, вкупѣ съ экстраординарными профессорами, получимъ по 35 р. съ копѣйками мѣсячнаго жалованья.

При такихъ обстоятельствахъ, поневолѣ приходилось прибѣгать къ литературному труду, какъ къ добавочному средству существованія. Въ половинѣ мѣсяца карманъ обыкновенно оказывался совершенно пустымъ, и идешь бывало, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, къ казначею редакціи «Христ. Чтен.» проф. И. Ѳ. Нильскому за полученіемъ 10—15 р. въ счетъ гонорара за печатающіяся въ журналѣ статьи. Отсюда и ведутъ начало мои «Очерки исторіи литургіи нашей православной церкви» (1868 г.) и «Исторіи древнихъ національныхъ литургій Запада» (1870 г.), печатавшіеся въ «Христ. Чтен.» Не будь гнетущей нужды, едва ли появились бы на свѣтъ эти очерки, отнявшіе у меня не мало времени отъ занятій новымъ предметомъ преподаванія (догматическимъ богословіемъ), съ трудами по которому я не могъ еще выступить въ печати по недостаточному его изученію. По временамъ еще помѣщались статьи публицистическаго характера въ «Церков. Обществ. Вѣстникъ» А. И. Поповицкаго.

Преобразование духовныхъ Академій по уставу 1869 г.

Главнымъ двигателемъ преобразования былъ тогдашній Оберъ-Прокуроръ Св. Синода (съ 1865 г.) гр. Д. А. Толстой. Онъ повелъ это дѣло съ свойственною ему энергіею и настойчивостью. Съ янв. 1868 г. учрежденъ былъ комитетъ для пересмотра устава академій—подъ предсѣдательствомъ нижегородскаго архіепископа Нектарія (Надеждина), бывшаго нашего ректора. Но душою комитета былъ не предсѣдатель, человекъ ничѣмъ не выдающійся, кромѣ полного сочувствія дѣлу преобразования и потому *persona grata* у гр. Д. А. Толстаго, а члены комитета, въ особенноти предсѣдатель Духовно-Учебнаго Комитета прот. І. В. Васильевъ и ректоръ Петроградской Академіи прот. І. Л. Янышевъ. Оба они горячо были преданы дѣлу преобразования и являлись прекрасными, весьма свѣдущими представителями постановки высшаго богословскаго образованія на Западѣ: прот. І. В. Васильевъ—въ римско-католическомъ мірѣ, прот. І. Л. Янышевъ—въ протестантскомъ. Сверхъ того, прот. І. В. Васильевъ,—высокодоровитая личность, съ сильнымъ и уравновѣшеннымъ характеромъ, очень живой, остроумный и краснорѣчивый, весьма вліятельный во всѣхъ высшихъ сферахъ и свѣтскихъ и ду-

ховныхъ, имѣлъ большой вѣсъ и значеніе и у Оберъ-Прокурора Св. Синода, гр. Д. А. Толстого ¹⁾).

Прочіе члены комитета были также въ своемъ родѣ люди замѣчательные и вносили свою долю вліянія въ дѣло преобразования. Главный священникъ арміи и флота, прот. М. И. Богословскій, человекъ также авторитетный и вліятельный и въ духовныхъ и отчасти свѣтскихъ кругахъ, сильнаго, непреклоннаго характера, нѣкогда безраздѣльно властвовавшій въ училищѣ Правовѣдѣнія, въ бытность свою его профессоромъ и законоучителемъ, докторъ богословія (что тогда было большою рѣдкостью), являлся въ комитетѣ представителемъ умѣренно консервативнаго элемента. Видные представители Мин. Народнаго Просвѣщенія—профессоры Петрогр. Университета И. Е. Андреевскій и Историко-Филологическаго Института А. Д. Галаховъ тянули, конечно, въ сторону преобразования и факультетскаго устройства духовныхъ академій на манеръ университетовъ. Ректоръ Петроградской духовной семинаріи архим. Павелъ (Лебедевъ, † архіеп. Казанскій), человекъ широкихъ взглядовъ, былъ также на сторонѣ преобразования. О Н. А. Сергіевскомъ, директорѣ канцел. Оберъ-Прокурора и говорить нечего, онъ, конечно, усердно творилъ волю своего принципала—Оберъ-Прокурора. Проф. И. А. Чистовичъ, авторитетный знатокъ исторіи академіи, авторъ «Исторіи С.-Петербургской Дух. Академіи» (1857), примыкалъ также къ поборникамъ кореннаго преобразования духовныхъ академій; сверхъ того онъ взялъ на себя особую миссію—быть горячимъ защитникомъ свѣтскихъ наукъ, въ частности философіи, въ составѣ академическаго курса; тогда было довольно сильное теченіе въ пользу преобразования академій въ специально богословскія заведенія, вродѣ университетскихъ богословскихъ факультетовъ. Наконецъ—Е. И. Ловягинъ, онъ же дѣлопроизводитель комитета, почтенный профессоръ математики, отстаивавшій, хотя и неособенно энергично, существованіе физико-математическихъ наукъ въ академическомъ курсѣ.

¹⁾ Близкое между ними знакомство восходило къ 1862—3 годамъ пребыванія гр. Д. А. Толстого въ Парижъ, гдѣ онъ, еще не будучи Оберъ-Прок. Св. Синода, составлялъ или по крайней мѣрѣ окончательнo редактировалъ свой трудъ—*Le Catholicisme romain en Russie* (1863), пользуясь во многомъ совѣтами прот. I. В. Васильева, о чемъ послѣдній не разъ говорилъ пишущему эти строки, подчасъ жалуясь на забывчивость услугъ, оказанныхъ бывшему другу, а теперь его начальнику. Учебный Комитетъ былъ въ полномъ подчиненіи Оберъ-Прокурору.

Были въ комитетѣ и случайные члены, присутствовавшіе въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ его (1—4): литовскій архіепископъ Макарій (Булгаковъ) и очутившіеся въ это время въ Петроградѣ делегаты (по случаю 50-лѣтняго юбилея Петроградскаго Университета въ февралѣ 1869 г.) академій Московской и Казанской: ректоръ Моск. Акад. прот. А. В. Горскій и проф. Казанской Академіи Н. П. Соколовъ ¹⁾). Архіеп. Макарій былъ горячимъ поборникомъ преобразованія; А. В. Горскій, какъ и естественно было ожидать,—неособенно къ нему расположеннымъ. Кстати, во время своего пребыванія въ Петроградѣ, незабвенный мой бывшій ректоръ, В. А. Горскій, къ великой моей радости, удостоилъ меня своимъ поощреніемъ на моей скромной квартирѣ.

Такъ, трудами упомянутыхъ лицъ и выработанъ былъ Высочайше утвержденный 30 мая 1869 г. уставъ духовныхъ академій,—со всѣми его особенностями.

Одною изъ главныхъ—была спеціализація и раздѣленіе преподаваемыхъ наукъ на три группы или отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое, съ немногими общеобязательными для всѣхъ студентовъ предметами. Общеобязательными были: Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завета (2 каѳ.), основное богословіе, логика, психологія, исторія философіи, метафизика и педагогика. Къ богословскому отдѣленію причислялись: догматическое богословіе, нравственное, сравнительное, патристика, библейская археологія и еврейскій языкъ. Къ церковно-историческому: библейская исторія, общая церковная исторія древняя и новая (2 каѳ.), исторія русской церкви, гражданская исторія древняя

¹⁾ Нафанаилъ Петровичъ Соколовъ, сарат., 12-й маг. моск. акад. XIII к. (1842 г.), 1842—бакк. казан. акад. по философіи, потомъ 1847—экстр., 1850—орд. проф., 1858—проф. церковной исторіи, переведенный на эту кафедру, вопреки его желанію, тогдашнимъ ректоромъ Іоанномъ (Соколовымъ † еп. смоленск.). Отличался чрезвычайно внушительною наружностью (огромнымъ ростомъ), апломбомъ и необыкновенною практичностью, съумѣлъ расположить къ себѣ гр. Д. А. Толстого, предложивъ ему перевести на русскій языкъ его соч. „Le Catholicisme romain en Russie“, чрезъ что много выигралъ, послѣ отставки отъ акад. службы въ 1872 г., былъ причисленъ въ 1875 г., къ Канц. Оберъ-Прокурора и, кажется, состоялъ потомъ сверхштатнымъ членомъ Учебн. Комит. при Св. Синодѣ. О немъ—въ Истор. Каз. Акад. П. Ц. Знаменскаго см. т. 2, стр. 22—26 и 293—294—очень интересныя очерки и характеристики, какъ во всемъ и всегда мастерскіе.

и новая (2 каѳ.), русская гражданская исторія и русскій расколъ. Къ церковно-практическому: пастырское богословіе съ гомилетикою (1 каѳ.), церковное право, церковная археологія, словесность и славянскія нарѣчія. Изъ древнихъ языковъ для каждаго студента былъ обязательнъ только одинъ, изъ новыхъ—тоже.

Слабыя стороны такого учебнаго плана скоро были замѣчены. Это—преобладаніе небогословскихъ наукъ предъ богословскими въ двухъ, по крайней мѣрѣ, отдѣленіяхъ: церковно-историческомъ и церковно-практическомъ¹⁾, недостатокъ полноты богословскаго образованія студентовъ по причинѣ отнесенія къ отдѣленскимъ, специальнымъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предметовъ, каковы въ особенности общая церковная исторія и догматическое богословіе²⁾, наконецъ большая неравномѣрность въ количествѣ предметовъ, подлежащихъ изученію студентами отдѣленій и выслушиваемыхъ еже-недѣльно лекцій³⁾.

Идея спеціализаціи духовно-академическаго образованія носилась, такъ сказать, въ воздухѣ тогдашняго времени и находила почти общее признаніе. Но кому именно принадлежала первая мысль о такомъ учебномъ планѣ, о раздѣленіи всѣхъ наукъ на три группы или отдѣленія, сказать навѣрное трудно. У И. А. Чистовича въ его исторіи (С.-Петербургская дух. Академія за 1858—1888 гг.). Спб. 1889 стр. 113) говорится, что пр. Макарій (Булгаковъ), тогдашній архіеп. литовскій, присутствовавшій въ одномъ изъ засѣданій коми-

¹⁾ Изъ общеобязательныхъ были 5 небогословскихъ предметовъ (при 4 каедряхъ: логика, психологія, исторія философіи, метафизика, педагогика) и только 2 богословскихъ (при 3 каѳ. основн. богословіе, Св. Писаніе Ветх. и Новаго Завѣта). Такимъ образомъ, считая, вмѣстѣ съ этими общеобязательными предметами, отдѣленскіе, получаемъ слѣд. результаты: студенты только одного богословскаго отдѣленія изучали болѣе богословскихъ предметовъ, чѣмъ свѣтскихъ, именно 7 противъ 5 свѣтскихъ, студенты же историческаго и практическаго отдѣленій—7 свѣтскихъ и 6 богословскихъ.

²⁾ Богословское отдѣленіе лишено было церковной исторіи, церковно-историческое—догматическаго богословія, а церк.-практическое—обоихъ предметовъ.

³⁾ Болѣе всего перегружено было, какъ теперь выражаются, церк.-историческое отдѣленіе. Студенты этого отдѣленія слушали преподавателей (какъ различныхъ наукъ, такъ и языковъ) 17, церк.-практическаго—14, богословскаго—13.

тета по преобразованію академій, высказался за такое раздѣленіе, съ усвоеніемъ отдѣленій такихъ именно наименованій. Очень можетъ быть, что ему именно принадлежитъ первая мысль и что его авторитетъ повліялъ на другихъ членовъ. За такое какъ бы факультетское устройство академическихъ курсовъ ухвагались вѣроятно прежде всего свѣтскіе члены комитета, профессора университета и Истор.-Фил. Института (И. Е. Андреевскій и А. Д. Галаховъ); къ нимъ присоединились проф. И. А. Чистовичъ и Н. А. Сергіевскій, можетъ быть и архим. Павелъ (Лебедевъ). Но главную опору оно нашло въ прот. І. Л. Янышевѣ, горячемъ и убѣжденномъ защитникѣ самой строгой спеціализаціи, какъ можно было убѣдиться изъ неоднократныхъ нашихъ съ нимъ бесѣдъ, при чемъ онъ усиленно между прочимъ защищалъ практическое отдѣленіе, ссылаясь на устройство нѣмецкихъ богословскихъ факультетовъ. Прот. І. В. Васильевъ былъ сторонникомъ болѣе умѣренной спеціализаціи; съ нимъ, по всей вѣроятности, сходилса во взглядахъ и прот. М. И. Богословскій.

Послѣ введенія въ дѣйствіе, новый учебный планъ устава 1869 г. принесъ много добрыхъ и цѣнныхъ плодовъ. Студенты стали несравненно серьезнѣе, чѣмъ прежде, относиться къ изученію наукъ, въ особенности отдѣленскихъ. Лично я былъ очень радъ, что мой предметъ былъ спеціальнымъ, отдѣленскимъ. Никогда я не имѣлъ такихъ внимательныхъ и усердныхъ слушателей, какъ въ періодъ времени отъ 1869 до 1884 г. Вообще во всѣхъ классныхъ занятіяхъ прошла какая-то бодрая, живая струя. Тѣмъ досаднѣе была явная крайность въ проведеніи прекраснаго и благодѣтельнаго, въ сущности, принципа спеціализаціи, являлось предчувствіе недолговѣчности новаго устава и сильное опасеніе возврата къ прежнему академическому строю, что потомъ, къ сожалѣнію, и случилось въ 1884 г. Одушевленный такими мыслями и чувствами, я даже рискнулъ въ 1874 г. выступить печатно съ доброжелательною, но откровенною критикою учебнаго плана по уставу 1869 г., съ указаніемъ вышеупомянутыхъ его недостатковъ, съ своимъ проектомъ раздѣленія всѣхъ наукъ академическаго курса на двѣ группы или отдѣленія: богословское и церковно-историческое и съ другою комбинаціею относительно общеобязательныхъ предметовъ. Статьи мои напечатаны въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», А. И. Поповицкаго (1874 г. №№ 45, 46, 47), конечно, безъ подписи

фамиліи автора. Далеко небезопасно было тогда выступать съ подобною, хотя и очень сдержанною критикою, при извѣстномъ деспотическомъ и нетерпѣвшемъ возраженій характерѣ Оберъ-Прокурора, гр. Д. А. Толстого. Дѣло это держалось въ большомъ секретѣ, имя автора было извѣстно только самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ и—никому въ академіи, но былъ одинъ моментъ, угрожавшій нарушеніемъ моего секрета. Вскорѣ послѣ напечатанія упомянутыхъ статей, въ томъ же 1874 г., ревизовалъ нашу академію литовскій архіепископъ Макарій (Булгаковъ). Послѣ ревизіи, въ собраніи всѣхъ наставниковъ академіи, въ квартирѣ ректора, пр. ревизоръ заводитъ между прочимъ рѣчь о новомъ академическомъ уставѣ, при чемъ заявляетъ, что онъ читалъ статьи «Церк. Общ. Вѣстника», находитъ ихъ въ общемъ справедливыми и основательными ¹⁾ и потомъ вдругъ обращается къ тутъ же присутствовавшему, лектору французскаго языка и редактору «Церк. Общ. Вѣстн.». А. И. Поповицкому съ словами: «А. И., кто писалъ эти статьи? Вы сами?» «Да, я самъ», отвѣчалъ А. И., при гробовомъ моемъ молчаніи.

Была еще одна сторона въ учебномъ планѣ устава 1869 г., которая подвергалась жестокой и почти общей критикѣ. Это постановка IV курса. Три первыхъ курса—I, II, III назначены были для чтенія лекцій, IV-й для практическихъ занятій. Оставалось мало времени для чтенія полныхъ курсовъ, оно сокращалось на $\frac{1}{4}$ противъ прежняго (до преобразованія), даже больше, такъ какъ на III курсѣ студенты писали уже кандидатскія сочиненія и естественно были мало расположены къ слушанію лекцій, съ тѣмъ преподавателямъ поневолѣ приходилось считаться и хотя количество лекцій въ этомъ курсѣ не уменьшилось, даже иногда увеличивалось, по росписанію,

¹⁾ Одобреніе статей, далеко не совпадавшихъ съ его предположеніями, высказанными имъ раньше въ засѣданіи комиссіи (см. выше), дѣлаетъ большую честь его безпристрастію и терпимости въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ. Эта, не часто встрѣчающаяся черта крупнаго ученаго, въ особенности ярко, даже поразительно выразилась впоследствии, когда пр. Макарій былъ уже московскимъ митрополитомъ—по поводу изданія труда проф. Е. Е. Голубинскаго (Исторія русской церкви), сильнаго конкурента и даже критика собственнаго труда преосвященнаго по исторіи русской церкви. Митр. Макарій не только разрѣшилъ проф. Е. Е. Голубинскому печатаніе его труда, но даже далъ и матеріальныя на то средства!..

но на самомъ дѣлѣ, въ студенческой практикѣ оно сокращалось... IV-й же курсъ, назначенный для практическихъ занятій и для приготовленія къ магистерскому экзамену, считался мало полезною, чтобы не сказать больше, тратою времени ¹⁾. Недовольство такою постановкою классныхъ занятій было въ нашей академіи, нужно признаться, почти общимъ, защитниковъ—было очень немного. Между ними самымъ горячимъ былъ ректоръ. Пишущій эти строки принадлежалъ также къ этому меньшинству, не раздѣляя мнѣніе большинства—на слѣдующихъ основаніяхъ.

Никогда не считалъ я полноту курсовъ задачей академіи, держась мнѣнія, что для академіи, какъ высшихъ учебныхъ заведеній, должно быть девизомъ *non multa sed multum*, полагая, что то, что является необходимымъ требованіемъ для духовныхъ семинарій, совершенно необязательно, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредно для духовныхъ академій. Осмѣливаюсь такъ думать и теперь. Нападки на IV курсъ также казались мнѣ мало вѣскими и состоятельными. Больше всего нападали на бездѣлье и лѣность студентовъ этого курса, получившихъ уже право на степень кандидата, при переходѣ съ III на IV курсъ, за поданныя курсовыя сочиненія и потому считавшихъ себя вправѣ почивать на лаврахъ. Нельзя отрицать, что такихъ было не мало, но это были худшіе студенты. Такихъ людей, способныхъ пролежать на боку не одинъ, а цѣлыхъ 4 года, всегда было, есть и будетъ извѣстное количество, при всѣхъ уставахъ. Въ данное время ихъ было больше, чѣмъ прежде, но вѣдь и количество всѣхъ студентовъ болѣе, чѣмъ удвоилось, при широко открытыхъ дверяхъ академій. Лучшіе же студенты проводили этотъ годъ съ огромною для себя пользою; ревностно занимались даваемыми имъ работами, главнымъ образомъ по изученію литературы избранныхъ ими для магистерскаго экзамена предметовъ (группы изъ 2—4-хъ), въ частности—наиболѣе выдающихся руководствъ по этимъ наукамъ, кромѣ того работали надъ своими кандидатскими сочиненіями, съ цѣлью превратить ихъ въ магистерскія, чрезъ расширеніе или вообще нѣкоторое измѣненіе, темы, практи-

¹⁾ Можетъ быть, въ нелюбви къ IV к. играла нѣкоторую, конечно, небольшую, роль необычность новаго труда академическихъ преподавателей, принужденныхъ вырабатывать новые методы занятій со студентами. Лишній, да еще очень неопредѣленный трудъ не могъ особенно **правиться**.

ковались въ составленіи и чтеніи пробныхъ лекцій по избраннымъ имъ предметамъ. Эти практическія занятія чередовались съ слушаніемъ нѣкоторыхъ, правда немногихъ, теоретическихъ лекцій, читанныхъ наставниками въ видахъ дополненія или завершения курсовъ I—III. Все это сильно возбуждало энергію студентовъ и располагало ихъ къ научной, серьезной, самостоятельной и вмѣстѣ спокойной работѣ, даже худшихъ заставляло кое-что дѣлать, такъ какъ и они были обязаны давать отчетъ въ своихъ занятіяхъ подлежащимъ наставникамъ и было совѣстно являться предъ ними совѣмъ съ пустыми руками и головою. Въ крайнемъ случаѣ,—беремъ среднихъ студентовъ—IV-й курсъ былъ далеко небезполезенъ хотя бы въ томъ отношеніи, что давалъ возможность осмотрѣться, подвести итоги многолѣтняго (15—16 лѣтъ) ихъ ученія въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи, намѣтить себѣ путь дальнѣйшей жизни и дѣятельности и накопить энергію для будущей преподавательской дѣятельности. И опытъ показалъ и наблюденія подтвердили, что изъ питомцевъ академій періода 1869—1884 г. выходили наиболѣе энергичные семинарскіе преподаватели; такими оказывались нерѣдко даже лица, неособенно усердо и успѣшно проходившія академическій курсъ.

За исключеніемъ указанныхъ выше особенностей устава 1869 г., другія—не только не встрѣчали себѣ возраженій въ академической средѣ, но находили напротивъ полное сочувствіе. Таковы: постановка академическаго совѣта, отдѣленій и пр., вообще все административное устройство и направленіе разносторонней ученой и учебной академической жизни. И жизнь родной академіи потекла усиленнымъ темпомъ, весьма стройно, подъ управленіемъ такого идеальнаго, въ особенности для того времени, ректора, каковъ былъ прот. І. Л. Янышевъ и подъ попечительствомъ ближайшаго ея начальника, весьма благожелательнаго къ академіи, мудраго митрополита Исидора.

Митр. Исидоръ (Никольскій) былъ замѣчательнѣйшій святитель. Воспитанникъ Петроградской Академіи того періода (1821—1825 гг.), когда въ ней еще живъ былъ духъ Филарета (Дроздова), знаменитаго ея ректора (хотя тогда уже наступилъ періодъ реакціи—годы 1824 и слѣд.), еще болѣе сблизившійся съ московскимъ святителемъ въ теченіе своей семилѣтней службы въ Москвѣ, какъ ректоръ московской семинаріи (1833 г.) и викарій московскій, еп. дмитровскій

(1834—1840 г.), митр. Исидоръ былъ близокъ по своимъ идеаламъ и по своимъ просвѣтительнымъ стремленіямъ (переводъ Библии на русскій языкъ) къ знаменитому московскому святителю, но онъ рѣзко и во многихъ отношеніяхъ выгодно отличался отъ митр. Филарета чертами личнаго характера. Крайне сдержанный, въ высшей степени спокойный до поразительной невозмутимости, ровный, вѣжливый въ обращеніи, склонный къ юмору, чуждый порывовъ къ произволу и часто встрѣчающемуся архіерейскому деспотизму, глубоко проникнутый чувствомъ законности, въ высшей степени дальновидный, наконецъ искренно сочувствовавшій успѣхамъ духовной науки—таковъ былъ митр. Исидоръ. Подъ его начальствомъ, какъ за надежную стѣною, спокойно могла жить родная Академія и развиваться въ новомъ направленіи. Нѣтъ никакого (для меня по крайней мѣрѣ) сомнѣнія, что митр. Исидоръ во глубинѣ души сочувствовалъ уставу 1869 г., конечно въ общемъ, а не во всѣхъ его частностяхъ. Обладая далеко недюжиннымъ умомъ, онъ былъ вообще болѣе широкаго кругозора, чѣмъ многіе его собратія въ высшей церковной іерархіи. Припоминается разговоръ съ однимъ лицомъ, близкимъ къ высшимъ духовнымъ сферамъ, именно съ проф. И. А. Чистовичемъ (зять протопр. В. Б. Бажанова). Сравнивая митр. Исидора съ тогдашнимъ митр. кievскимъ Арсеніемъ (Москвинымъ) ¹⁾, проф. Чистовичъ выразился такъ: «нашъ владыка куда выше кievскаго по уму, по свѣтлому и широкому кругозору». Сочувствіе митр. Исидора новому академическому строю, по свойству крайне сдержаннаго его характера, не выражалось ярко, но оно чувствовалось. Замѣчательно, какъ онъ благожелательно относился къ академическимъ диссертациямъ на ученые степени, снисходительно къ нѣкоторымъ слабымъ ихъ сторонамъ. Мы были свидѣтелями, какъ онъ ласково относился къ труженникамъ науки, присутствуя на диспутахъ, академическихъ актахъ, или принимая подносимые ему труды. Мы сами лично испытали это, напр. по случаю появленія моихъ трудовъ по литургикѣ («Очеркъ исторіи ли-

¹⁾ Арсеній Москвинъ (въ мiрѣ Ѳеодоръ Павловичъ Москвинъ) костром. 8-й магистръ V к. (1832 г.) спб. акад., 1823—бакк. спб. акад. по Св. Писанію и библіотекаръ, 1826—ректоръ могил. сем., 1829—рязан. сем., 1831—тверск. сем., 1832—еписк. тамбовскій, 1841—архіеп. подольскій, 1848—варшавскій, 1860—митр. кievскій, † 1876.

тургии нашей православной церкви» и «Очеркъ исторіи древнихъ національныхъ литургій Запада»¹⁾, или по поводу представленія ему мною лично экземпляра моей докторской диссертациі. Въ особенности горячо онъ сочувствовалъ трудамъ по Св. Писанію²⁾. Помнится, онъ даже самъ держалъ корректуры по толкованію книгъ Св. Писанія, въ печатавшихся въ «Христ. Чтен.» статьяхъ доц. И. С. Якимова и др. А вынесенное имъ на своихъ плечахъ изданіе полнаго русскаго перевода Библии? Одно это слишкомъ громко говорить объ извѣстномъ его настроеніи и направленіи. Вообще чувствовалось, что у него есть ученая жилка, что онъ далеко не безразлично относится къ сильному научному движенію, порожденному уставомъ 1869 г. Правда, нѣчто въ этомъ случаѣ (и можетъ быть немалое) можетъ быть отнесено на счетъ его склонности идти по господствующему теченію, къ той замѣчательной его способности мириться съ Толстовскими реформами, въ силу которой онъ потомъ помирился и съ Побѣдоносцевскимъ направленіемъ, хотя какъ увидимъ далѣе, онъ иногда давалъ пассивный отпоръ послѣднему. Нельзя отрицать и того, что у него во многихъ случаяхъ не доставало стойкости въ отстаиваніи своихъ правъ и въ защитѣ академіи,—отъ нападковъ со стороны характернаго Оберъ-Прокурора, гр. Д. А. Толстого (напр. въ дѣлѣ проф. Н. И. Глоріантова и В. И. Модестова), или отъ попытокъ Дух. Учебн. Комитета подчинить академіи комитету въ нѣкоторыхъ сторонахъ административной и даже ученой дѣятельности. Мы всѣ очень удивлялись, что онъ, первенствующій Членъ Св. Синода и въ сущности его предсѣдатель, способенъ былъ нерѣдко подписывать указы Св. Синода, осуждающіе состоявшіяся и имъ самимъ утвержденныя опредѣленія академическаго со-

¹⁾ Онъ призвалъ меня къ себѣ, весьма милостиво со мною бесѣдовалъ и посовѣтовалъ мнѣ явиться къ какому-то провинціальному присутствовавшему въ Св. Синодѣ, епископу (имя его забылъ), назначенному въ комиссію по разсмотрѣнію западныхъ литургій,—въ виду бродившей тогда мысли (въ связи съ старокатолическимъ движеніемъ), нельзя ли устроить на Западѣ церковную общину, православную по вѣроисповѣданію, но съ западнымъ обрядомъ. Этотъ преосвященный, говорилъ митрополитъ, „пріѣхалъ безъ книжекъ, такъ вы къ нему сходите и ему помогите“.

²⁾ Недаромъ онъ началъ службу бакалавромъ спб. акад. по Св. Писанію и бібліотекаремъ (1825—1829). Онъ былъ преемникомъ Арсенія Москвина по тѣмъ же должностямъ.

вѣта. Мы волновались и недоумѣвали, а онъ оставался совершенно спокойнымъ, какъ будто это совѣтъ его не касалось. «Удивительный человекъ», — выразился разъ по этому поводу І. Л. Янышевъ въ конфиденціальной бесѣдѣ, — вѣроятно, у митрополита есть какое-нибудь особое міровоззрѣніе». Активное выступленіе противъ ненравящихся ему рѣшеній было совѣтъ не въ духѣ митр. Исидора. Онъ способенъ былъ только на пассивную оппозицію и въ этомъ отношеніи былъ неподражаемъ. Какъ на самый характерный фактъ такой оппозиціи можно указать на защиту меня, какъ редактора «Церк. Вѣстника» отъ К. П. Побѣдоносцева, отъ нападокъ этого Оберъ-Прокура на данное мною направленіе академическому органу, бывшему въ то же время (до 1888 г.), въ официальной части, органомъ Св. Синода; объ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ инцидентѣ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, — еще одна черта характера митр. Исидора. Онъ былъ строгій исполнитель закона, у него сильно было развито чувство законности. Вотъ напр. былъ какой случай. Приходить къ нему и обр. ректора проф. Е. И. Ловягинъ съ докладомъ и вдругъ среди докладываемыхъ дѣлъ попадаетъ одинъ журналъ съ такимъ совѣтскимъ опредѣленіемъ, которое возбуждаетъ недоумѣніе митрополита. Докладчикъ въ защиту совѣтскаго рѣшенія ссылается на какой-то параграфъ устава. Митрополитъ говоритъ: «посмотримъ», достаетъ съ полочки за своею спиною (докладъ былъ въ кабинетѣ) академическій уставъ и удивленный прочитаннымъ параграфомъ, съ словами: «странный параграфъ», подписываетъ журналъ. Вообще, хотя подчасъ мы критиковали нашего мудраго старца начальника, но глубоко его почитали и искренно любили, какъ своего попечителя, который давалъ намъ жить и трудиться съ легкимъ сердцемъ и съ спокойною душою. Послѣ его кончины мы оцѣнили его еще болѣе. Да будетъ благословенна память этого замѣчательнаго святителя, 32 года стоявшаго во главѣ Св. Синода (1860—1892 г.), 57 лѣтъ епископствовавшаго (1834—1892) и скончавшагося почти 93-лѣтнимъ старцемъ (безъ 24-хъ дней, род. 1 окт. 1799 г., сконч. 7 сент. 1892 г.).

Ректоромъ почти во все время дѣйствія устава 1869 г. былъ прот. І. Л. Янышевъ. Онъ оставилъ службу при академіи за полгода до введенія устава 1884 г. (19 окт. 1883 г.) *).

А. Катанскій.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Императоръ Константинъ Великій и миланскій эдиктъ 313 года *).

ДЛЯ Африки Константинъ издалъ постановленіе о возвращеніи церквамъ имуществъ на имя проконсула Анулина ¹⁾ вѣроятно еще нѣсколько раньше, до совѣщанія въ Миланѣ съ Ликиніемъ, повелѣвъ то, что принадлежало прежде «каеволической церкви христіанъ во всѣхъ городахъ, также и въ иныхъ мѣстахъ», и что оказалось послѣ гоненія во владѣніи «или гражданъ или кого-либо иного», немедленно отдать церквамъ, возстановивъ церкви въ ихъ правѣ на эти имущества, будутъ ли это сады, зданія, или что другое, относившееся къ ихъ «праву». Здѣсь уже, такимъ образомъ, Константинъ говоритъ о «правѣ» церковей и ставитъ вопросъ о церковномъ имуществѣ на юридическую почву ²⁾.

*) Продолженіе. См. декабрь 1915 г.

¹⁾ Eus. h. e. X, 5, *Schwartz* 887: [15] Κατρε 'Ανολίνε, τιμιώτατε ἡμῖν. ἔστιν ὁ τρόπος οὗτος τῆς φιλαγαθίας τῆς ἡμετέρας, ὥστε ἐκεῖνα, ἅπερ δικαίῳ ἄλλοτριῷ προσήκει, μὴ μόνον μὴ ἐνοχλειῖσθαι. ἀλλὰ καὶ ἀποκαθιστᾶν βούλεσθαι ἡμᾶς, 'Ανολίνε τιμιώτατε. [16] ὅθεν βουλόμεθα ἵν', ὁπόταν ταῦτα τὰ γρίμματα κομισῆ, εἴ τινα ἐκ τούτων τῶν τῆ ἐκκλησίᾳ τῆ καθολικῆ τῶν Χριστιανῶν ἐν ἐκάσταις πόλεσιν ἢ καὶ ἄλλοις τόποις διέφερον [καὶ] κατέχοιντο νῦν ἢ ὑπὸ πολιτῶν ἢ ὑπὸ τινῶν ἄλλων, ταῦτα ἀποκατασταθῆναι παραχρῆμα ταῖς αὐταῖς ἐκκλησίαις ποιήσης, ἐπειδὴ περ προηγήμεθα ταῦτα ἅπερ αἱ αὐταὶ ἐκκλησίαι πρότερον ἐσχήκεσαν, τῷ δικαίῳ αὐτῶν ἀποκατασταθῆναι. [17] ὁπότε τοίνυν συνορᾶ ἡ καθοσίωσις ἢ σὴ ταύτης ἡμῶν τῆς κλεούσεως σαφέστατον εἶναι τὸ πρόσταγμα, σπούδασον, εἴτε κῆποι εἴτε οἰκίαι εἴθ' ὅτι οὐδὲποτε τῷ δικαίῳ τῶν αὐτῶν ἐκκλησιῶν διέφερον, σύμπαντα αὐταῖς ἀποκατασταθῆναι ὡς τάχιστα, ὅπως τούτῳ ἡμῶν τῷ προστάγματι ἐπιμελεστάτην σε πεπθάρχησιν παρεσχῆκεναι κατεμάθομεν. ἔρρωσο, 'Ανολίνε, τιμιώτατε καὶ ποθεινότατε ἡμῖν.

²⁾ Этотъ документъ, очевидно, по своему содержанію соотвѣтствуетъ второй половинѣ миланской конституціи, и поэтому заслуживаетъ въ

Съ еще большею опредѣленностью высказывается объ этомъ миланскій законъ. Употребляемые въ немъ термины

данномъ случаѣ особаго вниманія. Прямыхъ данныхъ для опредѣленія времени, когда онъ былъ изданъ, нѣтъ. Помѣщеніе его Евсевіемъ вслѣдъ за миланскимъ узаконеніемъ, съ заглавіемъ: Ἀντίγραφον ἐτέρας βασιλικῆς διατάξεως, ἣν αὐθις πεποιήται [πεποιήται R], не свидѣтельствуетъ еще о хронологическомъ порядкѣ обоихъ документовъ. Весьма вѣроятно, что Константинъ не замедлилъ написать это письмо еще изъ Рима въ концѣ 312 г., вскорѣ же послѣ побѣды надъ Максентіемъ. Если уже Максентій возвратилъ ранѣе въ Римѣ церкви ея владѣнія, тѣмъ болѣе долженъ былъ послѣпить сдѣлать теперь то же для Африки Константинъ. Издать распоряженіе для своей области онъ могъ, конечно, не входя въ какія-либо разсужденія съ Ликиніемъ, хотя имя послѣдняго и могло быть поставлено въ *inscriptio* письма Анулину (если принять чтеніе πεποιήται R и ὑποσημειώμενο: ΑΤΕΡ, то нужно думать, что самъ Евсевій видѣлъ это имя въ неприведенномъ у него *inscriptio*). Африка и Италія принадлежали ранѣе Максентію, поэтому эдиктъ Галерія 311 г. и разъясненія къ нему Ликинія здѣсь не имѣли силы. Отсюда и миланскій законъ, отмѣнявшій сопровождавшія этотъ эдиктъ оградиченія, въ этихъ бывшихъ областяхъ Максентія не соотвѣтствовалъ бы съ этой стороны мѣстнымъ обстоятельствамъ.—Особенности того и другого документа, очевидно, должны быть объясняемы различіемъ ихъ назначенія и условій ихъ изданія, хотя не все здѣсь является вполне яснымъ. Такъ, 1) въ письмѣ Анулину мѣста богослужебныхъ собраній и прочее имущество не различаются особо, какъ два вида церковной собственности, какъ это дѣлается въ миланскомъ законѣ, но говорится вообще о садахъ, зданіяхъ и о всемъ прочемъ, что принадлежало церквамъ. Но подъ κήποι: (=horti, служившіе кимитиріями) и οἰκία: здѣсь могутъ разумѣться и богослужебныя мѣста, и употребляемый Константиномъ способъ выраженія (съ прибавкою: εἴθ' ὀπίσθενδῆποτε τῶ δικαίῳ τῶν ἁγίων ἐκκλησιῶν διέφερον) долженъ такъ или иначе включать и эти мѣста. Въ миланскомъ законѣ указанное разграниченіе вызывалось, повидимому, именно тѣмъ, что о мѣстахъ богослужебныхъ собраній въ дополненіи къ эдикту Галерія сдѣлано было какое-то постановленіе (§ 7: certa forma), почему о нихъ оказывалось необходимымъ сказать особо, не оставляя безъ вниманія и прочее церковное имущество. Между прочимъ, въ позднѣйшемъ эдиктѣ Максимиана (Eus. h. e. IX, 10, 11) въ качествѣ церковнаго имущества также упоминаются вообще οἰκία: καὶ χωρία, и не выделяются особо богослужебныя мѣста; но тамъ дѣлается особое замѣчаніе о разрѣшеніи строить церкви. 2) Въ письмѣ говорится о церковномъ имуществѣ, оказавшемся во владѣніи или гражданъ или кого-либо иного (X, 5, 16: εἰ — κατέχοιντο ὑῶν ἢ ἀπὸ πολιτῶν ἢ ἀπὸ τινῶν ἄλλων); въ миланскомъ законѣ—о богослужебныхъ мѣстахъ (и другомъ имуществѣ), купленныхъ кѣмъ-либо у казны или у кого другого (§ 7: si — aliquid uel a fisco nostro uel ab alio quocumque uidentur esse mercati), или полученныхъ въ даръ (qui etiam dono fuerunt consecuti). Какъ параллель, можно указать упомя-

обнаруживаютъ явное намѣреніе законодателей отгнать съ особою силою юридическую правоспособность христіанъ, какъ

нѣкое мѣсто изъ эдикта Максимиана, гдѣ съ особою раздѣльностью различаются зданія и участки земли а) перешедшіе въ казну, или б) взятые городами, и затѣмъ—или α) проданные, или β) подаренные кому-либо (IX, 10, 11, 844: εἴ τινες οἰκίαι καὶ χωρία <α> τοῦ δικαίου τοῦ τῶν Χριστιανῶν πρὸ τούτου ἐτύχσανον ὄντα, ἐκ τῆς κελεύσεως τῶν γονέων τῶν ἡμετέρων εἰς τὸ δίκαιον μετέπεσαν τοῦ φίσκου ἢ ὑπὸ τινος κατελήφθη πόλεως, εἴτε διὰ πρᾶσις τούτων γεγένηται εἴτε εἰς χάρισμα δέδοται τι). Если видѣть для ὑπὸ πολιτῶν у Константина аналогію въ ὑπὸ тινος πόλεως эдикта Максимиана, то это выраженіе должно указывать на захватъ церковныхъ имуществъ муниципіями, разумѣется, съ разрѣшенія или по приказу правительства, или на полученіе ихъ муниципіями отъ казны. Между прочимъ, Валуа вмѣсто πολιτῶν предлагаетъ читать πολιτευτῶν = decurionum; но едва ли есть особая необходимость въ этой замѣнѣ. Въ письмѣ говорится, такимъ образомъ, лишь о фактѣ нахождения христіанской собственности въ чужихъ рукахъ. Въ миланскомъ законѣ указываются извѣстные способы перехода этой собственности въ руки язычниковъ. Дѣлается это, вѣроятно, въ виду выдвинутаго въ послѣднемъ вопроса о вознагражденіи тѣхъ владѣльцевъ христіанскихъ имуществъ, которые купили ихъ или получили въ даръ отъ казны, и теперь должны были лишиться ихъ. 3) Особенное вниманіе и обращаетъ на себя то обстоятельство, что въ письмѣ Анулину ничего не говорится о вознагражденіи и языческихъ владѣльцевъ за возвращаемыя ими церковныя имущества, между тѣмъ въ миланскомъ законѣ дѣлается особая оговорка объ этомъ. Въ объясненіе этого можно указать на то негодованіе, съ какимъ Константинъ впоследствии (въ 324/5 г.) отзывался о тѣхъ, которые воспользовались бѣдственнымъ положеніемъ христіанъ для своего обогащенія (V. С. II, 37—38, 41). Самъ онъ, повидимому, вообще не считалъ подобныхъ лицъ заслуживающими вознагражденія. Еще Мелитонъ, обращаясь къ Марку Аврелію, жаловался, что „безстыдные клеветники и любители чужой собственности (τῶν ἀλλοτρίων ἐρασταί), пользуясь узаконеніями [изданными императоромъ и примѣняемыми къ христіанамъ], занимаются явнымъ грабежомъ, расхищая и днемъ и ночью имущество ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ“ (Eus. h. e. IV, 26, 5). Несомнѣнно, и въ послѣднее поднятое при Діоклетіанѣ гоненіе немало нашлось такихъ любителей чужой собственности, покулавшихъ за безцѣнокъ конфискуемыя у христіанъ имущества, или получавшихъ ихъ и даромъ, вѣроятно, иногда и за услуги правительству въ преслѣдованіи христіанъ. Эту сторону дѣла Константинъ и могъ имѣть въ виду, оставляя въ указѣ Анулину язычниковъ безъ вознагражденія за отбираемыя у нихъ принадлежавшія церкви имѣнія. При изданіи же въ Миланѣ закона, который долженъ былъ дѣйствовать въ области Ликиніи и который предполагалось послать даже и Максимиану, на имущественные интересы язычниковъ приходилось обращать уже гораздо болѣе вниманія. Вообще въ письмѣ Анулину отмѣчается лишь несправедливость захвата чужого имущества (X, 5, 15: ἀπερ δίκαιφ ἀλλοτρίφ προσήκει — — ἀποκαθιστᾶν ζῶδασθαι ἡμᾶς. 16: προηγήμεθα — — τῶ δικαίφ αὐτῶν ἀποκαταστα-

общества. Уже въ самомъ началѣ отдѣла объ этомъ предметѣ употребляется о христіанахъ терминъ «persona», и далѣе 4

θ ῆ ναι. 17: σποῦδαςον εἴτε κῆποι εἴτε οἰκίαι εἰθ' ὀσιουμένητε τῷ δικαίῳ τῶν αὐτῶν ἐκκλησιῶν διέφερον, σύμπαντα αὐταῖς ἀποκατασταθήναι), въ миланскомъ актѣ законодатели хотятъ быть милостивыми и къ язычникамъ, насколько это возможно безъ ущерба для христіанъ (§ 8: quo et ipsis per nostram clementiam consulatur; § 9: ut — indemnitate de nostra benevolentia sperent), что вполне согласно съ указаннымъ назначеніемъ этого акта и участіемъ въ немъ Ликинія. Максимианъ въ своемъ эдиктѣ указываетъ способы перехода къ язычникамъ христіанскаго имущества, можетъ быть, въ подражаніе миланскому закону, но не говоритъ о вознагражденіи. Относительно этого ср. выше, Хр. Чт. 1914, 1551. 4) Въ письмѣ говорится объ имуществѣ, принадлежащемъ „каеолической церкви (τῇ ἐκκλησίᾳ τῇ καθολικῇ) христіанъ во всѣхъ городахъ, также и въ иныхъ мѣстахъ“, т. е. отдѣльными каеолическимъ общинамъ, какъ это видно изъ повторяемаго далѣе трижды во множественномъ числѣ ἐκκλησίαι; въ миланскомъ актѣ нѣтъ упоминанія о „каеолической“ церкви, но тамъ къ христіанамъ неоднократно примѣняется выраженіе *coetus* (одинъ разъ въ комбинаціи: *coetoris eorum, id est ecclesiarum*). Упоминаніе о „каеолической“ церкви въ письмѣ въ Африку (судя, между прочимъ, по другому письму къ Авгулину, X, 7, 2) дѣлается въ виду раскольниковъ-донатистовъ. Въ миланскомъ законѣ, назначавшемся прямо для области Ликинія и затѣмъ Максимиана, а не самого Константина, едва ли было бы вообще умѣстно противопоставлять каеолическую церковь какимъ бы то ни было отдѣлившимся отъ нея сектамъ. Но за то этотъ законъ, соотвѣтственно его назначенію, хочетъ съ особою юридическою точностію, примѣнительно къ существовавшимъ тогда юридическимъ понятіямъ и терминамъ („*coetus*“), опредѣлить вообще права христіанъ. Въ эдиктѣ Максимиана нѣтъ такой же опредѣленности въ установленіи субъекта имущественныхъ правъ при возвращеніи христіанамъ ихъ собственности. Говорится вообще о „христіанахъ“, безъ точнаго указанія, имѣются ли въ виду христіане, какъ корпорація, или какъ частныя лица. Eus. h. e. IX, 10, 11: <ᾗ> τοῦ δικαίου τῶν Χριστιανῶν πρὸ τοῦτου ἐτύχτηον ὄντα, — ταῦτα πάντα εἰς τὸ ἀρχαῖον δίκαιον τῶν Χριστιανῶν ἀνακληθῆναι ἐκελεύσασκεν. Уже вслѣдствіе этой неопредѣленности и употребленное здѣсь выраженіе τὸ ἀρχαῖον δίκαιον не можетъ служить основаніемъ для вывода о юридически признанномъ будто бы когда-то ранѣе и утвержденномъ законодательнымъ путемъ правѣ христіанскихъ церквей на владѣніе имуществами. Незавѣстно, между прочимъ, какія выраженія употреблены были буквально въ подобномъ случаѣ въ болѣе раннемъ распоряженіи Максентія, такъ какъ о немъ сохранилось лишь краткое сообщеніе у бл. Августина, въ *Breviculus collationis cum Donatistis*, III, 34, (Migne, s. l. 43, c. 645): [Донатисты] *gesta alia recitarunt, in quibus legebatur Melchiodes misisse diaconos cum litteris Maxentii imperatoris et litteris praefecti praetorio ad praefectum urbis, ut ea reciperent quae tempore persecutionis ablata memoratus imperator christianis iusserat reddi*. Ср. *Batiffol, La paix Constantinienne, 177.*

раза повторяется выраженіе «*corpus*», одинъ разъ, при этомъ, съ упоминаніемъ о «*jus corporis eorum*». Это *jus corporis*, право христіанъ, какъ корпораціи, на владѣніе имуществомъ, теперь прямо утверждается въ законодательномъ порядкѣ. Если ихъ общины и прежде владѣли имуществомъ, то это было только терпимымъ фактомъ; теперь этотъ фактъ признается имѣющимъ общее легальное основаніе, утверждающимся на правѣ, свойственномъ всѣмъ корпораціямъ или «дозволеннымъ» коллегіямъ, къ которымъ приравняются христіанскія общины¹⁾.

Съ совершенною ясностію, такимъ образомъ, впервые признается, вмѣстѣ съ полною свободою для христіанъ, юридическое бытіе въ имперіи церкви, именно—въ лицѣ составляющихъ ее отдѣльныхъ общинъ или церквей. Что сами законодатели, когда говорятъ о *corpus christianorum*, имѣютъ въ виду церковь въ цѣломъ, какъ единый организмъ, какъ пола-

¹⁾ § 7: *Atque hoc insuper in persona Christianorum statuendum esse censuimus.* Мѣста съ словомъ *corpus* были приведены выше, (1188). Сами по себѣ выраженія „*persona*“ и „*corpus*“ могутъ, конечно, и не заключать особаго юридическаго смысла. Въ частности, „*corpus*“ можетъ имѣть весьма широкое значеніе и не означаетъ непременно общество, какъ юридическую личность, а сопоставляется иногда съ *collegium*, *societas*, какъ ихъ синонимъ, или какъ болѣе общее, включающее ихъ, понятіе. Встрѣчаются у юристовъ выраженія *collegium vel corpus*. Можетъ быть, по словамъ, напр., юриста Павла, и *corpus cui populus licet coire* (ср. *Ельашевичъ*, 360). Общепринятое со времени Савиньи пониманіе выраженія *corpus habere* (у Гая) въ томъ смыслѣ, что именно слово *corpus* и является здѣсь какъ бы синонимомъ юридической личности, подвергается критикѣ въ книгѣ *Ельашевича* (360—361) въ томъ отношеніи, что центръ тяжести въ фразѣ Гая: *quibus permissum est corpus habere collegii*, лежитъ не въ „*corpus*“, а въ „*permissum*“, „*corpus*“ не имѣетъ тутъ какого-либо особаго значенія, и *corpus habere* есть то же, что, напр., *coire convenire collegiumque habere*, въ одномъ сенатус-консултѣ начала II в. Но если даже согласиться съ этими замѣчаніями безъ всякихъ ограниченій, по отношенію къ миланскому закону остается несомнѣннымъ намѣреніе законодателей утвердить за христіанами, какъ обществомъ, значеніе юридической личности, и оно выражается съ ясностію именно чрезъ частое повтореніе слова *corpus*. Ср. о смыслѣ эдикта въ данномъ случаѣ *E. Löning, Geschichte des deutschen Kirchenrechts. I. Strassburg 1878, 196.* Въ юридическомъ языкѣ во всякомъ случаѣ это выраженіе было весьма обычнымъ, и нѣтъ необходимости, какъ уже было замѣчено, предполагать, что Констанціи былъ обязанъ имъ Осію кордубскому. Употребляетъ, между прочимъ, это выраженіе о христіанахъ Тертуліанъ, отмѣчая исключительно религіозный характеръ ихъ „корпораціи“. *Apolog. 39, 1: corpus sumus de conscientia religionis et disciplinae unitate et spei foedere.*

гаеть Сантуччи, это едва ли можно утверждать на основаніи текста миланскаго закона (хотя вообще идея церкви, какъ единаго религіознаго общества, не была тогда чужда Константину, и въ письмѣ къ Анулину онъ говоритъ о имуществѣ, принадлежавшемъ «каеолической церкви христіанъ во всѣхъ городахъ, также и иныхъ мѣстахъ»). «Корпоративность» христіанъ, ихъ религіозно-общественная жизнь, выражалась ближайшимъ образомъ въ образованіи мѣстныхъ общинъ или церквей (*paroeciae* съ епископами во главѣ) и съ этой именно первой инстанціей церковнаго союза приходилось имѣть дѣло правительству при опредѣленіи имущественныхъ правъ церкви. Поэтому, очевидно, единственное число «*corpus*» въ миланскомъ законѣ является какъ бы синонимомъ выраженій, поставленныхъ во множественномъ числѣ — «*ecclesiae*» или «*conventicula*»¹⁾. Въ этомъ случаѣ правъ Перуджи. Но это нисколько

¹⁾ § 9: *ad ius corporis eorum, id est ecclesiarum, non hominum singulorum.* § 9: *Christianis, id est corpori et conventiculis eorum.* И въ послѣднемъ случаѣ, имѣя въ виду первое мѣсто (*corpus* = *ecclesiae*), *corpus* и *conventicula* нужно, повидимому, понимать какъ два синонимичныя выраженія (*et* = *id est*). Между прочимъ, въ первомъ мѣстѣ, когда *corpus* = *ecclesiae* противопоставляются *homines singuli*, эти *homines singuli*, какъ замѣчаетъ *Waltzing*, l. c. 2140, понимаются не въ смыслѣ отдѣльныхъ членовъ этого *corpus*, принимающихъ такъ или иначе, но только помимо правительственной санкціи, участіе въ общемъ или коллективномъ владѣніи, а просто въ смыслѣ частныхъ лицъ, имѣющихъ свое особое имущество. Обращаетъ на себя вниманіе, во всякомъ случаѣ, это явно подчеркиваемое въ законѣ противопоставленіе *corpus* и *homines singuli*. Значеніе его, съ отрицательной, такъ сказать, стороны, то, что законъ здѣсь, выраженіемъ „*non hominum singulorum*“, какъ бы отказывается отъ возстановленія имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ изъ христіанъ, пострадавшихъ во время гоненія, и хочетъ имѣть въ виду только интересы церкви, какъ общества. Это могло быть уступкою со стороны Константина Ликинїю и въ особенности должно было облегчать принятіе закона и Максиміаномъ. Но Константинъ и вообще могъ находить въ данный моментъ болѣе благоразумнымъ не затрогивать слишкомъ широко матеріальные интересы язычниковъ, хотя бы права отдѣльныхъ лицъ въ христіанствѣ продолжали оставаться нарушенными. Впослѣдствїи, уже послѣ пораженія Ликинїя, онъ въ полной мѣрѣ возстановилъ и эти права частныхъ лицъ. Но эта вынужденная обстоятельствами времени уступка могла за то, съ другой стороны, служить поводомъ и удобнымъ предлогомъ установить уже въ 313 г. съ особою силою и выразительностью права церкви, какъ общества, что въ принципиальномъ отношеніи было несравненно важнѣе, нежели вопросъ о правахъ частныхъ лицъ. Если законъ пока оставляетъ безъ вниманія нарушенныя права частныхъ

не измѣняетъ существа дѣла. Юридическое бытіе церкви во всякомъ случаѣ получило санкцію въ формѣ признанія юридическими лицами всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ слагалась находившаяся въ имперіи церковь. Въ римскомъ правѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не получила развитія и теорія о государствѣ, какъ юридическомъ лицѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, римско-византійское право и въ позднѣйшее время «не знаетъ гражданскихъ правъ церкви во всей ея совокупности», и именно—въ отношеніи къ имущественной ея правоспособности. И Константинъ понималъ церковь въ смыслѣ отдѣльныхъ мѣстныхъ церквей ¹⁾).

Вполнѣ естественнымъ нужно признать то, что при опредѣленіи юридической правоспособности церкви законодатели устанавливають ее въ той юридической формѣ, какую они могли найти въ то время въ римскомъ правѣ. Последнее знало юридическія лица именно лишь корпоративнаго характера. Сама церковь, однако, была въ дѣйствительности и всегда сознавала себя не только обществомъ или корпораціей, аналогичной другимъ корпораціямъ, но и учрежденіемъ, имѣющимъ въ своей основѣ и выполняющимъ своей дѣятельностью волю своего божественнаго Основателя и Главы. Эта сторона ея природы необходимо должна была выступить и въ ея правовыхъ отношеніяхъ, и отсюда, уже на христіанской почвѣ, въ самой церкви, развивается новое, чуждое доселѣ римскому праву понятіе о юридическомъ лицѣ въ смыслѣ института или учрежденія. Въ церковно-имущественномъ правѣ и находятъ потомъ широкое примѣненіе это понятіе, и имъ пользуется въ своемъ законодательствѣ государство, хотя надле-

лицъ въ христіанствѣ, то съ тѣмъ большею категоричностью онъ требуетъ отъ язычниковъ возвращенія самой церкви того, что должно ей принадлежать по праву. Въ связи съ этимъ и можетъ стоять частое повтореніе въ законѣ выраженія *corpus christianorum* и противопоставленіе ему въ § 9 *homines singuli*, и та рѣшительность, съ какою заявляется о немедленномъ, безъ всякаго колебанія и прекословія, возвращеніи церковныхъ имуществъ (§ 7: *postposita omni frustratione atque ambiguitate, quantocius*; 8: *protinus sine mora*; 9: *citra ullam prorsus ambiguitatem uel controuersiam*; 10: *quantocius*), хотя и съ обѣщаніемъ владѣльцамъ-язычникамъ вознагражденія, если они пожелаютъ.

¹⁾ П. Соколовъ, Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи. Новгородъ 1896, 85, 94. Наименованіемъ церкви въ законахъ „каволическою“ всегда имѣется въ виду собственно лишь отличить ее отъ сектантскихъ общинъ.

жащей юридической разработки оно у позднѣйшихъ римскихъ юристовъ не получаетъ, и дѣло ограничивается только механическимъ включеніемъ новыхъ правообразованій въ старую систему. Въ данный моментъ, въ самомъ началѣ новыхъ отношеній государства къ христіанской церкви, законодательная власть примѣняетъ и къ церкви единственно извѣстное тогда римскому праву понятіе. Но намѣренія ея вполнѣ ясны и направляются къ тому, чтобы, пользуясь выработанною къ тому времени юридическою формою, обезпечить для церкви въ законодательномъ порядкѣ съ возможною точностію ея правоспособность. Для этого момента, для ближайшихъ практическихъ цѣлей, могла быть достаточною и имѣвшаяся форма. Новыя же формы могли опредѣлиться уже въ дальнѣйшее время. по указанію самой церкви ¹⁾).

¹⁾ Вопросъ о происхожденіи и значеніи понятія юридического лица въ римскомъ правѣ подвергается обстоятельному изслѣдованію на основѣ историческихъ данныхъ въ упомянутомъ уже сочиненіи *В. Б. Ельшиевича*, Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ Спб. 1910. Краткое изложеніе у *Г. А. Покровскаго*, Исторія римскаго права. Петроградъ 1915², 317—326. Впервые это понятіе выступило въ приложеніи къ городскимъ общинамъ или муниципіямъ въ послѣднее столѣтіе республики. Въ началѣ временъ принципата идея юридического лица переносится и на разныя частныя коллегіи, хотя объемъ правъ былъ здѣсь всегда меньше въ сравненіи съ правами муниципій. Что касается государства, то появленію теоріи о немъ, какъ юридическомъ лицѣ, препятствовало усиленіе монархической власти принца, такъ что казна—*fiscus*—мыслится въ теоріи, какъ собственность императора. „Практически государство-казна живетъ, какъ юридическое лицо, но въ теоріи его особность исчезаетъ въ личности императора“ (Покровский, 325). Что римскому праву неизвѣстны были „учрежденія“ какъ юридическія лица, см. у *Ельшиевича*, 436—446. Объ институтномъ по существу характерѣ церковнаго владѣнія имуществомъ см. *R. Sohm*, Kirchenrecht. I. Leipzig 1892, 77. *A. Knecht*, System des Justinianischen Kirchenvermögenrechtes. Stuttgart 1905, 1—66 (субъекты церковнаго имущества: церкви, благотворительныя учрежденія, монастыри), ср. 4—8, 17. Ясно освѣщенъ вопросъ у *В. Н. Мъшцына*, О православномъ приходѣ, какъ юридическомъ лицѣ. Ярославль 1913 (оттискъ изъ № 1, 1913 г. „Юридическихъ Записокъ“, издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ) (на стр. 30, гдѣ рѣчь идетъ о законахъ константиновской эпохи, вмѣсто „Лициній въ эдиктѣ 310 года“, очевидно, должно быть „Галерій въ законѣ 311 года“; „второй реституціонный законъ Константина“ есть не что иное, какъ упоминаемый ранѣе эдиктъ 313 года).—Нужно замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ законахъ говорится просто лишь о „церкви“, или о „церквахъ“, безъ другихъ терминовъ (какъ это видимъ уже въ письмѣ Константина Аву-

Такимъ образомъ, закономъ 313 г. былъ положенъ конецъ тому безправному положенію христіанъ въ государствѣ, изъ котораго далеко еще не выводилъ ихъ и изданный въ 311 г. эдиктъ Галерія. Только теперь провозглашается для нихъ *restitutio in integrum*, полное возстановленіе въ правахъ, которыми они, очевидно, должны бы, съ точки зрѣнія общаго высказываемаго здѣсь законодателями положенія о религіозной свободѣ, пользоваться съ первыхъ временъ своего существованія, но были лишены въ силу извѣстныхъ взглядовъ правительства на обязательность государственной языческой религіи. Создается, съ объявленіемъ религіозной свободы и признаніемъ христіанскихъ общинъ за юридическія лица, совершенно новое въ юридическомъ отношеніи положеніе для христіанства, и справедливо, поэтому, изданіе миланскаго закона поставляется границею двухъ періодовъ.

Для самого государства объявляемая теперь религіозная свобода, въ смыслѣ вполнѣ свободнаго выбора подданными религіи по собственному желанію—каковы бы ни были дѣйствительные мотивы провозглашенія этой «*libera potestas*», «*libera facultas*», и ея дальнѣйшая судьба—являлась совершенно новымъ фактомъ, и по идеѣ, въ случаѣ строго послѣдовательнаго проведенія ея въ качествѣ принципа, должна была означать полное отреченіе отъ прежнихъ взглядовъ, лежавшихъ въ основѣ религіозной политики. Религіи внѣ компетенціи государственной власти не знали представители античныхъ воззрѣній ни греческаго востока, ни латинскаго запада, хотя

ливу), остается въ сущности открытымъ вопросъ, смотреть ли законодатель на церковь съ римской юридической точки зрѣнія, какъ на корпорацию, или имѣетъ въ виду значеніе ея, какъ института. Едва ли можно утверждать (Мышцынъ, 30—1), что въ V. С. II, 36, и Cod. Th. XI, 1, 1, Константинъ подъ „церковію“ разумѣетъ церковь, какъ учрежденіе, представляемое храмомъ. „Корпоративный“ моментъ прямо отмѣчается у Константіана въ законѣ 321 г. (Cod. Th. XVI, 2, 4, Cod. Just. I, 2, 1), гдѣ усвоется право полученія наслѣдства по завѣщанію „*sanctissimo catholicae [дополняютъ ecclesiae, или fidei, или religionis] venerabilique concilio*“, т. е., по толкованію еще Готофреда, церковной общинъ или корпорации (*corpus*) того или другого мѣста; греки перевели это выраженіе въ Basilica I, 1: *ταῖς ἀγίαις ἐκκλησίαις*. Но вообще выраженія *corpus* (σώματα), *concilium*, *conventiculum*, *collegium*, *consortium*, если и встрѣчаются въ законодательствѣ, напр., Юстиніана въ примѣненіи къ церквямъ и разнымъ церковнымъ учрежденіямъ (благотворительныя заведенія, монастыри), то вовсе не устриваютъ ихъ ясно отмѣчаемаго институтнаго характера.

бы даже сами они иногда скептически относились къ богамъ государственной религіи ¹⁾). Теперь сами правители государства въ законодательномъ актѣ съ особою выразительностью предоставляютъ полную свободу каждому слѣдовать той религіи, какую кто найдетъ лучшею для себя.

V.

Вопросъ о смыслѣ и историческомъ значеніи миланскаго закона получаетъ дальнѣйшее осложненіе, когда этотъ законъ, открывающій новый періодъ исторіи, разсматривается съ точки зрѣнія вообще религіозной политики Константина и его христіанскихъ преемниковъ, и когда дѣлаются попытки съ этой именно стороны точнѣе квалифицировать созданное этимъ актомъ новое положеніе христіанства въ государствѣ на ряду съ положеніемъ продолжавшей еще существовать прежней языческой религіи.

Новый порядокъ вещей завершился въ концѣ концовъ вытѣсненіемъ язычества изъ имперіи; то мѣсто, какое нѣкогда оно занимало, теперь заняло христіанство, оно стало единственно покровительствуемою государствомъ религіею. Въ какомъ отношеніи стоитъ къ этому конечному результату миланскій актъ? Ограничивалась ли сущность его утверженіемъ полной религіозной свободы для христіанъ и дарованіемъ правъ юридической личности ихъ общинамъ,—или въ немъ можно усматривать что-либо большее?

Наиболѣе распространеннымъ до 60-хъ, или даже до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія было то мнѣніе, что христіанство при Константинѣ не только получило свободу, но и было

¹⁾ Ср. *G. Boissier, La fin du paganisme. I. Paris 1891, 56—7* (русск. перев. подъ ред. М. С. Корелина. М. 1892, 28—9). Такъ, напр., Платонъ въ своемъ діалогѣ „Законы“ (X) предписываетъ для „нечестивыхъ“, не признающихъ утвержденной государствомъ религіи, пятилѣтнее вразумленіе, съ ежедневными наставленіями, въ „софронистиріи“—тюрьмѣ, для активныхъ же пропагандистовъ, подрывающихъ государственную религію,—пожизненное тяжкое заключеніе и лишеніе погребенія по смерти. Въ трактатѣ „О законахъ“ (II, 8) Цицерона, „одного изъ наиболѣе широкихъ и свободныхъ умовъ своего времени, который почти не вѣрить въ боговъ“, также не допускается мысль о возможности отступленія гражданина отъ культа своей страны.

сдѣлано «государственной» религіей¹⁾. Въ русской литературѣ это мнѣніе съ особой рельефностью было выдвинуто А. П. Лебедевымъ, при чемъ, по нему, преобладающее значеніе христіанству въ имперіи и было предоставлено именно миланскимъ эдиктомъ²⁾. Нельзя говорить, будто миланскій эдиктъ 313 г. провозгласилъ лишь общую религіозную терпимость, потому что уже въ этомъ году Константинъ, не ограничиваясь терпимостью, оказываетъ и милости христіанамъ: это значило бы, что «Константинъ фактически уничтожилъ знаменитый эдиктъ въ то же время, въ какое объявилъ его». На дѣлѣ «христіанство изучаемымъ актомъ не помѣшено въ рядъ съ прочими многими и безчисленными религіями въ государствѣ, а поставлено выше всѣхъ ихъ, объявлено стоящимъ во главѣ всѣхъ религій, провозглашено единственной религіей, значеніе которой, признаваемое теперь государемъ, должны рано ли—поздно ли признать и всѣ подданные. Вотъ смыслъ знаменитаго эдикта миланскаго! Христіанство Константиномъ воздвигнуто при посредствѣ эдикта миланскаго на первое мѣсто, подлѣ него, христіанства, но ниже его поставлены всѣ прочія религіи»³⁾. «Наше пониманіе эдикта, говорится далѣе, основывается не на почвѣ субъективизма, а на самомъ текстѣ миланскаго эдикта. — Главный объектъ миланскаго эдикта — христіанство, христіанская религія. Объ этой религіи прямо и рѣшительно говоритъ миланскій эдиктъ, какъ такой, какая

¹⁾ Обзоръ разныхъ мнѣній о религіозной политикѣ Константина дается у *V. Sesan*, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche. I. Czernowitz 1911, 26—37. Классификацію мнѣній (неполную) въ частности о миланскомъ эдиктѣ ср. у *T. de Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913, 332—3, гдѣ въ качествѣ представителей упоминаемаго мнѣнія отмѣчаются *E. D. A. Martini*, Über die Einführung der christlichen Religion als Staatsreligion im römischen Reiche durch Kaiser Constantin. München 1813. *N. K. Kist*, De commutatione quam Constantino Magno auctore societas christiana subiit. Trajecti ad Rhenum 1818, также Keim, Baur, и „многіе другіе“. Какъ было уже ранѣе замѣчено, возведеніе христіанства „на степень какъ бы официальнаго культа“ изъ новѣйшихъ ученыхъ усматриваетъ въ самомъ эдиктѣ *C. Santucci*, L'editto di Milano specialmente nei riguardi giuridici. Roma 1913, 11.

²⁾ А. П. Лебедевъ, Эпоха гоненій на христіанъ и утверженіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ В. Спб. 1904⁸, 299—303, ср. 308 и дал., 325 и дал. Ср. то же въ сокращеніи въ Христ. Чтеніи, 1912, № 7—8, 825—829.

³⁾ 300—301.

со времени изданія названнаго эдикта должна имѣть все значеніе и всю силу въ государствѣ, о другихъ же религіяхъ говорится здѣсь какъ бы вскользь, мимоходомъ» ¹⁾). «Тонъ эдикта миланскаго слишкомъ ясно говоритъ о томъ, что эдиктъ этотъ больше всего и первѣе всего имѣетъ въ виду облагодѣтельствовать христіанъ, но лишь не отвергаетъ и другихъ послѣдователей прочихъ религій» ²⁾). По мнѣнію автора, «смыслъ эдикта миланскаго не допускаетъ другого толкованія кромѣ того, что Константинъ, издавая указанный эдиктъ, стремится дать первенство и силу религіи христіанской, ей открываетъ широкій путь для вліянія на умы народовъ и довольствуется въ отношеніи къ другимъ религіямъ—толерантностію, т. е. въ его положеніи—чувствомъ безразличія и холоднаго равнодушія» ³⁾). Это возвышеніе христіанской религіи надъ другими сопровождалось «замѣтнымъ поправленіемъ правъ и привилегій этихъ послѣднихъ» ⁴⁾), «права язычества *in tacito* въ значительной мѣрѣ являлись поправленными» ⁵⁾).

Несогласное съ этимъ представленіемъ дѣла мнѣніе особенно опредѣленно высказалъ въ новое время Рихтеръ ⁶⁾). Сущность миланскаго эдикта состоитъ, по нему, именно въ провозглашеніи религіозной свободы, какъ совершенно новаго принципа, въ отличіе отъ прежняго обыкновенія римской религіозной политики «дозволять» или терпѣть культы. Христіанство теперь сразу возвысилось изъ положенія то терпимой, то гонимой религіи въ положеніе религіи вполне равноправной съ язычествомъ. Нужно называть этотъ эдиктъ

¹⁾ 301. ²⁾ 302. ³⁾ 302—303. ⁴⁾ 303. ⁵⁾ 309.

⁶⁾ *H. Richter*, Das weströmische Reich besonders unter den Kaisern Gratian, Valentinian II. und Maximus (375—388). Berlin 1865. По словамъ Рихтера (669), въ то время какъ „почти всѣ церковныя и гражданскія исторіи принимаютъ, что Константинъ провозгласилъ христіанство государственною религіею“, онъ досель только въ трехъ книгахъ встрѣгилъ проводимый имъ взглядъ: *Niedner*, Kirchengeschichte [1846, 1866³⁾], *Beugnot*, Histoire de la destruction du paganisme en occident. I. [Paris 1835], p. 186 [ср. 58, 73—4], и *Burckhardt* [Die Zeit Constantins des Grossen, 1853], Abschn. 9. Ср. однако *Sesan*, 28. Мнѣніе Рихтера о „паритетѣ“ религій въ указываемомъ Рихтеромъ смыслѣ принялъ *Th. Brieger*, Constantin der Grosse als Religionspolitiker, въ Zeitschrift für Kirchengeschichte, V. IV, 1881, 178—182, ср. 181 (и отдѣльно). Къ этому мнѣнію склоняется и *В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней церкви. III. Спб. 1912, 33. Что смыслъ миланскаго эдикта сводится именно къ провозглашенію религіозной свободы, это признается теперь большинствомъ ученыхъ. *d) Sesan*. 31—3. *De Bacci Venuti*, 333.

эдиктомъ не о вѣротерпимости (Toleranzedict), а о религіозной свободѣ (Freiheitsedict): христіанство не сдѣлано имъ лишь «дозволенной» религіей (religio licita), но имъ именно введено совершенно особое, не античное, христіанское начало всеобщей религіозной свободы ¹⁾. Провозглашая на основѣ проповѣдуемаго имъ неопредѣленнаго монотеизма этотъ взятый изъ христіанства принципъ, эдиктъ этимъ устраняетъ вообще государственную религію. Христіанству Константинъ покровительствуетъ, но распространенное мнѣніе, будто христіанская религія возведена имъ на степень государственной (Staatsreligion), христіанская церковь сдѣлалась государственною церковію (Staatskirche), не состоятельно. Эдикта объ этомъ, подобнаго эдикту Феодосія В. (380 г.), Константинъ никогда и потомъ не издавалъ, и вся его религіозная политика, поскольку очъ не принуждалъ язычниковъ принимать христіанство, не подтверждаетъ такого мнѣнія. Къ язычеству Константинъ не обнаруживаетъ благоволенія, но и не тѣснить его, не превращаетъ въ «терпимую» лишь религію; это было бы и рискованно (precär) при 5—6 милліонахъ христіанъ на 45 милліоновъ язычниковъ. Официально утвердилось при Константинѣ полное равноправіе языческой и христіанской религіи, при частномъ, такъ сказать покровительствѣ его церкви. При этой «тонко обдуманной системѣ паритета» («если можно воспользоваться этимъ словомъ») Константинъ и оставался, за незначительными исключеніями, до конца жизни. Какой-либо официальной государственной религіи при немъ не было ²⁾.

Съ Рихтеромъ и другими представителями изложеннаго мнѣнія сходится въ отрицаніи того, что христіанство Константиномъ было сдѣлано государственной религіей, Шультце ³⁾. Но онъ тѣмъ усиленнѣе хочетъ отмѣтить фактическое покровительство Константина именно христіанской церкви и его

¹⁾ 64—65, 668₃₃. Дѣлается ссылка на *Neander*, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Bd. II, Abth. I., Abschn. 1.

²⁾ 84—88.

³⁾ *V. Schultze*, Geschichte des Untergangs des griechisch-römischen Heidentums. I. Jena 1887, 28—67.—Konstantin der Grosse, въ *Hauck's RE³ X* [1901], 768—6.—Замѣтка о книгѣ Шесана въ *Theolog. Literaturblatt*, 1912, № 13, 294—5.—Съ предложеннымъ у Шультце представленіемъ дѣла согласился, по поводу его замѣтки о книгѣ Шесана, *K. Biltmeyer*, Das angebliche Toleranzedikt Konstantins von 312. Mit Beiträgen zur Mailänder Konstitution (313), въ *Theolog. Quartalschrift*, 1914, N. 2, 224, (замѣчаніе противъ Шесана, Виттига и Швидера).

никогда не упускаемую изъ виду послѣднюю цѣль—устранить язычество и поставить на мѣсто его христіанство. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что о дѣйствительномъ «паритетѣ» политика Константина ничего не знаетъ: съ постановкой или выполніемъ подобнаго принципа она оказалась бы противорѣчащей сама себѣ, своимъ собственнымъ актамъ. Что касается миланскаго эдикта, то онъ вовсе не обозначаетъ и не опредѣляетъ новой системы, а представляетъ лишь низшую, предварительную ступень къ ней: значеніе его исчерпывается тѣмъ, что онъ признаетъ церковь за религіозную корпорацію, возвращая ее, въ отношеніи къ вопросу о владѣніи имуществомъ, въ прежнее положеніе, въ какомъ она была уже при Галліенѣ, и гарантируетъ тѣмъ это владѣніе въ будущемъ; эдиктъ собственно наложилъ лишь печать законности на то, что было и раньше, политическихъ правъ христіанамъ въ области государственной онъ не далъ. Но въ дѣйствительности христіанство, по благоволенію къ нему правителей, пользуется затѣмъ этими правами, и фактически это означало умаленіе по существу правъ язычества ¹⁾). Въ своихъ отношеніяхъ къ послѣднему Константину, разумѣется, долженъ былъ руководиться осторожностью, если христіане составляли даже, какъ думаетъ авторъ, въ началѣ IV в. $\frac{1}{5}$ часть всего населенія ²⁾, но къ концу своей жизни онъ рѣшился уже нанести ему рѣшительный ударъ общимъ запрещеніемъ языческихъ жертвоприношеній ³⁾. «Паритетнаго отношенія обѣихъ религій эта политика, такимъ образомъ, вовсе и на дѣлѣ не хотѣла и не проводила, и не показывала его хотя бы притворно. Въ непрерывной послѣдовательности, церкви она даетъ, у язычества—отнимаетъ» ⁴⁾. «Религіозно-политическія распоряженія императора движутся въ отношеніи къ христіанству и язычеству въ постоянной, равномерной прогрессіи,—тамъ увеличивая, здѣсь уменьшая права» ⁵⁾.—Съ понятіемъ паритета религій,—аргументируетъ авторъ въ своей позднѣйшей статьѣ о Константинѣ,—соединяется представленіе о безконфессіональномъ государствѣ; но идея такого государства чужда была древности. На дѣлѣ и невозможно было устроить сколько-нибудь удовлетворительно сосуществованіе двухъ не только различныхъ, но и самымъ рѣшительнымъ образомъ исключających одна другую религій. Шульце не принимаетъ и такой формулы, что существовалъ

¹⁾ Geschichte, 31—32.²⁾ 39.³⁾ 55—58.⁴⁾ 58.⁵⁾ 59.

«явно паритетъ, но втайнѣ—покровительство новой религіи» ¹⁾. Правового отношенія къ церкви, которое открывало бы доступъ къ руководственному вліянію на нее государства, Константинъ не устанавливалъ ²⁾.—Юридическое положеніе христіанства и язычества, такимъ образомъ,—какъ формулировалъ это еще позже самъ Шульце въ рецензіи на книгу Шесана,—сводилось къ тому, что античной религіи оставлено было на первыхъ порахъ существованіе, какъ религіи государственной, но христіанство государственной религіей не было сдѣлано. Понятіе государственной религіи, въ смыслѣ того времени, включаетъ не внѣшнее только, но и внутреннее отношеніе обоихъ факторовъ—государства и религіи. Но наши источники, если ихъ правильно толковать, для времени Константина «предполагаютъ христіанство, какъ дозволенную, свободную религію, какою была, напр., и іудейская»,—и только. «Но такъ какъ христіанство было личною религіей правителя и имѣло на своей сторонѣ неизмѣримо громаднѣйшій перевѣсъ нравственныхъ и религіозныхъ силъ, то историческое развитіе необходимо должно было вести къ вытѣсненію язычества изъ его положенія въ качествѣ государственной религіи и къ поставленію христіанства въ это положеніе». Христіане, конечно, какъ граждане, пользовались тѣми же правами, что и язычники; но это вовсе не даетъ основаній для вывода, что ихъ религія, поэтому, являлась государственной. Параллель съ христіанами могутъ представлять въ данномъ случаѣ іудейскіе прозелиты римскаго происхожденія ³⁾.

Шесаномъ именно, въ его книгѣ ⁴⁾, проводится отличающаяся отъ ранѣе указанныхъ мнѣній теорія—о паритетѣ

¹⁾ RE³, X, 768. Такъ именно характеризуетъ политику Константина H. Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit. II. Gotha 1887, 220.

²⁾ 769. ³⁾ Theolog. Literaturblatt, 1912, 294—5.

⁴⁾ V. Šesan, Kirche und Staat im römisch-byzantinischen Reiche seit Konstantin dem Grossen und bis zum Fallen Konstantinopels. B. I. Die Religionspolitik der christlich-römischen Kaiser von Konstantin d. Gr. bis Theodosius d. Gr. (313—380). Czernowitz 1911. Въ русской литературѣ мысль о двухъ государственныхъ религіяхъ по миланскому эдикту высказалъ, но не развилъ подробно, какъ отмѣчаетъ это Шесанъ (39), И. С. Бердниковъ, Къ вопросу о государственномъ положеніи религіи, въ Правосл. Собесѣдникѣ, 1881, III, 37 (и отдѣльно, 10). Позже, въ очеркѣ: Наши новые законы и законопроекты о свободѣ совѣсти (оттискъ изъ журнала „Голосъ Церкви“ за 1913 г.). М. 1914, 229—231, онъ воспроизводитъ слова А. П. Лебедева о миланскомъ эдиктѣ.

двухъ «государственныхъ религій» въ константиновскую эпоху. Мнѣніе вообще о паритетѣ религій при Константинѣ, упоминаніе и о двухъ «государственныхъ» религіяхъ, можно вообще встрѣчать въ литературѣ, въ разныхъ видахъ и комбинаціяхъ, нерѣдко ¹⁾. Шесанъ съ особой подробностью развиваетъ этотъ взглядъ, и считая паритетъ въ указанномъ смыслѣ основаннымъ именно на миланскомъ эдиктѣ, существованіе его распространяетъ до 380 г. (другіе—лишь до 324 или до 337 г.). Доказательство этого положенія и составляетъ, по нему, цѣль его книги ²⁾. И такъ какъ миланскій эдиктъ въ данномъ случаѣ имѣетъ, по автору, «чрезвычайную важность», то онъ, поэтому, и удѣляетъ такъ много вниманія этому документу: съ нимъ «стоитъ и падаетъ и введенный Константиномъ паритетъ христіанства съ язычествомъ» ³⁾. Такъ какъ подъ «государственной» религіей обычно разумѣется религія, пользующаяся особыми, исключительными правами въ государствѣ, терминъ же «паритетъ» въ новое время употребляется для выраженія лишь полного равенства разныхъ религій въ отношеніи къ свободѣ въ «правовомъ», безрелигіозномъ государствѣ, то авторъ вынужденъ сдѣлать поясненія, что онъ въ данномъ случаѣ пользуется этими терминами въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Подъ «государственной» религіей онъ разумѣетъ вообще пользующуюся покровительствомъ государства религію хотя бы и не надѣленную исключительными на это правами, для «паритета» же въ принимаемомъ имъ смыслѣ указываетъ аналогію въ правовомъ положеніи разныхъ исповѣданій въ одномъ государствѣ во времена реформаціи (особенно съ вестфальскаго мира) ⁴⁾.—Константинъ былъ совершенно чуждъ мысли о безрелигіозномъ государствѣ; въ моментъ изданія эдикта онъ считалъ христіанство единственно истинной религіей, а не держался лишь неопредѣленнаго монотеизма, христіанство онъ и хотѣлъ поставить на мѣсто язычества. Но такъ какъ язычество представляло внушительную силу и было государственной религіей, и лишить его сразу всѣхъ привилегій было невозможно, то указанную задачу можно было выполнить только возвысивъ новую религію въ то же привилегированное положеніе, въ какомъ тогда находилась языческая религія; лишь съ теченіемъ времени послѣднюю можно было безопасно объявить

1) Ср. 27—34, 39—40.

2) 40.

3) 42.

4) 46—68, 51—53, 57—58.

безправною, что и было сделано только уже в 380 г. Феодосием В. Это существование двух «государственных» религий в одном государстве означало, конечно, аномалию с правовой точки зрения (*Rechtsanomalie*) и во времена Константина, но такое положение дела было необходимою переходною стадіею (313—380) от языческаго религіознаго государства къ христіанскому ¹⁾. Подвергая критикѣ мнѣніе Шульце, авторъ настаиваетъ на томъ, что и въ это время было совершенно опредѣленное правовое упорядоченіе (*Ordnung*) отношенія между государствомъ и обѣими религіями ²⁾. И оно было сделано именно въ миланскомъ эдиктѣ. По Шульце, со стороны Константина было лишь фактическое постоянное и открытое покровительство по отношенію къ христіанству, проявляемое, такъ сказать, административно, въ порядкѣ управленія. По мнѣнію Шесана, это предполагаемое публичное покровительство (*öffentliche Begünstigung*) христіанству было «*in merito*» вовсе не покровительствомъ, а лишь осуществленіемъ уже установленнаго въ принципѣ и гарантированнаго миланскимъ эдиктомъ уравненія христіанства въ отношеніи къ привилегіямъ съ язычествомъ, что юридически представляетъ существенное различіе, потому что покровительство основывается на особомъ правѣ, какъ изъятіи изъ существующаго права, могущемъ снова быть взятымъ обратно». Но въ намѣренія Константина такое основанное лишь на изъятіи изъ общаго закона положеніе (*Ausnahmszustand*) христіанства вовсе не входило ³⁾. Юридическое значеніе эдикта въ томъ, что дарованіемъ «абсолютнѣйшей и полнѣйшей» свободы вѣры и богослуженія, возвращеніемъ конфискованныхъ имуществъ корпораціи христіанъ (*corpus*) и ихъ отдѣльнымъ общинамъ и признаніемъ чрезъ это имущественной правоспособности за церковь, или отдѣльными церквами, и значенія юридической личности, устанавливается правовое положеніе для христіанства, какъ государственной религіи. Но при этомъ не отняты права государственной религіи и у язычества: оно лишилось только права быть единственной государственной религіею ⁴⁾. Противъ мнѣнія А. П. Лебедева Шесанъ протестуетъ не менѣе рѣшительно, нежели противъ мнѣнія Шульце ⁵⁾. Политики равноправія двухъ религіи

¹⁾ 48—50, 68.

²⁾ 61.

³⁾ 63.

⁴⁾ 231—232.

⁵⁾ 224—225.

Константинъ держался и во все дальнѣйшее время своего царствованія; общаго закона о запрещеніи языческихъ жертвъ, предполагаемаго нѣкоторыми учеными, онъ не издавалъ ¹⁾. То же было и при его преемникахъ, до Гратіана и Феодосія В. Даже при Константіи дѣло ограничивалось по отношенію къ язычеству лишь угрозами; паритета не было лишь на словахъ, но онъ былъ въ дѣйствительности ²⁾.

Особое мнѣніе по вопросу о значеніи миланскаго закона проводить, наконецъ, Де Баччи Венути ³⁾. Дѣйствительно новымъ въ этомъ документѣ онъ считаетъ именно установленіе со стороны правительства одинаковыхъ отношеній и къ христіанамъ, и къ послѣдователямъ всякихъ другихъ религій (что касается даруемыхъ христіанамъ правъ, то онъ держится мнѣнія, что для этого были прецеденты уже раньше). Основною задачею религиозной политики Константина въ сущности было—на мѣсто старой языческой религіи, съ которой находилось раньше въ столь тѣсной связи государство и которую оно поддерживало, поставить христіанство. Но выполнить это сразу не было возможно, уже въ виду отношеній къ язычеству Ликинія, если бы у самого Константина и оказалось достаточно смѣлости для этого. Первымъ возмож-

¹⁾ 238—290, 261—279.

²⁾ 290—316.

³⁾ *T. De Bacci Venuti*, Dalla grande persecuzione alla vittoria del Cristianesimo. Milano 1913. То, что говорится у автора по поводу выраженія „*summa divinitas*“ въ миланскомъ документѣ, частію было уже давно высказываемо въ той или иной формѣ разными учеными въ связи съ вопросомъ о религиозныхъ воззрѣніяхъ самого Константина. Такъ какъ въ самомъ Константиновѣ, по крайней мѣрѣ въ первое время послѣ его обращенія, иногда видятъ лишь представителя синкретизма, не далеко еще ушедшаго отъ язычества, то соответственно этому опредѣляется и характеръ его религиозной политики (Keim, Zahn, Duruy). Но какъ замѣчаетъ *A. Bernareggi*, *L'editto di Milano e la dottrina cattolica sulla libertà religiosa*, въ *La Scuola Cattolica*, 1913, Maggio e Giugno, 219. Де Баччи Венути (какъ и Ватиффоль), приписываетъ Константину не „действительскія“ (въ смыслѣ языческаго монотеизма) уоѣжденія, а лишь действительскую политику. Что миланскій эдиктъ былъ только первымъ шагомъ со стороны Константина къ предоставленію христіанской религіи господства, и объявленіе въ немъ равноправія культовъ вызвано политической необходимостью, эта мысль, по *Bernareggi*, 217, 218, развита у *R. Mariano*, *La conversione del mondo pagano al cristianesimo* (въ *Scritti vari*, vol. II). Firenze 1901. Самъ *Bernareggi*, 216—222, видитъ въ эдиктѣ не утвержденіе принципа (*l'affermazione del principio*), а лишь допущеніе факта (*la concessione di fatto*) религиозной свободы.

нымъ въ такомъ положеніи шагомъ на пути къ цѣли было расторгнуть, по крайней мѣрѣ, тотъ неразрывный доселѣ союзъ, который связывалъ государство съ прежней религіей. Это и было сдѣлано чрезъ поставленіе христіанства и язычества въ равное положеніе въ государствѣ. Отсюда именно и объясняется привлекающее нынѣ особое вниманіе къ себѣ заявленіе миланскаго эдикта о «свободѣ совѣсти»: оно—просто лишь результатъ временнаго компромисса (*transazione*) между разрушающимся старымъ—язычествомъ, и торжествующимъ побѣду новымъ—христіанствомъ, а не плодъ замысла, предугадавшего теоріи новыхъ временъ о свободѣ; выступая съ нимъ, Константинъ и Ликийскій не сознавали и не могли признавать всего значенія его; блеснувъ на мгновеніе (*come un garido baleno*), оно было затѣмъ надолго забыто, пока мысль новой эпохи не вспомнила о немъ ¹⁾. Но на дѣлѣ, объявленная тогда религіозная свобода была въ сущности далеко неполною. Соотвѣтственно тогдашнему смыслу термина *religio* (*θρησκεία*), означавшаго собственно не «религію» въ нынѣшнемъ широкомъ смыслѣ этого слова, а лишь внѣшній культъ, въ эдиктѣ провозглашается свобода именно культа христіанскаго и всевозможныхъ языческихъ культовъ ²⁾. Эти послѣдніе, такимъ образомъ, могли существовать по прежнему и по изданіи миланскаго закона ³⁾. Но законъ вводитъ существенную перемѣну въ другомъ отношеніи—касательно общей идеи о Божествѣ: мѣсто прежняго политеистическаго воззрѣнія заступаетъ монотеистическое, покровительства себѣ и государству правители ожидаютъ не отъ «боговъ», а отъ «верховнаго Божества» ⁴⁾. Подъ этимъ *summa divinitas* нельзя въ эдиктѣ разумѣть именно христіанскаго Бога: идея «верховнаго Божества» широко распространена была къ тому времени и въ языческихъ кругахъ ⁵⁾. Прежняя государственная религія оказалась, такимъ образомъ, въ довольно своеобразномъ (*curiosa*) положеніи: основаніе для себя она находила уже не въ себѣ самой, а въ «верховномъ Божествѣ», которое, по императору, хотѣло мира и для христіанъ. Императоръ допускалъ старую религію римлянъ, но въ то же время шель далѣе и возвышался надъ нею своимъ монотеизмомъ, который могъ включать въ себя и религію христіанъ. Независимости

¹⁾ 161—6, 295—6.

²⁾ 329—331.

³⁾ 336—8.

⁴⁾ 338.

⁵⁾ 331—2.

религіознаго сознанія отъ всякаго вліянія со стороны государственной власти здѣсь, очевидно, нѣтъ. Не только не предполагается возможность существованія государства безъ религіи, но и прямо проводится монотеизмъ въ качествѣ какъ бы общей основы для разныхъ находящихся въ государствѣ вѣрѣ; порываются лишь связи, прикрѣплявшія государство къ его прежней религіи. Мопотеистическое понятіе, конечно, болѣе соответствуетъ христіанскимъ воззрѣніямъ, и единый Богъ христіанъ, въ дѣйствительности, скоро отождествляется съ языческимъ *summa divinitas*, и дѣло завершается рѣшительной побѣдой христіанства ¹⁾). Такимъ образомъ, согласно съ этимъ взглядомъ, при объявленіи свободы ви́шняго культа, обязательной, внушаемой самимъ правительствомъ вѣрой долженъ по миланскому эдикту, тѣмъ не менѣе, являться монотеизмъ, первоначально языческаго характера, но уже (по замыслу Константина) какъ ступень къ христіанству.

Разногласіе мнѣній, такимъ образомъ, и здѣсь обнаруживается весьма значительное; при этомъ подъ одинаковыми на видъ терминами скрывается иногда весьма различное содержаніе. Въ то время какъ Рихтеръ полагаетъ, что миланскимъ актомъ совсѣмъ устраняется понятіе государственной религіи, по Шесану, наоборотъ, имъ создается особое положеніе дѣлъ — религіозная политика съ двумя государственными религіями. Оба, и Рихтеръ, и Шесанъ, говорятъ о паритетѣ, но въ разныхъ смыслахъ: первый имѣетъ въ виду «паритетъ», такъ сказать, свободы, второй — «паритетъ» покровительства государственной власти. Лебедевъ положеніе государственной религіи, въ силу изданія уже самаго миланскаго эдикта, усвоить одному только христіанству. Шультце, напротивъ, думаетъ, что государственной религіей и послѣ миланскаго акта осталось язычество, но фактически затѣмъ вся дальнѣйшая дѣятельность Константина направляется къ замѣнѣ язычества христіанствомъ. Наконецъ, у Де Баччи Венути высказывается взглядъ, что въ качествѣ какъ бы обязательной государственной вѣры въ эдиктѣ выступаетъ не христіанство и не прежнее язычество, а широкій монотеизмъ.

Изъ всѣхъ этихъ различныхъ попытокъ опредѣлить религіозную политику Константина и положеніе, занимаемое въ

¹⁾ 338—9.

ней миланскимъ актомъ, наиболѣе вѣрнымъ, по вопросу о самомъ этомъ актѣ, его смыслѣ и значеніи, представляется въ общемъ взглядъ Рихтера. Но что касается взятой въ цѣломъ политики Константина, то нужно согласиться съ характеристикой ея, данной у Шульце. Вѣрныя замѣчанія о значеніи эдикта можно находить у Де Баччи Венути, согласнаго извѣстными сторонами своего взгляда частію съ Рихтеромъ, частію съ Шульце; но не всѣ его утвержденія могутъ быть приняты безъ возраженій и ограниченій. Лебедевъ и Шесанъ безъ нужды преувеличиваютъ дѣйствительное значеніе миланскаго акта.

Какъ видно изъ самаго текста его, въ немъ провозглашается не преимущество христіанства предъ языческимъ и другими культурами, а лишь равенство религій предъ закономъ, и именно по отношенію только къ свободѣ: въ этомъ лишь смыслѣ устанавливается «паритетъ» религій. Но вѣрно то, что вообще послѣдней цѣлью Константина, соотвѣтственно его личному убѣжденію въ исключительной истинѣ христіанской религіи, было утвержденіе этой религіи во всей имперіи вмѣсто язычества: свои пожеланія касательно этого онъ и выразилъ совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, въ 324 г., и имъ должны были болѣе или менѣе соотвѣтствовать и дѣйствія императора. Въ виду этого и «паритетъ» свободы оказывается на дѣлѣ далеко не прочнымъ при Константинѣ, хотя онъ не забывалъ о немъ и въ послѣдующее время, и къ этому могли побуждать его и религиозныя и политическія соображенія. Что касается «паритета» въ иномъ значеніи, то можно утверждать, что, при постоянномъ личномъ покровительствѣ и содѣйствіи христіанству, какой-либо «паритетъ» христіанской и языческой религіи въ смыслѣ одинаково привилегированнаго положенія той и другой онъ отнюдь не имѣлъ въ виду санкціонировать юридически, хотя бы въ качествѣ только переходной стадіи къ полному господству христіанства. Юридическая неопредѣленность и отсутствіе общихъ законоположеній въ этомъ случаѣ открывали лишь большій просторъ для необходимыхъ мѣропріятій въ административномъ порядкѣ.

Мнѣніе о дарованіи эдиктомъ господствующаго положенія христіанству и аргументація въ пользу этого мнѣнія у Лебедева оставляютъ безъ вниманія обстоятельство происхожденія этого закона и не имѣютъ на дѣлѣ основаній въ его текстѣ. Нужно имѣть въ виду, какъ уже было замѣчаемо, что хотя

иниціатива и содержаніе закона исходили отъ Константина, но онъ изданъ былъ имъ вмѣстѣ съ Ликиніемъ и по соглашенію съ послѣднимъ, и предназначался, нужно думать, ближайшимъ образомъ для области послѣдняго. А такъ какъ законъ долженъ былъ быть посланъ и Максимиனு, то приходилось считаться не только уже съ индифферентнымъ, по меньшей мѣрѣ, къ христіанству Ликиніемъ, язычникомъ въ душѣ, но и съ прямо враждебнымъ къ новой религіи Максиміномъ. Понятны отсюда условія, при какихъ получилъ начало миланскій законъ. Константинъ едва ли могъ думать о представленіи христіанству и въ областяхъ своихъ соправителей рѣшительнаго преимущества предъ язычествомъ, когда нужно было прежде всего обезпечить для христіанъ еще право вполнѣ свободнаго существованія и юридическую правоспособность христіанскихъ общинъ. Онъ могъ въ своихъ владѣніяхъ тогда уже оказывать явное предпочтеніе и милости христіанству, но въ законѣ, имѣвшемъ въ виду христіанъ въ другихъ областяхъ имперіи, онъ по необходимости долженъ былъ болѣе или менѣе сообразоваться съ настроеніемъ правителей этихъ областей.

Въ текстѣ закона въ дѣйствительности и не находимъ ничего о какихъ-либо особыхъ преимуществахъ христіанской религіи, и въ немъ вовсе не говорится объ этой религіи, «какъ такой, какая со времени изданія названнаго эдикта должна имѣть все значеніе и всю силу въ государствѣ». Если христіанство есть «главный объектъ» эдикта, о христіанствѣ всюду прежде всего говорится въ немъ, то вѣдь именно христіане и нуждались въ измѣненіи своего стѣсненнаго положенія на лучшее. Простымъ актомъ справедливости, а не какою либо особою милостію, являлось по существу и возвращеніе христіанскимъ общинамъ конфискованныхъ имуществъ, коль скоро онѣ признаны были имѣющими законное право на владѣніе ими. Язычество, разумѣется, потерпѣло чрезъ этотъ эдиктъ весьма большой ущербъ въ томъ отношеніи, что лишилось привилегіи быть единственною, исключительно преобладающею религіею въ государствѣ. Но для христіанства это было пока лишь не болѣе, какъ поставленіе его въ равное положеніе съ язычествомъ въ отношеніи къ свободѣ. Можно считать доказательствомъ особаго расположенія Константина къ христіанству вообще фактъ изданія имъ этого закона, можно указывать на прямо направленныя къ облагодѣтельствуванію хри-

стіанства указы и мѣры Константина, относящіеся уже къ времени изданія эдикта, можно, наконецъ, и въ самомъ эдиктѣ отыскивать выраженія, свидѣтельствующія объ этомъ расположеніи; но какъ юридическій актъ, онъ не говоритъ ни о чемъ большемъ, чѣмъ выходило бы за предѣлы дарованія христіанамъ свободы и христіанскимъ общинамъ права считаться юридическими лицами.

Эти замѣчанія приложимы болѣе или менѣе и къ разсужденіямъ Шесана, поскольку онъ, хотя возражаетъ противъ мнѣнія о возвышеніи христіанства эдиктомъ на степень господствующей религіи въ государствѣ, на самъ сущность эдикта усматриваетъ въ возведеніи христіанской религіи въ одинаковое положеніе съ язычествомъ, какъ государственной религіей. И Шесанъ также не обращаетъ должнаго вниманія на условія происхожденія миланскаго закона. Безъ всякой нужды онъ хочетъ въ немъ именно видѣть не начальную ступень религіозной политики Константина, не первый только актъ ея, обусловленный историческими обстоятельствами, но уже цѣльную и точно опредѣленную, такъ сказать, программу этой политики, какъ политики паритета двухъ «государственныхъ» религій. Въ текстѣ документа, однако, и онъ констатируетъ только дарованіе христіанамъ «абсолютнѣйшей свободы вѣры и культа» и признаніе христіанскихъ общинъ за юридическія лица. Но ни то, ни другое само по себѣ недостаточно для названія религіи «государственной», хотя Шесанъ какъ будто бы уже въ одной «абсолютнѣйшей» свободѣ готовъ видѣть признакъ государственной религіи ¹⁾. Желая найти для послѣдующаго фактическаго положенія религій въ имперіи, когда язычество не было еще лишено разныхъ унаслѣдованныхъ отъ старины привилегій, но въ то же время благоволеніе государей всецѣло уже перешло на сторону христіанства, юридическія основанія, авторъ въ провозглашенномъ миланскимъ закономъ паритетѣ свободы усматриваетъ паритетъ привилегированнаго положенія. Но въ этомъ законѣ и для язычества гарантируется собственно только такая же свобода, какая дается въ немъ христіанамъ, а какія-либо другія привилегіи язычества прямо еще не санкціонируются,

¹⁾ 231: dem Christentum wird die *absoluteste* [курсивъ Шесана] Glaubens- und Kultusfreiheit d. i. die rechtliche Stellung als Staatsreligion eingeräumt.

хотя фактически онѣ и сохранялись болѣе или менѣе до извѣстнаго момента за прежней государственной религіей. Свобода при этомъ предоставляется, по буквѣ закона, послѣдователямъ всякихъ, безъ какого-либо различія, религій и культовъ, слѣдовательно, напр., и послѣдователямъ иудейской религіи, также мапихейства и т. п. (§ 6: etiam aliis— безъ всякихъ ограниченій).

Находить въ миланскомъ актѣ больше, нежели сколько на самомъ дѣлѣ въ немъ содержится, побуждаетъ. между прочимъ, повидимому, опасеніе умалить въ противномъ случаѣ значеніе этого акта, если будетъ признано, что онѣ далъ лишь юридическую санкцію тому, чѣмъ фактически христіане пользовались уже болѣе или менѣе и прежде, и что, какъ думаютъ нѣкоторые, даже было облакаемо отчасти и ранѣе въ юридическую форму ¹⁾. Въ дѣйствительности, и безъ ненужнаго преувеличенія остается несомнѣннымъ важное значеніе его, какъ акта, положившаго рѣшительный конецъ безправному положенію христіанъ въ имперіи и вмѣстѣ съ этимъ, чрезъ объявленіе полной религіозной свободы, низведшаго язычество *de jure* изъ прежняго положенія единой государственной религіи въ рядъ всѣхъ другихъ религій. Если бы не необходимость считаться съ настроеніемъ соправителей при изданіи закона въ виду особаго назначенія послѣдняго, Константинъ, нужно думать, въ другихъ словахъ формулировалъ бы свою волю, и вѣроятно, его личное расположеніе къ христіанству нашло бы уже здѣсь гораздо болѣе прямое и ясное выраженіе. Но эта же необходимость за то, съ другой стороны, заставляла съ особою обстоятельностью разъяснить и поставить на вполнѣ твердую юридическую почву тотъ, хотя бы минимальный, объемъ правъ для послѣдователей христіанства, который уже былъ бы вполнѣ достаточенъ для дальнѣйшаго существованія и развитія христіанской церкви даже въ предѣлахъ владѣній государей, лично къ христіанству вовсе не расположенныхъ.

До Баччи Венути полагаетъ, что обязательное значеніе въ силу миланскаго закона долженъ былъ получить тотъ монотеизмъ, который исповѣдуютъ въ немъ сами законодатели. На дѣлѣ, однако, нѣтъ основаній придавать заявленіямъ объ этомъ въ эдиктѣ значеніе какой-либо юридической обязательности.

¹⁾ Ср., напр., *§esan*, 43.

Въ законѣ не только нѣтъ никакихъ прямыхъ предписаній относительно монотеизма, но говорится именно о «свободномъ» почитаніи самими правителями верховнаго Божества (§ 3). То обстоятельство, что государи являются почитателями этого Божества, послѣдователями монотеизма, разумѣется, не могло быть, безразличнымъ для подданныхъ, но значеніе оно должно было имѣть въ качествѣ лишь примѣра. О свободѣ для всѣхъ въ выборѣ и содержаніи той или иной религіи въ законѣ вообще заявлялось такъ часто и выразительно, что не должно было оставаться сомнѣнія въ возможности толкованія этой свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ. При этомъ нѣтъ необходимости и самый монотеизмъ миланскаго документа истолковывать непременно и исключительно въ языческомъ смыслѣ. Если провозглашеніе въ немъ религіозной свободы было, какъ думаетъ Баччи, собственно «компромиссомъ» вызваннымъ политическими обстоятельствами, тѣмъ болѣе можно объяснять такимъ образомъ неопредѣленность выраженія «*summa divinitas*». Предоставляя Ликинію и Максимино соединять съ нимъ какое угодно представленіе, Константинъ самъ могъ разумѣть—и несомнѣнно разумѣлъ—подъ этимъ *summa divinitas* именно христіанскаго Бога.

Особыми условіями происхожденія и ближайшею цѣлью миланскаго закона объясняются, можно полагать, какъ вообще проявленная въ немъ точка зрѣнія самаго широкаго и неопредѣленнаго, не специфически христіанскаго, монотеизма, такъ и отсутствіе различія, по отношенію къ самому христіанству, между католическою церковію и сектами. Когда провозглашалась всеобщая религіозная свобода и дѣло шло о дарованіи христіанамъ еще самыхъ элементарныхъ правъ въ неподвластныхъ непосредственно самому Константину частяхъ государства, было бы непослѣдовательно и несвоевременно настаивать на такомъ различіи, если бы самъ Константинъ даже имѣлъ его въ виду. Вообще вопросъ о сектахъ выходитъ за предѣлы буквы миланской конституціи; можно утверждать, что самъ Константинъ и здѣсь, говоря о христіанской церкви, разумѣетъ католическую церковь, по прямо это не выражено ¹⁾).

¹⁾ Ср. разъясненія у *Sesani* а. 232—237. Послѣ того какъ съ обнаруженіемъ латинскаго текста миланскаго закона открылось, что греческому *αἰρέσεων* въ переводѣ Евсевія соответствуетъ латинское *condicio-nibus* (§ 4), толкованіе Валуа, будто здѣсь идетъ рѣчь о распространеніи

Очевидно, такимъ образомъ, что миланскій законъ, хотя и обязанный своимъ происхожденіемъ именно Константину и занимающій, по своему общему историческому значенію, особо видное мѣсто въ ряду актовъ религіозной политики его, самъ по себѣ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ своего появленія, не можетъ еще считаться полнымъ и точнымъ выраженіемъ этой политики. Чтобы судить о дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ и намѣреніяхъ перваго христіанскаго императора, необходимо имѣть въ виду еще другія заявленія и дѣйствія его, относящіяся частію уже ко времени изданія разсматриваемаго документа, частію къ дальнѣйшей исторіи. Не слѣдуетъ только пытаться внести непремѣнно и въ этотъ документъ то, чего въ немъ нѣтъ и не могло быть по самымъ условіямъ его составленія. *)

А. Бриллиантовъ.

свободы и на секты, уже не имѣетъ основаній, хотя его держится, напр., даже Неандеръ (KG⁴ III, 17—18). Нѣтъ основаній, какъ разъясняетъ Шесанъ, видѣть, подобно Кейму, указаніе на секты въ alii § 6, разумѣя подъ christiani въ документѣ каеволическихъ христіанъ, которымъ онъ будто бы противопоставляются. Но спорнымъ и весьма мало вѣроятнымъ является и обратное мнѣніе, высказанное Гюлле, что самъ Константинъ сознательно и намѣренно включалъ въ понятіе christiani и послѣдователей христіанскихъ сектъ. Вѣроятнѣе всего, что въ данномъ случаѣ онъ просто игнорировалъ ихъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Переписка протопресвитера І. Л. Янышева съ генераломъ А. А. Кирѣевымъ.

ПЕРЕПИСКА протопресвитера І. Л. Янышева († 13 іюня 1910 г.) съ генераломъ А. А. Кирѣевымъ († 13 іюля 1910 г.), печатаніе которой начинается съ настоящей книжки «Христіанскаго Чтенія», представляетъ не одинъ только біографическій интересъ. Главный предметъ переписки—старокатолическое движеніе и сношенія съ старокатоликами по вопросу о соединеніи ихъ съ православною церковью. Обсужденіе же этого вопроса, хотя доселѣ еще не приблизило его къ разрѣшенію, оказало тѣмъ не менѣ замѣтное вліяніе на развитіе нашего богословскаго сознанія, вызвавъ нашихъ лучшихъ богослововъ на повѣрку принятыхъ положеній о разностяхъ, раздѣляющихъ восточную и западную церкви, и о ихъ значеніи, поставивъ вопросъ о границахъ церкви вселенской и введя практически въ научный оборотъ мысль о необходимости различать между догматомъ и богословскимъ мнѣніемъ. Письма І. Л. Янышева и А. А. Кирѣева, съ непосредственностью и прямою, не всегда встрѣчающимися въ печатныхъ произведеніяхъ, раскрываютъ намъ, какъ идея единенія съ ревнителями католической истины на Западѣ вмѣстѣ съ связанными съ нею проблемами отражалась въ умахъ двухъ наиболѣе потрудившихся въ этомъ дѣлѣ дѣятелей—выдающагося русскаго богослова, просвѣщеннѣйшаго руководителя высшей духовной школы въ лучшую пору ея дѣятельности, и свѣтскаго публициста-славянофила съ религиозными интересами. Они показываютъ глубокую личную преданность обоихъ старокатолическому дѣлу и даютъ видѣть обстановку,

въ какой протекала ихъ работа, и препятствія, какія они встрѣчали со стороны богословскаго невѣдѣнія, косности и узости въ пониманіи православія. Представляя собою съ этой стороны матеріаль собственно для исторіи старокатолическаго вопроса въ Россіи, настоящая переписка можетъ дать нѣкоторый матеріаль и для исторіи русской богословской мысли и общихъ условій ея развитія.

Нѣсколько писемъ І. Л. Янышева и А. А. Кирѣева о старокатолицизмѣ уже были напечатаны въ «Христіанскомъ Читаніи» (1911 г. №№ 5/6, 11 и 12). Послѣ того О. А. Новиковою (рожд. Кирѣевою) и Е. П. Янышевою переданы были въ петроградскую духовную академію сохранившіяся у нихъ письма двухъ названныхъ дѣятелей другъ къ другу. Въ этомъ собраніи письма А. А. Кирѣева начинаются съ 1872 г. Въ то время въ С.-Петербургѣ только-что основанъ былъ отдѣлъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, имѣвшій между прочимъ спеціальною цѣлью «поддерживать сношенія съ поборниками православной истины за границей и оказывать имъ нравственную опору». Дѣло велось подъ просвѣщеннымъ и благожелательнымъ покровительствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, принявшаго званіе Перваго Учредителя отдѣла. А. А. Кирѣевъ, состоявшій при Великомъ Князѣ адъютантомъ, былъ избранъ секретаремъ общества, а І. Л. Янышевъ, тогда ректоръ с.-петербургской духовной академіи, состоялъ членомъ совѣта общества. Общая работа сблизила обоихъ и положила начало перепискѣ другъ съ другомъ. Письма А. А. Кирѣева отъ этого времени касаются дѣятельности общества и часто имѣютъ характеръ краткихъ дѣловыхъ записокъ. Съ 1877 г. начинаются и письма І. Л. Янышева. Позднѣе участіе обоихъ корреспондентовъ въ учрежденной въ 1892 г. официальной комиссіи по старокатолическому вопросу, оживившееся обсужденіе этого вопроса въ богословской литературѣ, отечественной и заграничной, сопровождавшееся выступленіемъ строгихъ критиковъ старокатолицизма, наконецъ предпринятое изданіе международнаго старокатолическаго журнала въ теченіе многихъ лѣтъ давали двумъ друзьямъ старокатоликовъ обильный матеріаль для обмѣна мыслями и чувствами, и письма ихъ становятся все болѣе содержательными. І. Л. Янышевъ въ перепискѣ выступаетъ чаще всего въ роли компетентнаго руководителя и совѣтника, мудраго и осторожнаго, глубоко вѣрящаго въ торжество праваго дѣла, а А. А. Кирѣевъ не-

измѣнно является неутомимымъ ходатаемъ за интересы старокатоликовъ, постоянно занятымъ изысканіемъ способовъ послужить ихъ дѣлу и убѣдить, кого слѣдуетъ, въ необходимости и нравственной обязанности пойти на встрѣчу «западнымъ ревнителямъ православія»; близко принимая къ сердцу всѣ препятствія въ работѣ, онъ нерѣдко впадаетъ въ грустное, пессимистическое настроеніе. Переписка оканчивается 1909 годомъ.

Письма печатаются въ хронологическомъ порядкѣ, но сохраненіе этого порядка представлялось возможнымъ лишь съ приблизительною точностью, такъ какъ очень многія, письма, въ особенности А. А. Кирѣва, не имѣютъ вовсе датъ и въ содержаніи не заключаютъ никакихъ указаній на время ихъ написанія или же лишь очень темныя указанія. Ошибки въ распредѣленіи писемъ даже по годамъ вслѣдствіе этого являются почти неизбѣжными. Въ орфографіи писемъ А. А. Кирѣва при печатаніи сдѣланы по мѣстамъ отступленія отъ подлинника.

И. П. Соколовъ.

I.

30 іюля ¹⁾.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Хотя письмо, написанное Вами Ив. Т. Осинину ²⁾ по поводу невозможности отъѣзда Вашего за границу и оставило намъ очень мало надежды, однако, ежели не ошибаюсь, Вы еще не совершенно намъ отказали... Конгрессъ въ Кельнѣ откроется 10/22 сентября ³⁾. Поѣздка туда и назадъ возьметъ у Васъ никакъ не болѣе 2-хъ недѣль, считая, что Вамъ должно будетъ пріѣхать дня за 3 до начала собранія (о расходахъ я не говорю, ибо они, конечно падаютъ на Общество...) ⁴⁾. Здѣсь мы беремъ все устроить наилучшимъ образомъ: Вашъ отпускъ будетъ продолженъ на все то время, которое Вы посвятите на поѣздку въ Кельнъ (за это Вамъ

¹⁾ 1872 года. *И. С.*

²⁾ Иванъ Терентьевичъ Осининъ, профессоръ с.-петербургской духовной академіи († 1887 г.). *И. С.*

³⁾ Второй старокатолическій конгрессъ въ Кельнѣ 8—10 (20—22) сентября 1872 г. *И. С.*

⁴⁾ С.-Петербургскій Отдѣлъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, делегатомъ котораго І. Л. Янышевъ былъ на конгрессѣ. *И. С.*

ручается Вел. Князь) ¹⁾. Однимъ словомъ, всѣ возможныя удобства будутъ доставлены... Имѣя все это въ виду, сообщите мнѣ (Невскій № 88), не можете ли Вы отправиться въ Кельнъ въ качествѣ депутата нашего Общества? Я не распространяюсь о той пользѣ, которую Вы можете принести дѣлу, и оканчиваю письмо мое просьбою скорого отвѣта.

Душевно преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

II.

Павловскъ. 11 августа ²⁾.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

До отправленія депутата въ Кельнъ, намъ необходимо собраться для составленія программы. Великій Князь очень бы желалъ, чтобы Вы присутствовали на этомъ собраніи „усиленнаго совѣта“. Хотя Вы и намѣреваетесь остаться въ Моп герос до 20-го, но мы надѣемся, что Вамъ, можетъ быть, можно будетъ пріѣхать въ Петербургъ на нѣскольکو часовъ. Засѣданіе могло бы быть между 13-мъ и 16-мъ. Я Вамъ во всякомъ случаѣ пришлю телеграмму съ извѣщеніемъ о днѣ и часѣ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

III.

24 сентября 1872 года.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я еще не вполне окончилъ свой отчетъ ³⁾, но надѣюсь, что къ средѣ вечеромъ онъ будетъ готовъ, и тогда я — къ Вашимъ услугамъ. Ежели Вамъ придется быть въ городѣ, то я бы просилъ Васъ назначить мнѣ время, когда Вамъ можно будетъ *не стѣсняясь* завернуть ко мнѣ, въ противномъ случаѣ я къ Вамъ явлюсь въ академію; чтеніе займетъ не болѣе $\frac{1}{4}$ часа; отчетъ вышелъ сначала очень длинный, но я его много урѣзала. Рѣчей старокатоликовъ я касаюсь болѣе съ *формальной* стороны, такъ что Вамъ, вѣроятно, придется разъяснить ихъ значеніе *внутреннее*.

В. Князь возвращается въ концѣ мѣсяца, такъ что засѣданіе будетъ, я думаю, въ самомъ началѣ октября.

¹⁾ Великій Князь Константинъ Николаевичъ, Первый Учредитель С.-Петербур. Отдѣла Общ. Люб. Дух. Просв. († 1892 г.). *И. С.*

²⁾ 1872 года. *И. С.*

³⁾ Отчетъ о кельнскомъ старокатолическомъ конгрессѣ; содержаніе его см. въ письмѣ А. А. Кирѣева къ И. Т. Осивину въ Сборникъ протоколовъ Общ. Люб. Дух. Просв. СПб. Отд. Годъ первый. СПб. 1873, стр. 101. *И. С.*

Не можете ли Вы сдѣлать мнѣ одолженіе? Пришлите мнѣ списокъ (съ адресами) журналовъ (духовныхъ), которымъ Вы полагали бы полезнымъ послать письма старокатоликовъ. Въ отвѣтъ на посылку нашихъ протоколовъ мы не получили ни *единого* отвѣта; я полагаю, что, можетъ быть, мои письма не дошли. Кстати, будьте такъ добры попросить г. Чельцова ¹⁾ прислать мнѣ обратно оригиналы писемъ старокатоликовъ, мнѣ необходимо ихъ имѣть у себя.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

IV.

7 октября 1872 г.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я спрашивалъ сегодня у Вел. Князя *Sölnische Zeitung*, но онъ мнѣ не могъ ея отдать, ссылаясь на то, что онъ желаетъ самъ познакомиться съ рѣчами ²⁾, и еще ихъ не читалъ. Я полагаю, что Вы можете достать *Söln. Zeitung* въ какой-либо редакціи...

Католическіе епископы объявили формальную войну Бисмарку. Читали ли Вы ихъ манифестъ?

Душевно преданный А. Кирѣевъ.

V.

Вторникъ вечеръ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Вел. Князь проситъ Васъ пріѣхать къ нему завтра (въ среду) въ часъ для предварительныхъ переговоровъ объ отчетѣ. Я тоже тамъ буду и предлагаю Вамъ пріѣхать къ В. Князю не въ часъ, а въ 12^{1/2} (для того, чтобы передать Вамъ сущность того, что было говорено во вчерашнемъ засѣданіи). Можетъ быть, это будетъ для Васъ не бесполезно при разговорѣ съ Вел. Княземъ.

Мы дѣйствительно Васъ ожидали вчера и жалѣли, что Вы по недоразумѣнію не прибыли (Вел. Князь не приказывалъ разсылать приглашеній). Итакъ до свиданія завтра.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

Р. С. Возвращаю Вамъ письмо „открытое“; оно можетъ попасть въ коллекцію курьезовъ. Рука мнѣ положительно знакома, но теперь не могу припомнить. Кажется, кто-то или изъ нашего Общ. Л. Д. Просвѣщенія или изъ Славянскаго Комитета.

¹⁾ И. В. Чельцовъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи († 1878 г.). *И. С.*

²⁾ Разумѣются, вѣроятно, рѣчи, произнесенныя на старокатолическомъ конгрессѣ въ Кельнѣ. *И. С.*

VI.

Отчетъ ¹⁾ Вашъ, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, нуженъ собственно для протокола; конечно, ежели Хр. Чтеніе только *незначительно* сократитъ его, ежели все, что характеризуетъ движеніе, всѣ главнѣйшія событія конгресса останутся въ томъ видѣ, въ которомъ они представлены были Вами на засѣданіи, останутся не измѣненными, то можно будетъ довольствоваться и тѣмъ, что будетъ напечатано въ Хр. Чтеніи. Во всякомъ случаѣ, такія сокращенія могутъ быть сдѣланы собственно съ Вашего совѣта.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

P.S. Завтра переговорю съ Великимъ Княземъ.

VII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Если у Васъ отчетъ готовъ для печати, то будьте такъ добры прислать его мнѣ. Я его передамъ вмѣстѣ съ протоколомъ въ „Прав. Вѣстникъ“. Относительно перевода на нѣмецкій языкъ для германскихъ нашихъ пріятелей мы потолкуемъ впослѣдствіи.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

VIII.

Пятница вечеръ.

Ежели маленькія исправленія въ отчетѣ, о которыхъ Вы упоминаете, многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ, уже сдѣланы, то я бы попросилъ Васъ прислать его ко мнѣ не позже воскресенья вечеромъ, ибо въ понедѣльникъ я бы все это отдалъ въ печать. Дождаться стенографическихъ отчетовъ трудно, притомъ я не думаю, чтобы могли открыться какіе-либо противорѣчія; вѣдь Вы имѣли въ виду краткіе протоколы, внесенные въ Кельнскую газету, а ихъ составлялъ Рейшъ ²⁾.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

IX.

17 ноября 1872 г.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Я слышалъ, что у Васъ въ семействѣ случилось несчастіе: что у Васъ опасно заболѣла дочь. Такое горе, всегда

¹⁾ Вѣроятно, отчетъ о кельнскомъ конгрессѣ, представленный прот. І. Л. Янышевымъ въ засѣданіи Отдѣла О. Л. Д. П. 22 октября 1872 г. Отчетъ этотъ въ „Христ. Чтеніи“ напечатанъ не былъ. *И. С.*

²⁾ Боннскій профессоръ Ф. Г. Рейшъ († 1890 г.). *И. С.*

тяжелое, усложняется еще и другими Вашими хлопотами по другой Вашей дочери—диссертация, о которой Вамъ, конечно, теперь недосугъ думать. Повѣрьте, любезнѣйшій Иванъ Леонтьевичъ, что я не пишу къ Вамъ, какъ говорится, „отъ нечего дѣлать“, а потому, что знаю, какъ Вы должны быть опечалены болѣзнью Вашего ребенка, и что близко и серьезно интересуюсь всѣмъ, касающимся Васъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

X.

Вторникъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Будьте такъ добры сообщить мнѣ адресъ вице-предсѣдателя московскаго Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія отца I. Рождественскаго. Мнѣ приходится ему писать, а адреса его у меня нѣтъ.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XI.

Среда утромъ.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мною Вамъ вчера во дворцѣ, находится м. пр. докладная записка (написанная на бланкѣ Общества), испрашивающая бесплатную пересылку „Воскресныхъ Бесѣдъ“, издаваемыхъ нашимъ Обществомъ (московскаго отдѣла). Мнѣ необходимо представить ее завтра Велик. Князю, поэтому прошу Васъ прислать мнѣ ее или съ подателемъ сего письма или же съ кѣмъ-либо другимъ, но въ теченіи сегодня.

Преданный Вамъ А. Кирѣевъ.

XII.

Многоуважаемый Иванъ Леонтьевичъ.

Очень хорошо сдѣлали, что отложили свиданіе съ Вел. Княземъ. Это и его желаніе, такъ какъ онъ желаетъ Васъ видѣть *на досугъ* (я сообщилъ ему, что Вы имѣете порученіе отъ Вѣры Константиновны).

Весь Вашъ А. Кирѣевъ *).

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Памяти проф. Н. В. Орлова.

Day by day the voice saith: „come,
Enter thine eternal home“,
Asking not if we can spare
This dear soul it summons there.

Английскій похоронный гимнъ.

Въ настоящее время, когда тысячи дорогихъ для Россіи жизней ежедневно гибнутъ на кровавыхъ поляхъ без примѣрной въ исторіи человѣчества брани, смерть на одрѣ болѣзни поражаетъ насъ, быть можетъ, меньше. Чувство утраты не такъ живо овладѣваетъ нами,—впечатлительность какъ бы немного притупилась. А между тѣмъ смерть и здѣсь то и дѣло уносить изъ нашихъ рѣдѣющихъ рядовъ дорогихъ и нужныхъ намъ людей. Давно ли мы стояли около дорогой могилы о. прот. А. П. Мальцева, а вотъ уже и новая жертва той же неумолимой смерти! Въ началѣ прошлаго декабря въ Лондонѣ умеръ одинъ изъ старѣйшихъ служителей русской церкви за границей—Николай Васильевичъ Орловъ, профессоръ русскаго языка въ одномъ изъ колледжей Лондонскаго университета ¹⁾ и псаломщикъ русской посольской церкви. Съ его смертію сошла со сцены весьма интересная и весьма симпатичная личность въ небольшой русской колоніи въ столицѣ Англій. Проживъ болѣе сорока лѣтъ въ Англій, покойный Н. В. сталъ какъ бы чѣмъ-то прямо необходимымъ для этой колоніи; его утрата будетъ живо чувствоваться всѣми, кто только имѣлъ случай встрѣчать этого почтеннаго старожилу многомиліон-

¹⁾ Покойный, начиная съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, состоялъ проф. русс. яз. и литературы въ King's College въ Лондонѣ.

наго Лондона. Мы имѣли пріятнѣйшую возможность знать почившаго въ теченіи почти 16 лѣтъ и во многомъ итти съ нимъ рука объ руку. Отсюда и наше скромное желаніе сказать хотя нѣсколько словъ о почившемъ, чтобы добрая память о немъ сохранилась и у всѣхъ тѣхъ, кто не зналъ его лично, но, можетъ быть, знакомъ былъ съ его литературными трудами.

Покойный Н. В. кончилъ курсъ академіи въ Петроградѣ въ 1869 году со степенью магистра богословія и тотчасъ же уѣхалъ въ Англію. Петроградская духовная академія можетъ вполне гордиться имъ, такъ какъ почившій всю свою жизнь посвятилъ наукѣ и высоко держалъ знамя богословскаго знанія, служа ему не одною своею мыслию, но и живымъ примѣромъ своей жизни. Въ литературѣ почившій извѣстенъ какъ своими оригинальными, такъ и переводными трудами. Его магистерская работа касалась очень интересной и модной въ свое время темы: „Ирвингизма“¹⁾. Изученіе этой секты дало Н. В. хорошій толчокъ къ изученію религіозной жизни Англіи вообще, и нужно сказать, что въ личныхъ бесѣдахъ Н. В. сообщалъ иногда весьма интересные факты и выводы касательно этого предмета. Переводы его²⁾ были сдѣланы больше по чисто практическимъ побужденіямъ—для школъ Американской православной миссіи, и лишь отчасти вызваны были желаніемъ сдѣлать наше богослуженіе и ученіе нашей Церкви доступнымъ и англиканамъ. Отсюда отсутствіе въ нихъ научныхъ комментаріевъ, какіе мы находимъ въ переводахъ о. Прот. А. П. Мальцева. Но это не отнимаетъ у нихъ свойственной имъ цѣнности, и не лишаетъ автора права на благодарность со стороны тѣхъ, кому послѣ придется продолжать это великое дѣло. Довольно часто выступалъ почившій и на страницахъ періодической печати, какъ англійской, такъ и русской. Въ англійской печати его статьи появлялись въ одномъ изъ лучшихъ богословскихъ журналовъ—*The Journal of Theological Studies*, а въ русской печати его корреспонден-

¹⁾ Печаталась эта работа отдѣльными очерками въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1875, 76 и 78 гг.

²⁾ Имъ переведены: *Octoechos* (Октоихъ), *The General Menaion* (Миней общая), *The Ferial Menaion* (Миней мѣсячная), *Horologion* (Часословъ и др.

ціи много разъ украшали собою страницы академическаго журнала „Церковнаго Вѣстника“. Но всѣ эти труды не давали и не могли дать того, что многіе могли почерпнуть отъ покойнаго при личномъ общеніи съ нимъ. Н. В. былъ высоко интересенъ какъ личность, и мы постараемся кратко очертить его именно съ этой стороны.

Ключъ къ пониманію этой личности дается близкимъ знакомствомъ съ тѣмъ, какъ слагалась и шла карьера этого весьма недоужиннаго по своимъ дарованіямъ человѣка. Судьба не баловала его. Несмотря на весьма солидныя данныя, и умственные и нравственные, Н. В. прошелъ свое земное поприще въ скромномъ званіи псаломщика, и люди, которымъ слѣдовало бы оцѣнить его, дѣлали все время какъ разъ обратное и сознательно затирали его. Это создало въ душѣ покойнаго сильный душевный надломъ, который могъ бы сказаться на немъ весьма пагубно, если бы онъ не нашелъ себѣ поддержки въ своей богато одаренной натурѣ. Отъ скорби душевной онъ какъ бы ушелъ въ себя, углубился, пересилилъ жгучую боль обиды и выработалъ въ себѣ удивительную нравственную стойкость и независимость, и ту благородную широту и терпимость, которая всегда характеризуетъ людей, много и глубоко пережившихъ въ своей жизни. Смерть—эта великая примирительница человѣческихъ разногласій—примирила и почившаго съ опечалившими его, но мы смѣемъ уповать, что эта скорбная цѣпь жизни, такъ неожиданно порвавшаяся, ударила не по нему одному, но благотворно подѣйствуетъ и на опечалившихъ его. Повторяемъ,—горекъ былъ опытъ жизни почившаго, но въ этомъ горькомъ опытѣ жизни отшлифовались всѣ тѣ прѣкрасныя качества души почившаго, которыми надѣлила его природа и которыя такъ часто бросались въ глаза наблюдателямъ, входившимъ въ близкія сношенія съ покойнымъ Н. В.

Первое, что такъ сильно поражало въ покойномъ, это его глубокая, непоколебимая и дѣтски чистая вѣра въ Бога. Его религіозность была той средой, въ которой онъ черпалъ силу и утѣшеніе въ трудныя минуты своей жизни. Но эта вѣра была выстрадана имъ, была чѣмъ-то добытымъ въ горькомъ опытѣ жизни. Она проникала всю его жизнь и окрашивала всѣ его дѣйствія и проявленія его жизни. Она заражала собою и другихъ, дѣйствуя своею искренностію и

глубиною. Кто могъ, напр., такъ читать на клиросѣ, какъ почившій? Слышавшіе это чтеніе никогда его не забудутъ. Это была какая-то особенная гамма настроеній, которая, какъ бурная волна, неотразимо была въ вашу душу, придавала иногда поразительный смыслъ читаемому, часто для васъ слабо дѣйственному въ силу привычки, или частаго повторенія. Но покойный во все умѣлъ влагать какой-то особенный смыслъ и такъ иногда умѣлъ затронуть васъ, что вы невольно глотали слезы. Эта же высокая настроенность создавала какую-то особенную теплоту и въ его счастливой семейной жизни. Но религіозность покойнаго была чужда и узости и старообрядческаго фанатизма. Православный до мозга костей, почившій могъ съ безпримѣрною широтою и терпимостію указать и оцѣнить то хорошее въ иныхъ путяхъ служенія Богу, которые приходилось такъ часто наблюдать въ Лондонѣ. Намъ часто приходилось съ нимъ стоять въ толпѣ на различныхъ религіозныхъ митингахъ въ Hyde Park, и всякій разъ приходилось убѣждаться въ томъ, какъ вѣрно и глубоко могъ покойный подмѣчать ту или другую хорошую сторону въ проявленіяхъ религіозности у англичанъ, и умно и тонко, съ чисто русскимъ юморомъ и добродушіемъ вышутить ту или иную комическую сторону митинговыхъ ораторовъ на религіозныя темы. Хорошій знатокъ церковнаго устава, онъ все же не увлекался „многоглаголаніемъ“, и всегда стоялъ за разумное и умѣренное пользованіе назидательными элементами нашего богослуженія.

Вторая черта почившаго была его прямота и честность убѣжденій и какой-то трогательный культъ свободы, въ атмосферѣ которой протекла вся его сознательная жизнь. Свобода религіозной жизни и науки—это убѣжденіе было краеугольнымъ камнемъ его міровоззрѣнія. „Возьмите эти митинги въ паркѣ“, часто говаривалъ онъ намъ:—„въ нихъ, сознаюсь, много уродливаго и отрицательнаго. Но даже и въ отрицательномъ смыслѣ они лучше, чѣмъ подпольное и запретное броженіе мысли. Человѣкъ пришелъ, выговорился, обмѣнялся мыслями, и разрушительная работа уединенной мысли уже направлена въ спокойное русло. Крайности мысли сгладились отъ соприкосновенія съ иными возможными путями понимать вещи, и человѣкъ изъ заговорщика обращается въ мирнаго творца жизни“. Отсюда же происте-

кало и то глубокое уваженіе, которое покойный питалъ къ англійской богословской наукѣ. На его письменномъ столѣ всегда можно было встрѣтить ту или иную богословскую новинку, и покойный всегда очень вѣрно и умѣло оцѣнивалъ удѣльный вѣсъ книги. Онъ внимательно прочитывалъ главные богословскіе журналы и газеты, и всегда охотно дѣлился своими выводами и наблюденіями.

Въ третьихъ, что особенно дорого было въ почившемъ, это его чисто русское гостепрѣимство и всегдашняя готовность помочь всякому русскому, кого судьба забросила на далекую чужбину. Кто только ни бывалъ у него въ гостинной, и кого мы тамъ ни встрѣчали! Тамъ бывали и профессора, и ученые, и пионеры торговаго дѣла, и просто интеллигентные путешественники! Для всѣхъ покойный былъ чѣмъ-нибудь полезенъ, или готовъ былъ оказать ту или иную помощь! Но кто особенно всегда будетъ ему благодаренъ, такъ это мы, зеленая молодежь, попавшая подъ его теплое водительство. Выброшенные на широкое и бурное море европейской жизни, мы сразу же получили боевое крещеніе, и могли подъ вліяніемъ пошлости праздної жизни предъ глазами потерять широкій и развивающій интересъ къ окружающей насъ богатой и глубокой жизни англійскаго народа. Почившій, какъ умный кормчій, скоро увлекъ насъ къ изученію и страны, и ея языка, предоставивъ въ наше пользование и свое глубокое знаніе англійскаго языка, и широкое знакомство съ англійскою жизнію. Много пріятныхъ и глубоко полезныхъ вечеровъ мы провели въ его уютномъ и тихомъ кабинетѣ на Finborough Road, и часто далеко за полночь шла наша мирная бесѣда. Покойный охотно дѣлился своими богатыми знаніями и интересными воспоминаніями. Съ кѣмъ ему не приходилось только встрѣчаться! Какія интересныя бесѣды приходилось, напр., вести ему съ нашимъ знаменитымъ мыслителемъ В. С. Соловьевымъ (упоминающимъ покойнаго въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Лондона. Письма, Т. II, стр. 11). И во всѣхъ своихъ встрѣчахъ Н. В. оставался все тѣмъ же милымъ, готовымъ на всякую услугу землякомъ. Для всѣхъ у него былъ готовъ и совѣтъ, и активная помощь. Многіе русскіе помянутъ его добромъ, ибо почившій былъ не скупъ на добродѣланіе.

Но всѣ качества почившаго находили свое завершеніе въ одномъ высшемъ—поразительной кающности его религіознаго самосознанія.

Это былъ католикъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь на немъ сказанъ долгій и широкій опытъ заграничной жизни. Свое не утратило принципиальной цѣнности, но какъ бы отшлифовалось въ лучшую и высшую форму. Онъ горячо болѣлъ душою за нестроенія въ Восточной церкви, всегда интересовался дѣлами греческаго востока, близко стоялъ и къ греческому клиру и греческой кононіи въ Лондонѣ, и горячо и убѣжденно работалъ вездѣ, гдѣ только возникали общества съ уніональными интересами. Постоянно наблюдая ростъ католицизма и соборности въ англиканствѣ, онъ иногда съ горечью говорилъ о Востокѣ, гдѣ, какъ на Шипкѣ, было все спокойно, и гдѣ молитва о мирномъ и безмятежномъ житіи находила слишкомъ букввальное выполненіе. Здѣсь припоминается намъ разговоръ покойнаго по поводу панангликанскаго собора, происходившаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ. „Вѣдь, если англиканство, съ его партіями и раздорами, способно было создать такую импозантную вещь, какъ этотъ соборъ, такъ неужели мы, вѣковые хранители вселенской истины, не можемъ дать чего-нибудь подобнаго? Если истина у насъ, то почему этого не заявить, и почему не выразить ее соборно и мощно“? Припоминается и его чисто дѣтская радость, когда у насъ въ Россіи, въ эпоху перелома послѣ японской войны, были такъ широко поставлены церковные вопросы. Покойный усердно читалъ все, что писалось по этому поводу въ русской духовной и свѣтской прессѣ.

Въ этомъ же католицизмѣ почившаго находилась разгадка и его отношеній къ римскому католицизму и англиканству.

Что касается римскаго католицизма, то отношеніе къ нему почившаго было весьма сдержанно, но лишено всякой враждебности. По своимъ церковнымъ идеаламъ покойный былъ „восточникъ“ и къ католическому монархизму относился весьма критически. Но постоянное общеніе и съ клириками римско-католическими, и съ вѣрующими римско-католиками не могло не открыть почившему и страшную силу и живучесть римскаго католицизма, и его мощную и гибкую организацію. Намъ памятенъ одинъ интересный разговоръ съ покойнымъ Н. В. Однажды мы выходили съ проповѣди на миссіи одного изъ извѣстныхъ римско-католическихъ проповѣдниковъ въ Лондонѣ—іезуита Вогана. Выйдя изъ храма, мой спутникъ какъ-то особенно нервно заговорилъ: „да! знаете,—

нужно сознаться, что и у нихъ есть кое-чему поучиться! Кто эта вся публика? Мелкій людъ, служанки, клерки и пр.; а какая роскошь духовная—предъ ними говорить одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ у католиковъ! И какая широта развитія мысли у оратора! „Вы, говоритъ онъ, вѣруете и живете въ церкви, къ которой принадлежали Августинъ, папа Левъ Великій, Григорій, Иннокентій, архіеп. Анзельмъ и др.! Эта церковь всюду одна и та же, гдѣ бы вы ее ни встрѣтили, въ Англіи ли, или же въ Южной Америкѣ, Австраліи, или же въ Африкѣ. Гдѣ бы вы ни коснулись ея враждебно, она всюду дастъ свой отзвукъ, какъ одинъ могучій и живой организмъ“! И эта широта и мощь самосознанія церковнаго втолковывается вездѣ и всюду, и каждому, какъ бы скромно ни было его общественное положеніе. Развѣ это не поразительная постановка проповѣди на миссіи? Кто рѣшится оставить эту церковь во имя какихъ-нибудь новыхъ, самодѣльныхъ и жалкихъ попытокъ создать свое христіанство? Но, повторяемъ, покойный былъ убѣжденный „восточникъ“, и идеалы царства никогда не находили отзвука въ его душѣ.

Что касается англиканства, то отношеніе къ нему почившаго было всегда благожелательное, но не лишенное все же осторожности и даже критики. Н. В. очень высоко цѣнилъ англиканскую богословскую науку за ея относительную безпристрастность и осторожность въ выводахъ. „Англичанинъ, говаривалъ онъ намъ, весьма остороженъ и по свойству своего ума никогда не сдѣлаетъ окончательныхъ выводовъ безъ уполномочивающихъ его на то инстанцій. Онъ не какъ нѣмецъ, не станетъ строить исторіи по мѣркѣ своихъ гипотезъ, часто весьма рискованныхъ, или же слабо обоснованныхъ“. Вотъ почему покойный такъ сильно желалъ, чтобы наши ученые богословы почаще заглядывали въ Англію и стали бы въ непосредственную связь съ учеными Оксфорда и Кембриджа. Но что касается идеи сближенія Восточной церкви съ англиканствомъ, то здѣсь почившій сохранялъ независимое и весьма осторожное положеніе. Для него всегда былъ загадоченъ тотъ фактъ, почему англикане такъ настойчиво добивались признанія дѣйствительности своей іерархіи у Рима, а не у Востока, къ которому они всегда подходили и подходятъ, минуя этотъ „сгущ“ англиканства. Онъ иногда лично намъ сознавался, что тяготѣніе англиканъ къ Риму—

естественно, ибо они связаны съ послѣднимъ и канонически и литургически. Но все же это не мѣшало Н. В. близко стоять ко многимъ лицамъ, усердно работавшимъ надъ идеею сближенія англиканства съ Восточною церковію (архим. Теклопулось, Rev. Junes Clinton и др.). Что касается старокатоличества, то здѣсь интересы почившаго были слабѣе, хотя съ однимъ изъ участниковъ этого движенія—Dr. Overbeck'омъ, жившимъ послѣдніе годы въ Лондонѣ, онъ сохранилъ самую тѣсную и самую глубокую дружбу до конца жизни этого ученаго ¹⁾).

Такова была скромная и симпатичная личность почившаго Н. В., такъ неожиданно кончившаго свое земное поприще. Теперь, когда онъ предстоитъ престолу нелицепріятной Правды и вошелъ въ вѣчный свой покой, намъ, знавшимъ его, слѣдуетъ любовно сохранить въ своей памяти симпатичный образъ почившаго и смиренно уповать, что Тотъ, Кто глубиною мудрости управляетъ судьбами нашей жизни, воздастъ почившему за правду и добро въ его жизни, и подастъ ему вѣчный покой въ странѣ живыхъ.

Nunc suscipe, terra, fovendum,
Gremioque hunc concipe molli:
Hominis tibi membra sequestro,
Generosa et fragmina credo,

закончимъ мы словами христіанскаго поэта Аврелія Пруденція Клементя (Carmina).

Бывшій пѣвчій-сослуживецъ.

¹⁾ Dr. Overbeck умеръ православнымъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Герье В., проф. Расцвѣтъ западной теократіи. Зодчіе и подвижники „Божьяго Царства.“ Т. II. Ч. II. М. 1915. IV+354 стр. Ц. 2 р.

Дурново Николай, Матеріалы и изслѣдованія по старинной литературѣ. I. Къ исторіи повѣсти объ Акирѣ. М. 1915. 131 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Живое слово современному обществу съ академической церковной кафедры. Сборникъ проповѣдей подъ ред. В. П. Виноградова. Сергіевъ Посадъ 1915. 176 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Иларіонъ, архим. Письма о Западѣ. Сергіевъ Посадъ 1916. 79 стр. Ц. 60 к.

Лысогорскій Н. В. Единовѣріе на Дону въ XVIII и XIX в. (по 1883 г.). Сергіевъ Посадъ 1916. 800 стр.

Сагарда Н. И., проф. Вѣра и жизнь христіанская по ученію святыхъ отцовъ и учителей Церкви. Вып. III. О тріединомъ Богѣ. Пгр. 1915. Изданіе Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. 160 стр. Ц. 30 к.

Трубецкой Е. Н. Умозрѣніе въ краскахъ. Вопросъ о смыслѣ жизни въ древне-русской религіозной живописи. Публичная лекція. 44 стр. Ц. 25 к.

Туберовскій А. Воскресеніе Христова. Опытъ мистической идеологіи пасхальнаго догмата. Сергіевъ Посадъ 1916. 340+IV стр. Ц. 2 р. 75 к.

Фетисовъ Н., свящ. Діодоръ Тарскій. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія его жизни и дѣятельности. Кіевъ 1915. 7+V+460 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Христіанскіе праздники. Всестороннее освѣщеніе каждаго изъ великихъ праздниковъ со всѣмъ его богослуженіемъ. Книга 2. Воздвиженіе честнаго Креста. Подъ ред. проф. М. Скабаллановича. Кіевъ. 1915. 173 стр.

Челпановъ Г., проф. Введеніе въ экспериментальную психологію. М. 1915. XXIV+293 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Чтеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ОКТАВРЬ—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1915 г.

Слово на 30-е сентября, на день поминаенія почившихъ наставниковъ и начальниковъ Академіи *свящ. Вл. Н. Страхова.*

Прот. *Θ. А. Голубинскій.* Набросокъ карандашомъ.

Два письма *А. С. Стурдзы* къ прот. *Θ. А. Голубинскому.*
Сообщилъ И. А. Голубцовъ.

Пять съ половиною лѣтъ въ должности редактора. *В. А. Соколова.*

Академическія письма *А. В. Мартынова* къ отцу.

Библействъ—Лѣтописецъ. *Д. И. Введенскаго.*

Изъ академическаго фолклора. *S. G.*

Изъ исторіи перваго магистерскаго диспута въ Московской Духовной Академіи. *Сообщилъ П. Н.*

Письма Архимандрита *Θеодора (А. М. Бухарова)* къ *А. А. Лебедеву.*

Дѣло о несостоявшейся канонизаціи *Сильвестра Обнорскаго.*
Сообщилъ П. Н.

Московская Духовная Академія и Славянофилы. *Θ. Н. Андреева.*

Слово на погребеніе себя (последнее слово) протоіерея *В. Нордова.* *Сообщилъ свящ. А. Полівантовъ.*

Страница изъ студенческаго сочиненія *С. К. Смирнова* (автографы *С. К. Смирнова* и *Θ. А. Голубинскаго*).

Изъ архива прот. *С. К. Смирнова.*

I. Письма: Архіеписк. *Евсевія* и *Филарета*; Еписк. *Филарета* и *Алексія*; Протоіер. *В. Полисадова* и *Ф. С. Сергіевскаго*; Намѣстника *Антонія*; *Н. П. Гилярова-Платонова*, *С. И. Пономарева*, *В. Θ. Кипарисова.*

II. Матеріалы къ біографіи прот. *С. К. Смирнова.*
Сообщ. Н. П.

Изъ воспоминаній студента Императорской Московской Духовной Академіи XXXII курса (1873—1877 г.г.). *М. Д. Муретова.*

Внутренній переломъ въ жизни А. М. Бухарева (архимандрита Θεодора). *Свящ. А. М. Българунова.*

Почетные члены Императорской Московской Духовной Академіи за первое столѣтіе ея существованія (1814—1914 г.г.). *Н. В.*

Празднованіе первой годовщины второго столѣтія Академіи. Объявленія о подпискѣ на журналы.

Отъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

Отъ Всероссийскаго Общества Здравницъ въ память войны 1914—1915 г.г.

Отъ Всероссийскаго Общества помощи военно-плѣннымъ.

Отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1914—1915 учебномъ году.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся и бывшимъ воспитанникамъ Императорской Московской Духовной Академіи за 1914 г.

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ОКТАБРЬ 1915 г.

† Проф. И. С. Бердниковъ. *П. Д. Лапина.*

Профессоръ Михаилъ Ивановичъ Богословскій *П. А. Юнгера.*

Памяти † профессора М. И. Богословскаго. (1844 г. 11 янв. 1915 г. 4 іюля). *І. Евсеія.*

О спасеніи. *П. П. Пономарева.*

Богословское образованіе въ Англиканской церкви. *В. А. Керенскаго.*

Краткій историческій обзоръ изслѣдованія Палестины и библейскихъ древностей. *Е. Я. Полянскаго.*

Отвѣтъ нашему критику. *М. Г. Иванова.*

Отчетъ Дамскаго Академическаго Кружка.

Объявленіе о новой книгѣ *П. А. Юнгера.*

Содержаніе: 1) Сентябрьской книжки Богословскаго Вѣстника и 2) Сентябрьской книжки Трудовъ Кіевской Духовной Академіи.

Иностранческое Обзорѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за іюнь 1915 года. Книга 11-ая.

Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1913 годъ.

ТРУДОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1915 г.

I. Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова.*

II. Рѣчь при встрѣчѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ соборѣ, 17 октября 1915 года, сказанная Василиемъ, Епископомъ Каневскимъ, Ректоромъ Кіевской Духовной Академіи

III. Рѣчь предъ молебствіемъ 15 октября 1915 г., въ день исполнившагося 300-лѣтняго юбилея Академіи. *Епископа Василя.*

IV. 300-лѣтній юбилей Императорской Кіевской духовной Академіи (15 окт. 1615 г.—15 окт. 1915 г.) Прот. *Н. С. Гроссу.*

V. Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. (Смерть и успеніе). *Архимандрита Тихона.*

VI. Происхожденіе Евангелія отъ Маттея. *Епископа Василя.*

VII. Св. Александръ александрійскій и Оригенъ. Свящ. *Д. А. Лебедева.*

VIII. Процессъ Каррансы, архіепископа Толедо. (Очеркъ изъ исторіи испанской инквизиціи XVI вѣка). *В. Д. Попова.*

IX. Изъ академической жизни. *В. Б.*

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

XI. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1914—1915 учебный годъ.

XII. Объявленія.

ДЕКАБРЬ 1915 г.

I. † Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій (1840—1915 гг.). Прот. *Ѳ. И. Титова.*

II. Слова и рѣчи, произнесенныя при погребеніи высокопреосвящ. митроп. Флавіана.

III. Св. Александръ александрійскій и Оригенъ. Свящ. *Д. А. Лебедева.*

IV. Основныя переживанія русской народной души въ годину смутнаго времени. *В. І. Фаминскаго.*

V. Процессъ Каррансы, архіепископа Толедо. (Очеркъ изъ исторіи испанской инквизиціи XVI вѣка). *В. Д. Попова.*

VI. Коптскіе акты третьяго вселенскаго собора. *Архим. Тихона.*

VII. Инокъ Герасимъ Картамышевъ. *В. З. Бьлоликова.*

VIII. Библиографія. I. *Епископа Василія*, Ректора Императорской Кіевской Духовной Академіи, заслуженнаго ординарнаго профессора, Евангеліе отъ Матвея. Критико-эзегетическое изслѣдованіе. Кіевъ 1914. Стран. XXXIX + 524. Пр. *А. Г. II.* Очеркъ исторіи Чехіи. Переводъ съ чешскаго. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. *Г.*

IX. Поправки къ статьѣ Н. Н. Пальмова: „Къ предполагаемой реставраціи Кіево-Софійскаго собора“. *Н. Н. Пальмова.*

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

XI. Указатель именъ и предметовъ къ соч. Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова.*

XII. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1913—1914 учебный годъ.

XIII. Объявленія.

XIV. Оглавленіе III-го тома „Трудовъ Императорской Кіевской Дух. Академіи“ за 1915-й годъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Герье В., проф. Расцвѣтъ западной теократіи. Зодчіе и подвижники „Божьяго Царства.“ Т. II. Ч. II. М. 1915. IV+354 стр. Ц. 2 р.

Дурново Николай, Матеріалы и изслѣдованія по старинной литературѣ. I. Къ исторіи повѣсти объ Акирѣ. М. 1915. 131 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Живое слово современному обществу съ академической церковной кафедры. Сборникъ проповѣдей подъ ред. В. П. Виноградова. Сергіевъ Посадъ 1915. 176 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Иларіонъ, архим. Письма о Западѣ. Сергіевъ Посадъ 1916. 79 стр. Ц. 60 к.

Лысогорскій Н. В. Единовѣріе на Дону въ XVIII и XIX в. (по 1883 г.). Сергіевъ Посадъ 1916. 800 стр.

Сагарда Н. И., проф. Вѣра и жизнь христіанская по ученію святыхъ отцовъ и учителей Церкви. Вып. III. О тріединомъ Богѣ. Пгр. 1915. Изданіе Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ. 160 стр. Ц. 30 к.

Трубецкой Е. Н. Умозрѣніе въ краскахъ. Вопросъ о смыслѣ жизни въ древне-русской религіозной живописи. Публичная лекція. 44 стр. Ц. 25 к.

Туберовскій А. Воскресеніе Христова. Опытъ мистической идеологіи пасхальнаго догмата. Сергіевъ Посадъ 1916. 340+IV стр. Ц. 2 р. 75 к.

Фетисовъ Н., свящ. Діодоръ Тарскій. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія его жизни и дѣятельности. Кіевъ 1915. 7+V+460 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Христіанскіе праздники. Всестороннее освѣщеніе каждаго изъ великихъ праздниковъ со всѣмъ его богослуженіемъ. Книга 2. Воздвиженіе честнаго Креста. Подъ ред. проф. М. Скабаллановича. Кіевъ. 1915. 173 стр.

Челпановъ Г., проф. Введеніе въ экспериментальную психологію. М. 1915. XXIV+293 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобретенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Читеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

ОКТАВРЬ—НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1915 г.

Слово на 30-е сентября, на день поминаенія почившихъ наставниковъ и начальниковъ Академіи *свящ. Вл. Н. Страхова*. Прот. *Θ. А. Голубинскій*. Набросокъ карандашомъ.

Два письма *А. С. Стурдзы* къ прот. *Θ. А. Голубинскому*.
Сообщилъ И. А. Голубцовъ.

Пять съ половиною лѣтъ въ должности редактора. *В. А. Соколова.*

Академическія письма *А. В. Мартынова* къ отцу.

Библеистъ—Лѣтописецъ. *Д. И. Введенскаго.*

Изъ академическаго фолклора. *S. G.*

Изъ исторіи перваго магистерскаго диспута въ Московской Духовной Академіи. *Сообщилъ П. Н.*

Письма Архимандрита *Θеодора (А. М. Бухарова)* къ *А. А. Лебедеву*.

Дѣло о несостоявшейся канонизаціи *Сильвестра Обнорскаго*.
Сообщилъ П. Н.

Московская Духовная Академія и Славянофилы. *Θ. Н. Андреева.*

Слово на погребеніе себя (последнее слово) протоіерея *В. Нордова*. *Сообщилъ свящ. А. Полівантовъ.*

Страница изъ студенческаго сочиненія *С. К. Смирнова* (автографы *С. К. Смирнова* и *Θ. А. Голубинскаго*).

Изъ архива прот. *С. К. Смирнова*.

I. Письма: Архіеписк. *Евсевія* и *Филарета*; Еписк. *Филарета* и *Алексія*; Протоіер. *В. Полисадова* и *Ф. С. Сергѣевскаго*; Намѣстника *Антонія*; *Н. П. Гилярова-Платонова*, *С. И. Пономарева*, *В. Θ. Кипарисова*.

II. Матеріалы къ біографіи прот. *С. К. Смирнова*.
Сообщ. Н. П.

Изъ воспоминаній студента Императорской Московской Духовной Академіи XXXII курса (1873—1877 г.г.). *М. Д. Муретова.*

Внутренній переломъ въ жизни А. М. Бухарева (архимандрита Θεодора). *Свящ. А. М. Българунова.*

Почетные члены Императорской Московской Духовной Академіи за первое столѣтіе ея существованія (1814—1914 г.г.). *Н. В.*

Празднованіе первой годовщины второго столѣтія Академіи. Объявленія о подпискѣ на журналы.

Отъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

Отъ Всероссийскаго Общества Здравницъ въ память войны 1914—1915 г.г.

Отъ Всероссийскаго Общества помощи военно-плѣннымъ.

Отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1914—1915 учебномъ году.

Отчетъ о состояніи Братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся и бывшимъ воспитанникамъ Императорской Московской Духовной Академіи за 1914 г.

ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА.

ОКТЯБРЬ 1915 г.

† Проф. И. С. Бердниковъ. *П. Д. Лапина.*

Профессоръ Михаилъ Ивановичъ Богословскій *П. А. Юнгера.*

Памяти † профессора М. И. Богословскаго. (1844 г. 11 янв. 1915 г. 4 іюля). *І. Евсеія.*

О спасеніи. *П. П. Пономарева.*

Богословское образованіе въ Англиканской церкви. *В. А. Керенскаго.*

Краткій историческій обзоръ изслѣдованія Палестины и библейскихъ древностей. *Е. Я. Полянскаго.*

Отвѣтъ нашему критику. *М. Г. Иванова.*

Отчетъ Дамскаго Академическаго Кружка.

Объявленіе о новой книгѣ *П. А. Юнгера.*

Содержаніе: 1) Сентябрьской книжки Богословскаго Вѣстника и 2) Сентябрьской книжки Трудовъ Кіевской Духовной Академіи.

Иностранческое Обзорѣніе, приложеніе къ журналу „Православный Собесѣдникъ“ за іюнь 1915 года. Книга 11-ая.

Протоколы засѣданій Совѣта Казанской Духовной Академіи за 1913 годъ.

ТРУДОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1915 г.

I. Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова.*

II. Рѣчь при встрѣчѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Кіево-Софійскомъ Каѳедральномъ соборѣ, 17 октября 1915 года, сказанная Василиемъ, Епископомъ Каневскимъ, Ректоромъ Кіевской Духовной Академіи

III. Рѣчь предъ молебствіемъ 15 октября 1915 г., въ день исполнившагося 300-лѣтняго юбилея Академіи. *Епископа Василя.*

IV. 300-лѣтній юбилей Императорской Кіевской духовной Академіи (15 окт. 1615 г.—15 окт. 1915 г.) Прот. *Н. С. Гроссу.*

V. Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы. (Смерть и успеніе). *Архимандрита Тихона.*

VI. Происхожденіе Евангелія отъ Маттея. *Епископа Василя.*

VII. Св. Александръ александрійскій и Оригенъ. Свящ. *Д. А. Лебедева.*

VIII. Процессъ Каррансы, архіепископа Толедо. (Очеркъ изъ исторіи испанской инквизиціи XVI вѣка). *В. Д. Попова.*

IX. Изъ академической жизни. *В. Б.*

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

XI. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1914—1915 учебный годъ.

XII. Объявленія.

ДЕКАБРЬ 1915 г.

I. † Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій (1840—1915 гг.). Прот. *Ѳ. И. Титова.*

II. Слова и рѣчи, произнесенныя при погребеніи высокопреосвящ. митроп. Флавіана.

III. Св. Александръ александрійскій и Оригенъ. Свящ. *Д. А. Лебедева.*

IV. Основныя переживанія русской народной души въ годину смутнаго времени. *В. І. Фаминскаго.*

V. Процессъ Каррансы, архіепископа Толедо. (Очеркъ изъ исторіи испанской инквизиціи XVI вѣка). *В. Д. Попова.*

VI. Коптскіе акты третьяго вселенскаго собора. *Архим. Тихона.*

VII. Инокъ Герасимъ Картамышевъ. *В. З. Бьлоликова.*

VIII. Библиографія. I. *Епископа Василія*, Ректора Императорской Кіевской Духовной Академіи, заслуженнаго ординарнаго профессора, Евангеліе отъ Матвея. Критико-эзегетическое изслѣдованіе. Кіевъ 1914. Стран. XXXIX + 524. Пр. *А. Г. II.* Очеркъ исторіи Чехіи. Переводъ съ чешскаго. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. *Г.*

IX. Поправки къ статьѣ Н. Н. Пальмова: „Къ предполагаемой реставраціи Кіево-Софійскаго собора“. *Н. Н. Пальмова.*

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

XI. Указатель именъ и предметовъ къ соч. Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова.*

XII. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1913—1914 учебный годъ.

XIII. Объявленія.

XIV. Оглавленіе III-го тома „Трудовъ Императорской Кіевской Дух. Академіи“ за 1915-й годъ.